

ПИОНЕР 2

1983

«Победа наших войск под Сталинградом знаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало изгнания вражеских войск с нашей территории».

Г. К. ЖУКОВ, Маршал Советского Союза,
четырежды Герой Советского Союза.

ВЕЛИКИЕ
БИТВЫ
СОРОК
ТРЕТЬЕГО
ГОДА

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

ВИКТОРИНА ДЛЯ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2 февраля 1943 года, сорок лет назад, закончилась Сталинградская битва — величайшая битва второй мировой войны.

Советские люди ликовали. Радовались люди и в других странах. Лишь в гитлеровской Германии был объявлен трехдневный траур: такого поражения, как под Сталинградом, гитлеровские войска еще никогда не испытывали.

Сталинградская битва показала, что немецким фашистам не одолеть Советский Союз, что война неизбежно окончится разгромом фашизма. События от начала войны до Сталинградской победы можно представить как наш подъем в крутые, высокие горы. Труден был путь, тяжела была ноша, велики были жертвы, но вот мы поднялись на самую крутизну, и с перевала открывалась перед нами дорога к окончательной победе над опасным врагом.

Викторину ведет писатель А. МИТЯЕВ.

Отступая, уничтожали врага

Летом 1942 года фашистские войска начали мощное наступление на южном крыле советско-германского фронта. Они намеревались захватить Сталинград, выйти к Волге и перерезать пути, связывающие центр страны с районами, откуда шел хлеб и шла нефть. Овладев Сталинградом, фашисты угрожали бы Москве с юга и прикрыли бы от нашего удара с севера свои войска, продвигавшиеся на Кавказ. А захват Кавказа грозил нам потерей нефти Грозного и Баку, потерей Черноморского флота. Если бы враги взяли Сталинград, советский Дальний Восток оказался бы под угрозой нападения Японии, а Закавказью грозило вторжение Турции. То были труднейшие дни в жизни Советского государства.

Наши войска отступали. Но отступали с боями. Тысячи фашистов нашли гибель в донских и волжских степях. На помощь нашим подходили резервы, тыл слал новые танки, самолеты, орудия. И осенью, дойдя до Сталинграда, войдя в Сталинград, фашисты остановились. Их атаки были бесчисленны, но достигнуть большего — взять Сталинград, перерезать Волгу — они не могли.

Вопрос викторины: ***Назови места самых памятных боев в Сталинграде.***

От обороны — в наступление

19 ноября 1942 года, ранним утром, на северо-западе от Сталинграда загрохотала наша артиллерия. Час с лишком она разрушала вражеские укрепления. В пробитые бреши устремились стрелки и танки,— началось наше наступление. Сутками позже, тоже после мощной артподготовки, враг был атакован на юге Сталинграда. Атакующие продвигались с боями навстречу друг другу так стремительно, что 23 ноября они соединились — замкнулось кольцо окружения. В кольце оказалось больше 300 тысяч фашистов — вся отборная 6-я армия и часть 4-й танковой армии врага.

Вопрос викторины: ***У каких населенных пунктов замкнулось кольцо? Нарисуй схему окружения фашистских войск.***

Герои генерала Труфанова

Гитлер и его командование надеялись спасти окруженных. На помощь им 12 декабря 1942 года с юга, от Котельниковского, двинулись сильные войска фашистов. На их пути была наша 51-я армия, которой командовал генерал Николай Иванович Труфанов. В людях и артиллерии противник превосходил эту армию в 2 раза,

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

в танках — в 6 раз. И вот при таком неравенстве сил советские воины вступили в героические схватки. Если они не устоят, враг может уйти из окружения. Ни крови, ни жизни не пожалели советские воины в тех боях. Бессмертный подвиг совершил тогда боец морской пехоты комсомолец И. М. Каплунов. Он подбил пять танков, его ранило, но герой нашел силы подбить еще три машины, под девятый танк воин подполз с гранатой...

К нашей истекавшей кровью 51-й армии спешила помощь — мощная 2-я гвардейская армия. Всего шестью часами раньше, чем враг, она достигла реки Мышковы и заняла там оборону. В жесточайших боях гвардейцы уничтожали танки противника, а 24 декабря сами перешли в наступление. Враг не выдержал нашего удара и бежал. Теперь уже никто не мог спасти окруженных фашистов. Судьба их была решена.

Вопрос викторины: *Довелось ли тебе встречаться с участниками Сталинградской битвы? О ком из героев ты читал? Расскажи об их подвигах.*

Как рухнул «воздушный мост»

К фашистам, окруженным у Сталинграда, летали сотни транспортных самолетов с продовольствием, боеприпасами, горючим. Фашисты надеялись дождаться новой помощи и все же вырваться из кольца. Много транспортных самолетов врага уничтожили не только наши зенитчики, летчики, но и танкисты.

Танковый корпус, которым командовал генерал Василий Михайлович Баданов, в морозы и метели прошел в тыл фашистов на 240 километров и внезапно напал на базу снабжения в Тацинской. Там на аэродроме и в вагонах на железнодорожной станции танкисты уничтожили больше 300 самолетов, они взорвали склады боеприпасов и горючего, сожгли продовольственные и вещевые склады. Фашистам удалось окружить наших танкистов. Но они с малыми потерями вырвались из окружения, благополучно пересекли линию фронта и вернулись к своим. Участники героического рейда были награждены правительственными наградами. Командир корпуса В. М. Баданов получил недавно учрежденный советский орден — орден Суворова № 1 второй степени.

Вопрос викторины: *Какой знаменитый военачальник за выдающиеся заслуги в Сталинградской битве был награжден орденом Суворова № 1 первой степени?*

Конец 6-й армии врага

В середине декабря гитлеровцы в кольце доели последних лошадей кавалерийской дивизии и начали охотиться за кошками и воронами. Хлебный паек был урезан со 100 граммов до 50. К голоду прибавился холод. Но, подчиняясь приказу Гитлера, командование от сдачи в плен отказывалось. 10 января 1943 года войска Донского фронта, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, атаковали врага в кольце. Атаке предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Эти последние бои в Сталинграде были тяжелыми, потребовали от воинов мужества и героизма. В январские дни 1943 года раненый гвардии сержант Н. Ф. Сердюков, чтобы спасти товарищей от гибели, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

Ничто уже не могло изменить участь обреченного врага. 31 января был пленен вместе со штабом командующий немецких войск генерал-фельдмаршал Паулюс. 2 февраля военные действия в Сталинграде окончились. На пунктах сбора пленных оказалось около 90 тысяч солдат, свыше 2500 офицеров и 24 генерала.

...После Сталинградской победы началось массовое изгнание захватчиков с советской земли. Была прорвана блокада Ленинграда. Враги побежали с Кавказа. От оккупантов были освобождены тысячи сел и города Великие Луки, Моздок, Острогожск, Ставрополь, Армавир, Воронеж, Майкоп, Батайск, Ейск, Курск, Краснодар, Ростов-на-Дону, Ворошиловград и многие другие.

Вопрос викторины: *Чем награждены все участники Сталинградской битвы? Какой военный праздник отмечаем мы ежегодно 19 ноября? Почему именно в этот день?*

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола

ЛЕНИНСКИЕ ОКТЯБРИ

Продолжение. Начало в №№ 11, 12, 1982 г., № 1, 1983 г.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

1922.— «Поднимайте выше это знамя!»

4 октября 1922 года коротенькое сообщение в газете «Известия» о том, что «тов. Ленин приступил к работе», вызвало во всей стране, на фабриках и заводах, в красноармейских казармах и селах всеобщее ликование, праздничное настроение и трудовой подъем. «Ильич снова у руля! Ильич с нами!»

Особенно приподнятое настроение царило в Кремле. Каждый звонок из кабинета Владимира Ильича звучал музыкой: какого счастливца вызывает Ильич? Телефонистки у коммутатора с особым вниманием следили за сигналами из квартиры Ильича и его кабинета, чтобы ни секунды ему не приходилось ждать. На заседании Совнаркома и Политбюро даже самые заядлые курильщики не дымили за печкой в отдушину. С особым тщанием готовились сообщения на заседаниях, все поручения Ильича выполнялись с особой любовью и оперативностью, и его «Отлично!», «Как быстро, спасибо!» были большой наградой и радостью. Даже часы в его кабинете, над которыми мастер бился столько времени, перестали отставать, не скрипели «вертушки» с книгами. В кабинете поддерживалась температура точно 14 градусов тепла, как любил Ильич.

Выздоровление Ильича после четырехмесячной болезни совпадало с пятилетием Октябрьской революции, с Конгрессом Коммунистического Интернационала, на который ожидались делегации коммунистических и рабочих партий более чем из шестидесяти стран.

Досаждали только врачи. Они разрешили работать всего пять часов в день — утром с 11 до 2, вечером с 6 до 8, установили два выходных: воскресенье и среду. Сотрудники Совнаркома приходили на работу к 9 часам, а секретарь Ленина — Лидия Александровна Фотиева — еще раньше и в 9 часов утра чутким ухом слышала, как открывалась со стороны квартиры дверь в кабинет Владимира Ильича. И она, напустив строгий вид, входила в его кабинет.

— Доброе утро, Лидия Александровна,— говорил миролюбиво Владимир Ильич,— не смотрите на меня так строго. Я не работаю, просто читаю газеты, а почту принесите мне, пожалуйста, в десять сорок пять, чтобы я успел разобрать ее, познакомиться и ровно в одиннадцать начать работать.

— Но, Владимир Ильич...

— Т-с-с, посмотрите-ка! — Владимир Ильич указывал на дверь, из-под которой вытягивалась и шарила черная с белым лапка.— Впустите, пожалуйста, и не считайте, что это посетитель.

Лидия Александровна, вздыхая, открывала дверь. Черно-белая кошка, осторожно обойдя чужого для нее человека, быстро взбиралась на колени Владимира Ильича и, свернувшись, уютно устраивалась. Эту кошку подарил Владимиру Ильичу в прошлом году Тер-Петросян — Камо — любимец Ильича. И теперь, после нелепой гибели этого отважного и легендарного революционера в автомобильной катастрофе, Владимир Ильич особенно привязался к кошке.

«Настроение у Владимира Ильича хорошее, деловое, вид бодрый»,— отмечала в дневнике Лидия Александровна.

26 октября утром он явился на заседание Политбюро особенно торжественный и занял председательское место.

— Итак, товарищи, мы можем подвести черту, поставить точку,— сказал он.— Нашенский Владивосток освобожден, белогвардейцы и японские интервенты сброшены в море. Страна полностью освобождена от иностранных захватчиков. Победа полная! Красная Армия и партизаны сделали великолепный подарок к пятилетнему юбилею Советской власти. Следует послать им приветственную телеграмму. Кому поручим?

— Лично Владимиру Ильичу Ленину,— предложил Михаил Иванович Калинин.

— С величайшим удовольствием выполню это поручение.

И другое поручение возложило Политбюро на Ленина — возглавить делегацию РКП(б) на предстоящем Конгрессе Коммунистического Интернационала.

— Да, пришла пора отчитаться перед мировым коммунистическим движением, перед международным пролетариатом за пятилетие Советской власти,— сказал Владимир Ильич.— Я выступлю с докладом. И произнесу его на немецком языке. На родном языке Карла Маркса. Это будет очень кстати — разговаривать с марксистами на языке Карла Маркса.

Товарищи одобрили. Но тут вмешались врачи. «Ни в коем случае не выступать с докладом»,— заявили они.

— Ну уж нет,— резко возразил Владимир Ильич.— Я согласен выступить с кратким, часовым докладом по одному вопросу — о нашей новой экономической политике. Я умею рассчитывать свои силы.

— Вы умеете их беспощадно расходовать,— строго сказал доктор Кожевников.— Вот, например, 3 ноября вы руководили заседаниями более двенадцати часов.

— Вы правы,— весело рассмеялся Владимир Ильич, положив руку на плечо сердитого доктора.— Заседаем мы слишком много. Маяковский вдрызг высмеял прозаседавшихся коммунистов. Читали? Нет? Почитайте. Я давно такого удовольствия не испытывал. Но заседания заседаниям рознь. Мы должны поделиться с нашими братьями по классу своим опытом. Смотрите, что творится в мире. В Италии фашистский переворот. Возник взрывоопасный очаг. Как его погасить? Мы должны во что бы то ни стало сохранить мир.

Долго уговаривал Владимир Ильич врачей, облеченных диктаторскими полномочиями во всем, что касалось его здоровья.

Наконец он согласился не выступать ни на собрании рабочих в Большом театре, ни даже на демонстрации на Красной площади, согласился не ехать в Петроград на открытие Конгресса, а лишь явиться на заседание, когда Конгресс продолжит свою работу в Москве. И начал готовиться. Составил конспект своей речи на русском языке, перевел на немецкий. Затем пригласил редактора из немецкой секции Коминтерна, чтобы «разговориться», попрактиковаться в немецком языке.

7 ноября после вечернего чая Мария Ильинична и Надежда Константиновна занялись разбором личной почты Владимира Ильича. Она была на этот раз особенно обильной. Письма со всех концов страны. Поздравляли с 5-й годовщиной Октября. С выздоровлением. И так много конвертов-самоделок, на которых по начертанным линеечкам детским почерком написан адрес. Часто очень краткий: «Кремль. Товарищу Ленину», или «Москва. Совнарком, дедушке Ленину»...

Владимир Ильич заглянул в комнату жены. Надежда Константиновна подозвала его:

— Смотри, как много ребячьих писем. И среди них такие трогательные. Вот, например.— Надежда Константиновна вынула из серого гремучего конверта листок.— Слушай: «В пятилетнюю годовщину Октябрьской революции дети Поволжья из детского дома № 2 г. Тулы шлют горячий привет своему пролетарскому дедушке Ленину, а также детское спасибо за спасение от голодных объятий смерти...»

Владимир Ильич осторожным движением взял листок, пробежал его и даже побледнел от волнения.

— А вот еще,— продолжала Надежда Константиновна,— со станции Игрень Екатерининской железной дороги: «Дети Советской республики из беспризорных, ныне живущие в детском городке вашего имени... приветствуют Вас, дорогой вождь и учитель, а нам дедушка, и в Вашем лице доблестную Красную Армию, победы которой вырвали нас из ужасов беспризорности...» Или вот такое, от учеников села Калауса Славяно-Сербской волости: «Привет нашему дедушке Владимиру Ильичу... благодарим его за труды и заботы о нас...»

Мария Ильинична вынула из груды писем конверт:

— Из Севастополя от детской конференции. Ребята пишут: «Милый и дорогой дедушка, мы, дети города Севастополя, детдомов и школ первой ступени, избираем почетным председателем конференции нашего милого дедушку Ленина...» А вот ученики из города Сумы решили назвать свою школу именем дедушки Ильича.

Владимир Ильич развел руками.

— Сколько писем получал и от ребят тоже, но никогда меня не называли дедушкой.

— Да, я тоже не помню такого случая,— сказала Мария Ильинична.— Были письма от детей, но называли по имени и отчеству, часто только по отчеству, иногда «дядя Ленин», но никогда «дедушка». А здесь что ни письмо, то «дедушка».

— Неужели я так вдруг постарел, превратился в деда?— В тоне Владимира Ильича прозвучали нотки огорчения.

Надежда Константиновна лукаво посмотрела на золовку и мужа и многозначительно сказала:

— А я понимаю, я понимаю. Это просто замечательно!

— Что именно?— спросил Владимир Ильич.

Надежда Константиновна погладила обеими руками стопку писем.

— Дело в том, что у тебя появились тысячи внучат. И именно в этом году. Ведь создана пионерская организация. И ребята считают себя твоими внучатами. Все письма от пионеров. Вот, например, из Москвы. Правда, в этом письме тебя дедушкой не называют. Юные пионеры Красной Пресни пишут: «Вождю мировой революции Владимиру Ильичу Ленину. Дорогой Ильич! Мы, пионеры 2-го отряда Краснопресненской дружины «Юных пионеров», приветствуем тебя, как идейного вождя рабочего класса...» — ну и так далее. «Мы, первые ласточки великого свободного детского движения, смело пойдем на завоевание поставленной цели, вырвем детей рабочих из объятий улицы, воспитаем из себя сильных нравственно и физически бойцов за счастье трудящихся, имея перед глазами пионера мировой революции, волю которого не в состоянии сломить ни непосильный труд, ни террор со стороны мирового капитала». Видишь, тебя здесь называют не дедушкой, а пионером.

Моментально заполнился Андреевский зал. И вот по боковому проходу, размахивая листками бумаги, идет Ленин.

— Ну, если я дедушка, тогда ты главбабушка,— рассмеялся Владимир Ильич.— Ведь ты с комсомольцами создавала эту организацию. Великолепную организацию! За ней будущее,— уже серьезно сказал он.

— Идея-то твоя была,— возразила Надежда Константиновна,— и я не главбабушка, а скорее главнянька.

...13 ноября в Кремле собрались делегаты Конгресса. Слышалась разноязыкая речь, и чаще всего произносилось слово «Ленин». Все знали, что Владимир Ильич был долгое время болен. Сможет ли он участвовать в Конгрессе? Придет ли? Скажет ли хоть несколько слов? Делегаты обращались с этими вопросами к русским товарищам, к переводчикам. Те неопределенно пожимали плечами.

Во время перерыва после утреннего заседания по залам дворца словно электрическая искра пробежало: «Ленин! Ленин идет!»

Моментально заполнился Андреевский зал. И вот по боковому проходу, размахивая свернутыми в трубочку листками бумаги, идет Ленин. «Это Ленин? Ленин?» Все встали и, еще не очень веря, что это Ленин, зааплодировали. Владимир Ильич легко поднялся на трибуну, подошел к сидящей в кресле-коляске Кларе Цеткин, которая была больна, но прибыла на Конгресс, и поздоровался с ней, а она, старая революционерка, седая Клара, потянула Ленина за руку и поцеловала его. И этот поцелуй воодушевил зал. И грянул «Интернационал». На многих языках пели люди всем понятную песню борьбы и победы, приветствуя этим гимном вождя мирового пролетариата. И теперь все взоры на него, этого невысокого, коренастого человека.

Владимир Ильич подошел к трибуне. «...С Интернационалом воспрянет род людско-оой»,— прозвучали заключительные слова.

— Товарищи! Геноссе унд геносинен! — обратился Владимир Ильич к делегатам, и те поняли намерение вождя говорить с ними на языке Маркса.

Ленин отчитывался перед мировым коммунистическим движением за пятилетие, которое прошла Советская власть.

С большевистской прямотой и предельной правдивостью рассказывал Ленин о том, как,

преодолев победоносно гражданскую войну, Советское государство оказалось перед тяжелейшими экономическими и политическими трудностями.

Германские коммунисты и все владеющие немецким языком с восхищением и доброй завистью слушали свободно льющуюся речь Ленина, который лишь изредка заглядывал в свой конспект и иногда, чуть запнувшись и пощелкав в воздухе пальцами, находил точное немецкое слово, вызывавшее одобрительные возгласы: «Аусгецайхнет!» («Замечательно!»).

Не сводя с Ленина глаз, делегаты группировались вокруг переводчиков, которые излагали суть речи Ленина, не в состоянии переводить ее синхронно. Перед коммунистами развертывалась картина героической борьбы народа. Разруха, усугубленная голодом. Во время гражданской войны крестьянство было целиком на стороне Советской власти.

— Трудно быть более за нас, чем было тогда крестьянство,— подчеркнул Владимир Ильич.

А затем наступил жестокий голод. Это вызвало отчаянное недовольство крестьянства. И полтора года назад партия приняла решение вместо принудительной продразверстки ввести продналог, то есть взимать определенный процент с урожая.

— Крестьянство довольно теперь своим настоящим положением. В легкой промышленности определенный подъем... С тяжелой промышленностью трудно. Обычно отсталая страна получает для поднятия тяжелой промышленности стомиллионные долгосрочные займы. Мы стоим одиноко... Нам займов не дают... Но мы начали торговать с капиталистическими государствами. Пока нам это принесло около 20 миллионов рублей золотом. Это мало. Это очень скромно. Мы очень экономим. Экономим на всем. Мы допустили частную торговлю, но в руках государства земля, шахты, транспорт, крупные фабрики и заводы. Мы идем неизведанным путем. Бывает, что и ошибаемся. Наши противники злорадствуют, когда мы делаем глупости.

Но если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять», а если его противники, т. е. капиталисты... делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка». Так было с Колчаком, капиталисты заключили с ним договор, надеясь на его победу, и... просчитались.

Мы сейчас упорно учимся. Учимся грамоте. Учимся торговать. Учимся хозяйствовать. Учимся экономить. И эту возможность мы получили только теперь, после пятилетней войны.

И вам, иностранным товарищам, мы тоже должны сказать, что важнейшее в наступающий теперь период — это учеба.

Вам надо постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы и... тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но превосходными.

Владимир Ильич сошел с трибуны и, встав в один ряд со всеми, запел Интернационал.

30 декабря 1922 года в 12 часов 45 минут утра в Большом театре открылся 1-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик.

Прибыли делегаты Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской и Армянской Советских Социалистических Республик.

Народ послал на съезд своих самых заслуженных и передовых рабочих и военачальников, старых большевиков и почитаемых на селе людей.

Ленина на съезде не было. Он за две недели до этого опять заболел. Но Михаил Иванович Калинин сообщил, что Ильич поправляется, и под восторженные возгласы «ура» съезд избрал Владимира Ильича Ленина своим почетным председателем, и первые слова приветствия были обращены к нему — вождю партии и Великой Октябрьской социалистической революции, организатору побед на фронтах гражданской войны и великому зодчему нового мира.

А Владимир Ильич в этот час диктовал стенографистке свою гениальную программу содружества народов, полного равноправия больших и малых национальностей, населяющих нашу страну, искренности и взаимного доверия между ними, братской взаимопомощи и уважения друг к другу.

Владимир Ильич, несмотря на болезнь, исполнял свои обязанности председателя съезда, его руководителя.

К этому съезду он готовился давно и долго. Ему принадлежала идея создания невиданного еще в мире содружества наций, Союза республик, в который РСФСР входит как равная среди равных и все республики имеют одинаковые права.

И стали крылатыми слова Всероссийского старосты Калинина:

— Мы видим, как уже поднимается новое Красное знамя Союза Советских Социалистических Республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках товарища Ленина. Итак, товарищи, вперед, поднимайте выше это знамя, чтобы его могли видеть все трудящиеся и угнетенные мира!

Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин стал Всесоюзным старостой — Председателем Исполнительного Комитета СССР. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР был единодушно избран Владимир Ильич Ленин.

Созданием Союза Советских Социалистических Республик была увенчана пятая годовщина Великой Октябрьской революции, шестой Октябрь Ильича.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

РЕСПУБЛИКА НЕУГОМОННЫХ

Мне не раз приходилось по утрам встречать на Ленинских горах этого седовласого высокого человека. Размашистой походкой он поднимался по эскалатору и направлялся к Дворцу пионеров, в кабинет истории Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Множество уникальных экспонатов собрал этот человек! Приходилось и мне слушать его выступления перед ребятами. Говорит он всегда страстно, увлеченно, приводит интересные примеры из пионерской жизни далеких 20-х и 30-х годов, отвечает на сотни ребячьих вопросов: пишут ему со всех уголков страны.

И до сих пор очень идет ему, перешагнувшему семидесятилетний рубеж, красный галстук: всю свою жизнь он крепко дружит с пионерией, верен своему любимому делу. Это Дмитрий Дмитриевич Гунин, комсомолец 20-х годов, один из первых вожатых нашей страны. Все, кто знает его, называют Дмитрия Дмитриевича просто «наш Дим Димыч».

Биография Д. Д. Гунина поистине легендарна. Сын рабочего, он в 12 лет убежал на фронт бить Колчака, стал сыном полка. После гражданской войны — он на заводе. Затем снова служба в Красной Армии. 1923 год стал для комсомольца Гунина годом особым — его направили работать вожатым. Вот с тех пор красный галстук стал для него своеобразным жизненным паролем. Сначала работа в Ленинграде, потом в Самаре, Москве, «Артеке», Обнинске, снова в Москве... Пионерская дорога длиною в 60 лет! Завидная судьба у Дим Димыча и счастливая: сколько пришлось пережить, с какими замечательными людьми встретиться, какие трудности преодолеть!

Обо всем этом Д. Гунин рассказал вам, ребята, в своей интересной и светлой книге. Каждый, кто увлекается историей пионерской организации, работой отряда, найдет в книге «Республика неугомонных»* много незабываемых страниц.

Дмитрий Дмитриевич ведет рассказ от первого лица. Читатель знакомится с первыми пионерскими отрядами, их дружбой с сельскими ребятами, жизнью в лагере. Сколько тогда было романтики и нелегкой борьбы за новую жизнь!

В главе «Дзержинцы» автор рассказывает читателю о том, как в изоляторе для беспризорных детей создавался пионерский отряд. Это было не только трудно, но и опасно: уходящий мир уголовников и воров втягивал в свои сети пацанов, калечил их души. Надо было проявить мужество и стойкость, чтобы вырвать ребят из рук преступного мира. И пионерская организация вела нелегкую борьбу за ребячьи сердца. Дим Димыч был участником этой борьбы.

Тепло и задушевно рассказывает автор о своей незабываемой встрече с пионерской «главнянькой» — Надеждой Константиновной Крупской, о той посылке с фруктами, которую отправили ей ребята. Встреча с Крупской стала для вожатого памятным уроком на всю жизнь. Надежда Константиновна критиковала парадность в пионерских делах, призывала связывать жизнь каждого пионерского отряда с трудом старших, учить юных ленинцев смотреть правде в глаза.

Довоенное поколение мальчишек и девчонок хорошо помнит события в революционной Испании. Мы носили синие «испанки» с красной кисточкой, пели революционные испанские песни, с тревогой слушали сообщения о борьбе испанского народа с фашистами. В 1937 году советские ребята встречали своих братьев и сестер из героической Испании. В нашей стране они нашли свою вторую Родину. Среди них был и сын отважной Долорес Ибаррури Рубен, который потом в жестоких боях под Сталинградом проявит мужество и отвагу, отдаст свою жизнь за свободу нашей Отчизны. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Главу «Дети революционной Испании» нельзя читать без волнения. Автор книги задушевно рассказывает о своих новых друзьях, о том, как Советское государство заботилось о детях павших борцов. Постепенно юные испанцы, пережившие ужасы бомбежек, привыкали к новой жизни, а затем создали свой пионерский отряд.

Книга «Республика неугомонных» небольшая. Но каждая страница возвращает читателя к фактам значительным, овеянным дыханием неповторимого времени — годам рождения и становления пионерского движения в нашей стране. Эта книга — хороший друг и советчик для каждого пионера, для пионерского актива. Спасибо автору за книгу добрую, мудрую и веселую.

С. ФУРИН.

* Д. Гунин. «Республика неугомонных». М., «Молодая гвардия», 1975.

Каких пионеров и как выбираете вы своими командирами?

Что сделал каждый у вас для своего отряда?

ЧТО СДЕЛАЛ ТЫ ДЛЯ ОТРЯДА?

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛИЗЫ ФИЛИНОЙ из Москвы, школа № 811.

«Год я была председателем нашего отряда. Класс у нас способный, веселый. И грамот у нас много, и на конкурсах мы выигрываем, и учителя нас хвалят как класс работоспособный. Одним словом, хороший класс, но мы привыкли, что основную работу за нас делает классный руководитель, а ребята не имеют самостоятельности. На сборах, на классных часах мы иногда обсуждаем поведение и поступки своих одноклассников, но, как правило, обсуждает их классный руководитель, а ребята только голосуют. «Скучно...»

ВОПРОС ЛИЗЕ:

Кто же должен изменить то, что тебе не нравится? Ты ведь была председателем совета отряда?

ВТОРОЙ ВОПРОС К ЛИЗЕ:

Разве класс и отряд — одно и то же, и нет разницы между классным часом и пионерским сбором?

ТРЕТИЙ ВОПРОС К ЛИЗЕ:

Если класс ваш веселый и способный, как САМА ТЫ, ЛИЗА, думаешь, почему живется вам скучно?

ВОПРОСЫ КО ВСЕМ РЕБЯТАМ, ЧИТАТЕЛЯМ «ПИОНЕРА»:

Как изменили бы вы положение в отряде, если бы оказались на месте Лизы?

Чем отличаются ваши сборы от классных часов?

Почему скучно ребятам в веселом Лизином классе?

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛИЗЫ ФИЛИНОЙ

«...Наш класс подразделяется на активных и неактивных ребят. На активистов (их немного) учителя могут положиться, и эти ребята стараются для класса, но их меньше, а основные массы, перенеся всю отрядную работу на их плечи, сами ничем не занимаются. Самостоятельность — хорошо, но нужна ли она основным массам нашего класса, если знают они, что их всегда предупредят, подготовят? Хорошо бы прожить хотя бы один день без напоминаний классного руководителя...»

ВОПРОС К ЛИЗЕ:

Что же мешает вам жить без напоминаний?

ВТОРОЙ ВОПРОС К ЛИЗЕ:

В чем причина, что «основная масса» ребят ни в чем не хочет участвовать?

ТРЕТИЙ ВОПРОС К ЛИЗЕ:

Кого можно назвать активистом и как должен действовать активист, чтобы за ним пошел весь отряд?

ВОПРОСЫ КО ВСЕМ РЕБЯТАМ, ЧИТАТЕЛЯМ «ПИОНЕРА»:

Каких пионеров и как выбираете вы своими командирами?

Что делаете, чтобы отряд не делился на актив и пассив?

Что сделал КАЖДЫЙ ИЗ ВАС для своего отряда?

МАРШ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ ПОД ДЕВИЗОМ «МЫ ДРУЖБОЙ ЛЕНИНСКОЙ СИЛЬНЫ!» ОБРАЩЕН К КАЖДОМУ ПИОНЕРУ.

И каждый из нас должен задуматься о том, что сделал он для своего звена, отряда, дружины?

Хвалят отряд за интересный сбор, а Я, что сделал Я, чтобы этот сбор состоялся?

Благодарят отряд за помощь взрослым в их важных делах, спроси СЕБЯ, какое участие принимал Я?

С успехом прошел концерт самодеятельности для ветеранов войны и труда, а ТЫ, как именно ТЫ добивался этого успеха?

На наших страницах ОТРЯД ВСТРЕЧАЕТСЯ С ОТРЯДОМ. Сегодня с пионерским отрядом ЛИЗЫ ФИЛИНОЙ из 811-й школы г. Москвы говорит пионерский отряд МАРИНЫ РУБАН из 10-й средней школы г. Ворошиловграда. Помогает вести этот разговор корреспондент республиканской газеты украинских пионеров «Юный ленинец» Е. Ильин.

Он рассказывает, что в отряде ворошиловградских пионеров интересно всем, потому что КАЖДЫЙ что-то делает для своего отряда, а ЗВЕНЬЯ между собой соревнуются.

Света Губанова предложила провести экскурсию на фабрику игрушек, где работает ее мама. Светино звено во главе со звеньевой Лилей Стукатовой организовало эту экскурсию для всех.

Звеньевая Лиля Стукатова принесла из дома три горшочка с цветами, поставила их на подоконник в классе и сказала всем: «Давайте сделаем свой класс зеленым!» Вскоре на подоконниках стояло уже 30 горшков с цветами. Люда Слободянюк собрала и принесла для всех книжки о комнатных растениях, и постепенно весь отряд увлекся домашним цветоводством.

5-е звено вызвало 1-е звено на соревнование. 5-е звено взялось выпустить для октябрят устный журнал «История Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина за 60 лет». Подобрали стихи, песни, игры, которые могли проиллюстрировать рассказ о том или ином периоде пионерской истории. Получилось так интересно, что совет дружины попросил познакомить с устным журналом все октябрятские группы. И к делу, начатому одним звеном, подключился весь отряд.

В этом отряде всем живется хорошо и всем весело и интересно. И отряд этот по праву носит звание правофлангового.

ДОРОГОЙ НАШ ДРУГ, НАШ ЧИТАТЕЛЬ! ПОДУМАЙ И НАПИШИ НАМ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ СВОЕГО ОТРЯДА?

Принялись ли за организацию музея пионерской славы семей в своей школе?

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Каким делом может гордиться твой отряд?

Есть у твоего отряда дело, которым можно гордиться? — спросили мы у всех наших читателей в прошлом номере «Пионера». Вот что отвечает нам Эльвира Бондарь, председатель совета отряда 6 «А» класса средней школы № 1 г. Волочиска, Хмельницкой области, УССР: «Рядом с нашим Волочиском расположен не один колхоз. Но ближе всего нам «Червона зирка» и «Зоря Комунизму». Там работают наши родные, родители. И теперь многие бывшие старшеклассники. Мы помогаем взрослым собирать хлеб. Мы считаем, что помощь не только в том, чтобы сесть за комбайн и косить хлеб. Помощь и в том, чтобы посидеть с маленьким ребенком, когда взрослые идут на уборку хлеба, принести холодной воды на поле или обед отцу или просто прийти в поле и спеть, потанцевать для колхозников. Мы хорошо понимаем, что такое хлеб, знаем, какой нелегкий труд его вырастить. В нашей столовой каждый день дежурят два ученика, они не позволяют пропасть ни одному кусочку хлеба.

Всем известно, как красива украинская природа. Мы ее охраняем. Однажды в парке ранней весной мы увидели три маленьких красивых подснежника, мы никому не разрешали их срывать. Букеты цветов люди часто не доносят до дома — цветы вянут. Мы стараемся охранять цветы. Мы ухаживаем за молодым парком у нашей школы, который посажен ее учениками. Теперь в нашем парке поселилось много птиц, потому что мальчики сделали для них скворечники и кормушки. У нас все с охотой собирают макулатуру, знают: тем самым мы спасаем лес!

Я думаю, мы можем гордиться этими делами.

От имени пионеров отряда имени Павки Корчагина Эльвира Бондарь».

ПРИМИ И ТЫ УЧАСТИЕ В НАШЕЙ ПЕРЕКЛИЧКЕ: каким делом может гордиться твой отряд?

ПОСТУПОК

На этих страничках мы будем говорить друг с другом о поступках достойных. О тех поступках, которые украшают нашу жизнь, возвышают человека и всех, кто его окружает.

«Я горжусь своим братом»,— написала в «Пионер» Таня Ошкадер из города Сыктывкара.

«У меня есть старший брат Сережа. Учится он в седьмом классе. Однажды мы все, дети нашего двора, гуляли. Вдруг услышали, в яме что-то булькнуло. Подбежали и увидели, что маленький четырехлетний Алеша тонет. Сережа, мой старший брат, не раздумывая, бросился в эту глубокую яму и спас Алешу. Тут подоспели взрослые, повели Сережу домой. Мама перепугалась: на дворе стоял апрель, вокруг лежал еще снег, и вода была холодная. Сережа проболел две недели, и температура у него была очень высокая. Но каждый день приходили друзья и взрослые, и все говорили, что Сережа поступил как настоящий человек. А я думала: жаль, что они не знают, что он не только в тот раз, но и всегда ведет себя, как хороший человек. У нас в семье пятеро детей. Сережа — старший. Он больше всех помогает маме. Мне и Саше он собрал из старых деталей велосипед, а Роме и Юле ремонтирует игрушки. Во дворе он сделал для птиц кормушки, чтобы птицы пели для наших соседей. А в школе он постоянно организует концерты, и мы всей семьей ходим их смотреть. Сережа много читает и знает много интересного. Перед сном он рассказывает нам разные истории и сказки. Я рада, что у меня есть такой старший брат. Рада, что Сережу приняли недавно в комсомол и выбрали комсоргом. На такого человека, как Сережа, можно положиться».

РАССКАЖИ И ТЫ НАМ О ХОРОШИХ ПОСТУПКАХ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ, О ПОСТУПКАХ, КОТОРЫМ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОДРАЖАТЬ.

ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ

— Так называется новый Всесоюзный пионерский сбор-поиск, который будет проходить на страницах «Пионера».

Включился ли ТЫ и ТВОЙ ОТРЯД в этот сбор-поиск?
Начали вы записывать пионерскую биографию своей семьи?
Принялись ли за организацию музея пионерской славы семей в своей школе?
Позвали вы своих мам и пап, бабушек и дедушек, старших сестер и братьев в свои отряды, чтобы помочь вам во всех пионерских делах?
Ждем сообщений!

ДРУЗЬЯ! Не забудьте на конверте пометить: «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ЖУРАВЛЁНОК И МОЛНИИ

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Продолжение. Начало в №№ 1—3, 9—11, 1982 г.; № 1, 1983 г.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Король был крайне раздосадован. Мало ему других неприятностей, так теперь еще изволь тащиться в школу. Хорошо, если дело кончится разговором с классной дамой. А если, не дай бог, потянут на родительское собрание?

Н-н-негодный мальчишка! То и дело записи в дневнике! «Улыбался на уроке грамматики! Бегал на перемене! Опять драка! Не принес в школу макулатуру...»

Черт знает что... А классная дама тоже хороша. По любому поводу сразу надпись красными чернилами на полстраницы... Ну, улыбался, ну, бегал. Что такого? Ребенок ведь, не пенсионер. А макулатуру, где ее возьмешь? Каждый месяц требуют. Эдоардо со своими одноклассниками и так очистил все королевские архивы.

А драка... Ну и что же, что драка? Его величество в детстве тоже не дурак был подраться. И не только с мальчишками. Дрался и с графиней Виолеттой де Бомм — будущей королевой Верхней Унутрии. Она, царство ей небесное, умерла, когда наследному принцу было четыре года.

Мальчик растет без матери. Без ласки и присмотра. Можно ведь и пожалеть. Сегодня пришел с синяком, коленка разбита, больно, небось, а тут еще досталось от папаши.

Папу-короля стала грызть совесть. Но что поделаешь, надо быть твердым, когда воспитываешь будущего главу государства.

Король покряхтел, пощелкал пальцами и сменил домашнюю корону на дорожную. Он решил поехать к своему школьному товарищу — часовому мастеру Карлосу фон Уру. Во-первых, у Карлоса трое сорванцов и можно посоветоваться с ним, как воспитывать сына. Во-вторых, у короля с мастером было очень важное дело. Какое дело, говорить пока не следует, потому что это государственная тайна...

Во дворец король вернулся через три часа. В очень хорошем настроении. На лестнице его величество встретился с премьер-министром и весело его приветствовал:

— Прекрасный день, господин Гран-Градус, не правда ли?

— Как угодно вашему величеству,— сумрачно отозвался премьер.— Только должен заметить, что день совсем не прекрасный, а тяжелый. И все в такое трудное время должны быть на своих местах. А ваше величество...

— А что мое величество?..— осторожно спросил король. Он побаивался старого министра.

— Вы на вашем королевском автомобиле «Мерседес-ох» катали по главной площади мальчишек и распевали с ними песни.

— Ну... было,— слегка смущенно признался Эдоардо пятьдесят четвертый.— Они попросили, а я... как я могу отказать подрастающему поколению нашей славной Верхней Унутрии?

— Вы им никогда не отказываете. Это поколение своими грязными пятками перемазало ваши белые парадные брюки... А машина! Шофер жалуется, что опять лопнула рессора!

— Немудрено. На этой колымаге ездил еще мой прадедушка...

— Вот именно! А вы так относитесь к реликвиям королевской династии...

— Но я не мог отказать в просьбе! Дети подумали бы, что король зазнался.

— Теперь не подумают. Знаете, какую песню распевают сейчас все мальчишки столицы?

Мы, друзья, не позабудем,
Как прекрасным летним днем
На хромом автомобиле
Прокатились с королем!
Тра-ля-ля,
Тра-ля-ля,
Все мы любим короля!

— Н-ну и что...— нерешительно отозвался король.— Песня как песня. Ведь поют, что любят...

— Короля надо не любить, а чтить,— веско сказал премьер.— А как можно чтить монарха, у которого из кармана парадного мундира выглядывает беспризорный котенок?

Его величество схватился за карман, однако понял, что ничего не скроешь, и принял независимый вид.

— Он не беспризорный, мне его подарили.

— Кто же сделал вам столь роскошный подарок?

— Гм... Один мальчик. Очень симпатичный мальчик, рыженький такой, только немножко неумытый... У них дома уже три кошки, и четвертую мама держать не разрешает...

— И котенка препоручили заботам вашего величества!

— Сударь,— слегка раздражаясь, произнес король.— Этот котенок, так же, как любой из герцогов и министров, житель моего королевства и, следовательно, мой подданный. Я не могу бросить его на произвол судьбы.

— В таком случае перестаньте заталкивать его в карман, вы свернете ему шею. Отдайте животное поварихе, она его накормит.

— Лучше я отнесу его принцу.

— Принца нет у себя. Он в зале Государственного совета вместе с министрами ожидает ваше величество.

— А что случилось? Зачем собрался совет?

— Этого потребовал принц.

— Что? Кто? Принц?! Да как он смел?! Мальчишка!.. А вы куда смотрели, Гран-Градус?

— Его высочество имеет право. К тому же у него была причина.

— Я ему покажу причину,— сказал король.— Я его запер в комнате, а он...

— Ах, ваше величество! — перебил премьер-министр.— Вспомните ваши школьные годы. Всегда ли вы оставались под замком, если ваш папа Эдоардо пятьдесят третий, Добрейший, запирал вас в опочивальне?

А с принцем случилась такая история. Когда король ушел, он с полчаса проскучал на подоконнике, а потом увидел, что на улице собралась компания одноклассников. Среди них был Генка Петух, уже сменивший свой шутовской наряд на обычные штаны и рубашку, сын часового мастера фон Ура Томми Стрелка, племянник городского библиотекаря по прозвищу Гуга-Кошкин дом и еще несколько мальчишек и девчонок. И среди них Лизка де Бина, которая своим смирным видом показывала, что непрочь помириться.

Гуга-Кошкин дом задрал голову и закричал:

— Эдька, айда играть в футбол!

— Папаша мяч забрал,— хмуро ответил его высочество со второго этажа.

— Ну, пошли в индейцев играть!

Принц стащил с себя придворный костюм, натянул джинсы и майку с ковбоем на груди и по карнизам и выступам спустился в сад — ему было не привыкать.

Компания направилась на заросший пустырь позади городского театра, но дорога вела мимо большого сада, и Генка Петух сказал между прочим, что в саду, наверно, уже созрели ранние весенние яблочки. В решетке сада нашелся выломанный прут, и очень скоро принц и его друзья хрустели маленькими, еще не выросшими и ужасно кислыми, но все равно приятными на вкус яблочками. И набивали ими карманы.

Однако порадоваться как следует не удалось. Сад принадлежал тучному сердитому министру Унутренних дел, и на беду в этот час министр обедал дома. В окно он увидел, какой разбой творится в саду. Чуть не подавился индейкой с абрикосами, заорал и выскочил на крыльцо.

Принц отступал последним. Поэтому именно до него дотянулась лапа министра Унутренних дел с пальцами, похожими на сардельки...

Когда дерешься с Лизкой де Бина или с Гугой-Кошкиным домом — это одно. Там все на равных. А когда тебя хватает, сопя и ругаясь, этакая горилла...

Оскорбленная кровь пятидесяти четырех королей вскипела в его высочестве. А еще сильнее вскипела кровь самого Эдьки...

И вот теперь он стоял в конце стола, за которым собрались члены Государственного совета, и яростно дышал. Его порванная майка была в зелени и земле. В волосах запутались мелкие листики и травинки.

Премьер-министр Лео Гран-Градус позвонил в серебряный колокольчик и внушительно произнес:

— Ваше величество! Господа министры! Его высочество наследный принц, владетель Нью-Ахтенбергский, герцог де Балтос де Пью де ла Картенбух сообщил Государственному совету Верхней Унутрии, что сегодня в три часа пополудни министр Унутренних дел нашего королевства господин Фридрих фон Ганц-Будка совершил злодейское нападение на его особу, то есть на особу принца...

Министры одновременно ахнули и вразнобой заговорили:

— Какой ужас!

— Какое нападение?

— Это, наверно, недоразумение!

— Ваше высочество...

— Господин министр...

— Что он сделал с вами, принц?

Принц Эдоардо, краснея и негодуя, произнес:

— Он схватил меня за ухо. И дергал...

— О-о-о-о-ох...— сказали министры. А король Эдоардо пятьдесят четвертый поднялся во весь рост и, прекрасный в своем гневе, пропел петушиным голосом:

— Эй, стража! Двенадцать гвардейцев и кузнеца с кандалами!

— Но, ваше величество! — завопил министр Унутренних дел.— Прежде, чем казнить или миловать, выслушайте меня!

— Говорите,— сухо сказал король.— Но о том, чтобы миловать, не может быть и речи.

— Ваше величество! Вы великий и мудрый король,— начал министр, прижимая к парадному камзолу растопыренные сардельки.— Посудите сами, мог ли я узнать принца со спины, когда он... гм... несколько торопливо покидал мой сад. Вы изволите видеть, что его высочество сейчас не в придворном платье. Он своей одеждой ничем не отличается от других юных подданных вашего величества... И даже ухо, за которое я... слегка придержал его высочество, такое же, как и у остальных детей королевства. Мог ли я подумать? Это ухо... да простят меня ваше величество, ваше высочество и господа министры, даже... гм... не совсем вымытое. В точности как у любого мальчишки...

Кое-кто из членов Государственного совета неприлично хихикнул.

Принц гордо сказал:

— Неважно, чье ухо. Вы забыли, что мой дед, король Эдоардо пятьдесят третий, Добрейший, запретил взрослым хватать детей за уши, раздавать подзатыльники и вообще обижать маленьких! Это государственный закон. А тем, кто спорит с госу-

дарственными законами, грозит отсечение языка. В некоторых случаях — вместе с головой.

Папа-король почему-то слегка покраснел, а министр еще сильнее прижал к камзолу сардельки.

— Ваше высочество! Вы развиты не по годам и прекрасно знаете законы. Но ведь есть и закон, который оберегает собственность. В том числе и яблоки в садах жителей королевства!

— А кирпичи? — в упор спросил принц.

— Что... кирпичи? — тихо сказал министр.

— Желтые,— сказал принц.

— Какие... желтые...— прошептал министр Унутренних дел и стал белым.

— Те самые, которыми вымощены дорожки в вашем саду,— сказал принц.— Те, из которых построен гараж для вашего нового автомобиля. Те, которыми облицован ваш фонтан. Очень уж они похожи на те, которые зимой исчезли со строительства городского плавательного бассейна для ребят. Я сегодня посмотрел, так прямо в точности такие же. Может быть, поэтому вы и не любите пускать посторонних в ваш сад, господин министр?

Министр Унутренних дел покрылся потом, похожим на стеклянные бусины.

— Та-ак...— сказал премьер Гран-Градус.— А вы, господин Ганц-Будка, рассказывали что-то про грабителей из-за границы.

— Та-ак...— сказал министр Медных и Серебряных денег.— Это был убыток на четыре с половиной тысячи монет.

— Та-ак,— сказал король и поднялся опять.— Эй, стража!

Министра-жулика решили немедленно посадить в тюрьму. И держать там, пока не перевоспитается.

— Ваше величество,— взмолился он.— Можно хотя бы попрощаться с женой и взять с собой транзисторный телевизор?

— Попрощаться можно,— сказал король.— А насчет телевизора номер не пройдет... Господин премьер, дайте ему с собой в темницу старый граммофон и пластинку с песней «О великая Унутрия, ты прекраснее всех стран!». Может быть, этот древний гимн скорее перевоспитает... унутреннего хапугу... Да прикажите разобрать его гаражи и фонтаны и вернуть кирпичи на строительство бассейна.

— Ваше величество, а куда его сажать? — шепотом спросил министр Медных и Серебряных денег.— Тюрьмы-то нет.

— Как нет?

— Видите ли, ваше величество... Она столько времени пустовала... Вот я и решил пустить ее под гостиницу для туристов. Они почему-то обожают ночевать в старинных казематах с решетками. А государству доход...

— Новое дело! — возмутился король.— Довели страну, даже тюрьмы не стало!

— Жили же до сих пор...— виновато пробормотал министр Медных и Серебряных денег.— Ваше величество, а может быть, его посадить в дворцовое подземелье? Там есть комнатка, где раньше хранились королевские бриллианты. Сейчас, увы, там ничего не хранится...

— Валяйте,— согласился король и повернулся к принцу.— А ты иди учить уроки, герой...

...Вероника Григорьевна перестала читать и оглядела ребят. Осторожно спросила:

— Ну как?

— Здорово! — сказал Журка.

Другие тоже сказали, что здорово.

Только Иринка ревниво заметила:

— Это все про принца и короля. А где же Золушка?

— Скоро будет и Золушка.

Бал

Вечером король пришел в комнату принца. Юный Эдоардо уже лежал в своей старинной неуютной кровати под бархатным балдахином с кисточками. Но еще не спал. Кровать была громадная, принц казался в ней совсем маленьким, и королю опять стало жаль его.

— Ну что, навоевался за день, герой? — спросил отец.

— Угу...

— А почему такой грустный? — Король присел на краешек постели.

— Не знаю...— вздохнул Эдоардо. Он и в самом деле не знал. Но скорее всего грустно было от вечернего одиночества. Оттого, что не с кем поговорить перед сном и поделиться планами на завтра. Была бы мама... Папа, конечно, иногда заходил по вечерам, но так нечасто...

— Ничего,— смущенно сказал король.— Скоро каникулы, вот уж набегаешься... А если хочешь, давай устроим во дворце детский бал! А?

— Можно,— рассеянно согласился принц, но тут же поморщился:— Ой, опять в кружева и бантики наряжаться. В школе надоело. Мальчишки дразнятся...

— Что делать, у королевских семей свои трудности,— вздохнул папа-король.— Зато я могу подарить подходящую к твоему придворному костюму шпагу.

— Настоящую?!

— Еще бы! Настоящую и старинную. Она принадлежала твоему пра-пра-пра... В общем, Эдоардо тридцать пятому по прозвищу Крошка Эдди. Он был очень маленького роста, и его шпага будет тебе в самый раз...

Принц поднялся на локтях:

— Папа, а ты не забудешь?

— Ну что ты!

— А когда подаришь?

— Да вот к балу...

— А бал когда?

— Бал? В первый день каникул. Идет?

— Это через неделю... Идет!

Маленький Эдоардо откинулся на подушки, потом улыбнулся, взял отцовскую руку, лег на нее щекой.

— Папа... расскажи сказку.

— Сказку? Гм... Может быть, лучше какую-нибудь историю? Например, про путешествия Эдоардо одиннадцатого, Мореплавателя? Или...

— Да нет, просто сказку.

— Какую?

— Да хоть какую...

Король подумал, потом тихо проговорил:

— Хорошо, малыш. Я расскажу тебе сказку про Золушку. Тебе когда-то рассказывала ее мама. Ты, наверное, не помнишь...

— Помню... чуть-чуть.

Ни король, ни принц не знали, что в столице живет не сказочная, а самая настоящая Золушка. Правда, не в центре, а на окраине. Совсем недалеко от Большого Унутреннего леса.

Жила она в просторном деревянном доме. Разу-

меется, с мачехой и двумя неродными сестрами. Отец умер пять лет назад. Он служил смотрителем маяка на утесе Шахматный Конь, простудился во время шторма, сильно заболел и больше не поднялся с постели.

Жилось Золушке скверно. Конечно, мачеха не била ее, как это делают мачехи в старых сказках, но зато изводила мелкими придирками и воспитательными беседами. А толстые и глупые сестры, которые считали себя красавицами, хихикали над Золушкой и называли ее неряхой и грязнулей.

А попробуй все время ходить чистенькой, если тебе надо и полы вымыть, и ковры пропылесосить, и клумбы в саду полить, и на рынок сбегать, а платье всего-навсего одно: и для работы, и для школы, и для праздников... Хотя какие там праздники! Для уроков-то не оставалось времени. Золушка часто засыпала, уронив голову на тетрадку с задачами. А мачеха сердито поправляла на худом носу очки и скрипуче говорила:

— Я поражаюсь: почему ты не можешь соблюдать режим дня, как другие дети?

Но Золушка умела находить радость и в такой жизни. Иногда ей удавалось выкроить свободный часок и поиграть на соседней улице с ребятами — в классы, в лапту, а то и в футбол. А бывало, что она задерживалась в школе, брала в библиотеке интересную книжку и читала где-нибудь в укромном уголке. Мачехе она говорила, что были дополнительные уроки. Обманывать, конечно, нехорошо, но что оставалось делать?

Были у Золушки и кое-какие игрушки: деревянный крокодил с отломанным хвостом и маленький автобус с испортившимся заводным механизмом. Золушка придумала, что внутри автобуса живет множество веселых пассажиров: клоуны, дрессированные звери и храбрые пираты, которые отбирают золото у богачей и раздают беднякам. Каждого пассажира Золушка знала по имени и могла рассказать, как он выглядит, какой у него характер, что он любит и чего не любит. А крокодила с отломанным хвостом Золушка (если не засыпала над уроками) укладывала спать и рассказывала ему сказки. В этом отношении ей жилось даже лучше,

чем принцу, которому по вечерам не всегда было с кем поговорить...

В самом конце мая на заборах появились афиши, в которых сообщалось, что все дети столицы приглашаются в королевский дворец на бал. Сестры Золушки, конечно, обрадовались и начали примерять свои пышные бальные платья. Каждая сестра в таком платье была похожа на торт со взбитым кремом. А Золушка только вздохнула: смешно было надеяться, что ее возьмут на праздник. Правда, один раз она заикнулась об этом, но мачеха пожала костлявыми плечами:

— В чем же ты пойдешь? Посмотри, как ты истрепала свое платье.

— А может быть, сестрицы дадут мне какое-нибудь старое платьице?

— Еще чего? Чтобы ты и его превратила в тряпку? — сказали сестрицы.

— Тогда можно мне посмотреть бал по телевизору? В афишах написано, что из дворца будет передача.

— Посмотри,— неохотно согласилась мачеха.— Только не пережги предохранитель... Но сначала тебе надо сходить в лес за хворостом для камина.

— Для камина? — очень удивилась Золушка.— Но ведь он электрический!

— Вечно ты споришь,— поморщилась мачеха.— Электрические угли будут очень красиво просвечивать через настоящий хворост. Сейчас во всех приличных домах такая мода. И не рассуждай!

За хворостом так за хворостом. Сестры с мачехой вызвали такси и укатили на бал, а Золушка отправилась в лес. Его опушка виднелась в конце улицы. Золушка вошла под густые липы и ясени и стала оглядываться. Но вблизи от города лес был вычищенный и ухоженный. На ровных лужайках не лежало ни одного ненужного сучка или ветки. Там цвели яркие, будто клумбовые, цветы, а над ними кружились пестрые бабочки.

Одна бабочка, большая, желтая, похожая на солнечный зайчик, долго летала вокруг Золушки, а потом стала улетать в глубину леса. И Золушка пошла вслед за этим светлым пятнышком.

Шла она довольно долго. Лес постепенно сделался гуще, можно было набрать сухих палок и хворостин. Золушка так и поступила. Потом оглянулась.

Место было незнакомое. Вокруг стояли замшелые деревья с узорчатыми листьями, а под деревьями густо росли двухметровые лопухи. Начинался вечер, из лопухов крались сумерки, а над деревьями проступил тоненький, чуть заметный месяц.

Золушка вздрогнула и бросила хворост. Нет, она не боялась заблудиться. Она была храбрая девочка. Просто ей стало очень грустно. Она подумала, что выберется из леса, придет домой, включит телевизор, посмотрит бал, а дальше что? Опять пойдут день за днем: однообразные, тяжелые и почти безрадостные.

Золушка села на лопух, обхватила коленки и задумалась. Может быть, уйти к разбойникам? Но, кажется, в Унутреннем лесу все разбойники уже повывелись. Переодеться мальчишкой и поступить барабанщиком в королевскую гвардию? Но мачеха очень быстро нападет на след и подымет крик. Построить в лесу хижину, жить в одиночку и питаться ягодами? Это можно, пока тепло, а что делать зимой?

Выхода не было. Золушка сидела и вздыхала. Может быть, она даже поплакала, но это вполне простительно: во-первых, она девочка, а во-вторых, все равно никто не видел.

Потом Золушка задремала, прикорнув на траве и укрывшись дырявым платком, который взяла из дома.

Сумерки сгустились.

В этих сгустившихся сумерках через лес шел пожилой серьезный Медведь. Недавно он был в гостях у местного пасечника, а сейчас возвращался в берлогу, чтобы почитать газету «Вечерние лесные новости» и улечься спать. К Медведю подлетела серая пичуга и что-то прощебетала на ухо.

— Не может быть...— проворчал Медведь и торопливо свернул с тропинки. У большого ясеня он заглянул под лопух и поскреб растопыренной лапой в косматом затылке.

— Ах ты бедненькая... Да ведь это самая настоящая Золушка...

Осторожно сопя, он поднял легонькую девочку на руки (то есть на лапы). Она не проснулась и доверчиво прижалась к теплой мохнатой груди.

— Ах ты кроха,— расстроганно прошептал Медведь и понес Золушку. Нет, не к себе. У него была неуютная холостяцкая берлога, а ребенку нужна женская забота.

Медведь принес Золушку в избушку на курьих ногах. Там жила старая хромая ведьма. Скорее всего это была обыкновенная баба-яга, но лесные жители звали ее тетушка Роза.

Тетушка Роза всполошилась, уложила Золушку на скрипучую кровать, а Медведю велела на всякий случай затопить печку.

...Когда Золушка проснулась, она сперва очень удивилась, а потом даже испугалась. Посудите сами: вокруг бревенчатые замшелые стены, на стенах звериные черепа, в углу пылает очаг, а у очага возится хромая старуха с крючковатым носом и желтыми зубами, которые торчат вперед, как два редких гребня.

— А, проснулась, милая...— проскрипела старуха.— Вот и хорошо...

Все-таки Золушка была храбрая. Поэтому она решила одним вопросом выяснить самое главное.

— Бабушка,— сказала она, слегка дрожа,— вы меня не съедите?

— Да что ты! — воскликнула тетушка Роза и всплеснула костлявыми руками.— Я уже четыреста лет мясной пищи не потребляю. Печень у меня больная, на диете сижу... Да и где это видано, чтобы есть несчастного ребенка, который в лесу заплутал? Какого-нибудь разбойника или браконьера — это еще туда-сюда... А ты кто будешь, девочка?

— Золушка.

— Да ну? — Тетушка Роза подошла и пригляделась.— Золушек по правде-то и не бывает на свете, это бабушкины сказки.

— Нет, я правда Золушка.

— Ну и ладно,— покладисто сказала старуха.— Тогда я чаек поставлю...

Они сидели за столом и пили чай с большими кусками сахара и черными сухарями. У стены мигал экранчиком старенький телевизор. Золушка все поглядывала на экран. Начиналась передача про бал, показывали, как съезжаются гости.

Мальчишки, которые обычно бегали растрепанными и поцарапанными, в мятых штанах и перемазанных футболках, сейчас входили в зал причесанные, умытые, в отглаженных матросских костюмчиках или в бархатных жилетиках и белых рубашках с галстучками. Чинные и вежливые. А девочки в кружевных платьицах были похожи на громадные и невесомые семена одуванчиков — дунь, и они разлетятся по залу. Сверкали люстры, и звучала музыка — пока негромкая, выжидательная.

Золушка тихо вздохнула.

Всем известно, что старые мудрые ведьмы легко читают человеческие мысли. Поэтому тетушка Роза сразу же сказала:

— Я вижу, тебе тоже хочется на бал.

Золушка грустно улыбнулась:

— В моих-то заплатах...

— Минуточку...— проговорила тетушка Роза. Хромая, подошла к большущему сундуку и отвалила горбатую скрипучую крышку. Сначала над сундуком поднялась пыль. Потом тетушка вытащила за шиворот старого спящего кота, дунула на него и кинула в угол (кот мявкнул и сразу опять заснул). Затем на свет появились дырявые сапоги-скороходы, сломанная кофейная мельница, узел с тряпьем, и наконец... Наконец, тетушка Роза осторожно, пальчиками, подняла белое платьице.

Оно было как кусочек легкого облака, которое переливается хрустальными капельками.

— О-о-ой...— тихонько сказала Золушка.— Откуда оно у вас, бабушка?

Тетушка Роза ответила, задумчиво разглядывая платьице:

— Видишь ли, когда-то я тоже была девочкой. Это было... было... кажется, при Эдоардо тридцать первом, Блистательном. Ах, какие тогда были балы... Иди, малышка, примерь этот наряд.

Платьице оказалось в самую пору. Нашлись к нему и сверкающие башмачки. Потом тетушка Роза расчесала Золушке волосы и укрепила на них крошечную хрустальную корону.

У Золушки испуганно и радостно стучало сердце.

— Только помни,— предупредила тетушка Роза,— домой надо вернуться до двенадцати часов ночи. А то весь наряд превратится в лохмотья и пыль.

— Как в сказке,— зачарованно прошептала Золушка.

— Дело не в сказке, милая. Просто платье очень старое. Все старые платья когда-то превращаются в лохмотья. И вот у этого платья срок — сегодняшняя полночь.

Потом тетушка Роза ударила деревянным башмаком в пол:

— Поехали!

Пол закачался, избушка перекосилась, двинулась с места, но почти сразу остановилась и осела.

— Охромел домишко мой,— с досадой призналась хозяйка.— Раньше-то бегал, как страус, а теперь одно название, что на курьих ногах... Придется по воздуху.

Она вывела Золушку на крыльцо, закутала в теплую шаль и усадила перед собой на длинную обшарпанную метлу...

Полет Золушка запомнила плохо. Что-то свистело вокруг, внизу мелькали огоньки, а по ногам ударял хлесткий ветер.

Пришла в себя Золушка на площади перед дворцом. Тетушка Роза черной кометой умчалась в вечернее небо, и Золушка осталась одна.

Во дворце ярко светились окна, в них метались тени. Репродукторы над площадью разносили мелодию веселого танца. Золушка тряхнула головой, сосчитала до трех и пошла во дворец.

— Эдька, смотри,— шепотом сказал принцу шут Генка Петух.— Новенькая.

И принц увидел Золушку. То есть он не знал еще, что это Золушка, но ему захотелось подойти к ней. Он застеснялся, но все же оставил приятелей и пошел к незнакомке. В конце концов это была его обязанность — встречать гостей. Он считался хозяином бала.

Золушка опустила глаза, но из-под ресниц смотрела, как он идет. Это был настоящий Принц из сказки. Пожалуй, только волосы были слишком растрепаны. Зато на боку у него висела настоящая шпага. Принц придерживал ее за серебряную рукоять.

— Здравствуйте... добро пожаловать,— немного сбивчиво сказал принц.

— Здравствуйте... ваше высочество,— прошептала она.

— Не надо «высочества». Меня зовут Эдоардо,— смущаясь, проговорил принц.— А тебя... а вас?

— Золушка.

Принц удивился. И почему-то очень обрадовался. Ему стало гораздо веселее, чем прежде.

— Вы... ты умеешь танцевать?

— Нас учили в школе...

Принц не очень любил танцы. Но сейчас он крикнул:

— Эй, музыканты! Праздничный вальс!

Они с Золушкой закружились по паркету, в котором, как в желтом льду, отражались пылающие люстры. Перед танцем полагается отцеплять шпаги и сабли, но принц не отцепил, и шпага со свистом летала вокруг него на портупее.

А Золушка, кружась по залу вместе с принцем, была похожа на лепесток яблони, который попал в потоки ветра...

— Подумаешь...— сказала юная герцогиня де Бина.— А платье у нее не современное. Сейчас уже не носят такие короткие. И вообще...

— «Ду» ты и есть «ду»,— сказал Генка Петух.

Шарлотта-Элизабет вцепилась ему в галстучек шелковой матроски. Их растащили.

А принц и Золушка танцевали, пока не утомились. Потом они с другими ребятами бегали по залам дворца, где были устроены разные аттракционы, ели мороженое в королевском буфете и, наконец, по боковой мраморной лестнице спустились в парк.

В парке лишь изредка горели фонарики, и тонкий месяц над деревьями светился теперь очень ярко. Трещали ночные кузнечики.

Принц и Золушка вдвоем побрели по пустынной аллее.

— Ой, кто там? — вдруг прошептала Золушка и схватила принца за руку. Сгорбленная фигура смутно белела среди кустов.

— Не бойся,— рассмеялся принц.— Это мраморная статуя Эдоардо двенадцатого, Горбатого.

Золушка тоже засмеялась, но руки принца больше не отпускала.

— Почему я тебя не встречал в школе? — спросил принц.

— Я учусь не в той, где ты, а в маленькой, на краю города.

— Я сперва подумал, что ты приехала из-за границы.

— Ой, что ты...

— Правда... А ты настоящая Золушка?

— Не знаю... Меня так зовут.

— Когда я был маленький, мне мама рассказывала про Золушку. А я тогда не выговаривал буквы «л» и говорил «Зоюшка»...

— У меня тоже нет мамы. И даже папы...— сказала Золушка.

«Ну, ничего. Зато теперь есть я»,— хотел сказать принц, но, конечно, не решился. Он только спросил тихонько:

— Можно, я буду говорить тебе «Зоюшка»? Иногда?

Она прошептала:

— Ладно...

Они отыскали под фонарем заброшенные качели. Сели рядышком. Но тут застучали по аллее быстрые ноги и выскочил на свет Генка Петух. Оторванный галстук матроски хвостиком торчал у него из кармана.

— Вот вы где... А во дворце уже волнуются.

— Идем,— сказал принц и взял Золушку за руку.

— Мне скоро пора домой,— вздохнула она.— Уже поздно.

— Совсем не поздно,— возразил принц. Поманил Генриха и что-то прошептал ему на ухо.

— Есть,— сказал Петух и умчался.

Во дворце он отыскал Томми Стрелку, сына часового мастера. Томми не раз бывал в королевских покоях с отцом, когда тот ремонтировал часы. Надо сказать, что все дворцовые часы, даже те, что выглядели старинными, были с электронными механизмами. Ход их регулировался с одного пульта. Томми после разговора с Генкой пробрался к пульту и передвинул стрелки назад на целый час...

Принц и Золушка вернулись во дворец, еще потанцевали, а потом Эдоардо сказал Генриху:

— Давай покажем Золушке королевские подземелья.

Золушка слегка вздрогнула, но храбро согласилась.

Они пробрались в темный коридор и стали спускаться по узкой лестнице. У нее были такие истертые ступени, что напоминали каменные корытца. Внизу принц надавил выключатель, и зажглись пыльные светильники, сделанные в форме факелов.

У подножия лестницы валялся большой игрушечный конь с колесами. Когда-то на нем ездил в детском возрасте Эдоардо пятьдесят третий, Добрейший. Конь был обшарпанный, но вполне целый. Принц и шут посадили на него Золушку и повезли по неровным гранитным плитам.

По углам громоздились старинные бочки с медными обручами — из-под вина и масла. В нишах

стояли ржавые доспехи. На стенах висели облезлые щиты с рыцарскими гербами. Их затягивала паутина. Было зябко. Стук деревянных колес разносился под сводами. В разных концах подземного зала чернели входы в неосвещенные коридоры.

— А привидений здесь не бывает?—осторожно спросила Золушка.

— К сожалению, нет,—вздохнул принц.

— Значит, мы здесь одни?

— Конечно,—храбро сказал Генка Петух, которому, кажется, было неуютно.

И в этот момент издалека донесся неясный дребезжащий голос.

— Ой...—сказала Золушка.

— Ай,—нечаянно сказал Петух.

Принц тоже чуть не сказал «ой», но тут же взял себя в руки и засмеялся.

— Не бойтесь! Это знаете кто? Бывший министр Унутренних дел. То есть его граммофон. Пойдемте посмотрим.

Они на цыпочках прошли в темный коридор, где светилась большая замочная скважина. В эту скважину они по очереди заглянули.

Камера бывшего министра выглядела вполне уютно. Висел ковер, стоял мягкий диван. Большой стол, покрытый плюшевой скатертью, был уставлен тарелками с яблоками, сосисками и пирожками. На тумбочке красовался старинный граммофон с громадной трубой. Вертелась пластинка, а из трубы вылетала дребезжащая песня:

О великая Унутрия,
Ты прекрасней всех на свете!
На заре тебя на утренней
Славят взрослые и дети.
И совсем-совсем не нужен нам
Никакой заморский край.
Ты прекрасна, как жемчужина!
Ты прекрасна, так и знай!

— Какая хорошая песня,—прошептала Золушка.—И какой противный дядька. Что он там делает?

— Перевоспитывается,—сказал принц.

Но бывший министр, кажется, не перевоспитывался. На песню он не обращал внимания, зевал и время от времени глотал, не жуя, длинные сосиски.

— Ну ладно, сейчас мы устроим тебе небольшой цирк...—пробормотал принц. Он вынул из кармана что-то маленькое и серебристое. При свете, падавшем из скважины, стало видно, что это баллончик—вроде тех, что делают для сифонов с газировкой.

Но ни Золушка, ни шут не поняли, зачем он.

Принц шепотом сказал:

— Вообще-то это государственная тайна. Но вы ведь не выдадите, верно?

Золушка и Генка Петух таким же шепотом поклялись молчать, как надгробные камни.

— Это баллончик для пуганья,—проговорил принц.—Тут вот в чем дело. Раньше в подземельях старой крепости и дворца водились настоящие привидения, а теперь куда-то повывелись. А туристы все требуют: подавай им тайны и призраков. Ну, папа и попросил мастера фон Ура сделать специальный газ... Мастер фон Ур—это отец Томми Стрелки. Он не только специалист по часам, а вообще ученый... Вот он и придумал этот газ. Его выпустишь облачком, а оно принимает форму привидения: то мертвец в кровавом саване, то монах в капюшоне, то бывшая завуч Королевской гимназии в белом платье. Часа три держится, не развеивается. Только перелетает по воздуху, если сквозняк...

— Ух ты...—восхищенно прошептал Генка Петух.—Эдька, где взял?

— Я просил, просил у папы, он и не выдержал, подарил один. Только велел в школе не баловаться. Но мы сейчас не в школе...

Эдоардо вставил в замочную скважину горлышко баллона и нажал кнопку. Раздалось змеиное шипение.

Ничего не было видно, зато было слышно, как бывший министр Унутренних дел басом сказал:

— Вам чего?

Потом он сказал тонким голосом:

— Ой, мамочка!

Потом завизжал:

— И-и-и-и-и...

Сдавленно хохоча и сталкиваясь лбами, принц, Золушка и Петух заглядывали в скважину. В комнате колыхалась трехметровая фигура в черном плаще и с голым черепом вместо головы. Бывший министр метался из угла в угол, стараясь найти убежище от неожиданного ужаса. Но убежища не было. Тогда Фридрих фон Ганц-Будка с полного размаха влетел головой в граммофонную трубу и скрылся в ней. Граммофон поперхнулся.

А дальше случилось небывалое. Из узкой части трубы, над пластинкой, стало выползать что-то длинное и тонкое. Оказалось, что это все тот же бывший министр, но только очень худой и вытянувшийся.

— Вот это да...—сказал Генка Петух.

— Возможно, теперь он и в самом деле перевоспитается,—сказал Эдоардо.

— Он и так стал совершенно другим человеком,—заметила Золушка.

Забегая вперед, надо сказать, что так оно и случилось. Фридрих фон Ганц-Будка в самом деле стал другим человеком. Но министром его больше не сделали. Он устроился на должность королевского гардеробщика. При его вытянувшемся росте было очень удобно дотягиваться до самых высоких вешалок.

Но что нам какой-то бывший министр? Главное—Золушка и принц. Время-то шло, и никакие хитрости с часами его не могли остановить. Кроме того, принц забыл, что часы на главной городской башне имеют свой собственный механизм, и удары этих часов слышны во всех уголках города.

И вот, когда принц, шут и Золушка рассуждали о судьбе бывшего министра, сквозь каменные стены подземелья протолкался глухой удар. Это бил полуночный часовой колокол.

— Ох,—сказала Золушка и прижала к щекам ладони.

Колокол ударил снова. Золушка метнулась к выходу, но принц и шут схватили ее за руки.

— Не держите меня! Вы же не знаете, что сейчас случится!—воскликнула она.

— Ничего плохого с тобой не случится, пока я рядом,—твердо сказал принц.

— Но уже двенадцать!

— Ну и пусть!

Они не пустили ее. Тогда Золушка прижалась спиной к холодной каменной стене и закрыла глаза...

...Вероника Григорьевна остановила чтение и обвела взглядом ребят. Все, даже старшеклассники, сидели неподвижно.

— Дальше,—нетерпеливым шепотом сказала Иринка.

— Дальше?.. «Золушке стало очень страшно и обидно. Она опоздала, и все было кончено. При

каждом ударе часов платье обвисало, расползалось, превращалось в куски серой пыльной мешковины. Хрустальная коронка рассыпалась, покрыв на прощание волосы Золушки словно дождевым блестящим бисером. Только башмачки сохранились, но какой от них был прок?

Когда прозвучал последний удар, Золушка опустила руки и мокрыми глазами посмотрела на принца.

— Зачем вы меня задержали? Теперь... вот...

— Что?—спросил принц.

— Разве вы не видите? Мое платье...—И она заплакала навзрыд...»

— Было бы из-за чего,—хмуро сказал Горька.

Вероника Григорьевна обрадованно взглянула на него.

— Ты молодец! Именно так сказали и принц с Генкой Петухом. Они переглянулись и пожали плечами.

«— Подумаешь, платье,—проговорил принц.

А Генка Петух добавил с досадой:

— Все девчонки одинаковые, даже Золушки. Реветь из-за каких-то тряпок...

Принц вынул платок и шепнул:

— Вытри глаза и пошли танцевать... Ну... Зоюшка...

— В таких лохмотьях?—всхлипнула она.—Все будут смеяться.

— Я им посмеюсь!—пообещал принц Эдоардо и тронул рукоять шпаги.

...И правда, почти никто не смеялся, только удивлялись потихоньку. Лишь захихикали Золушкины сестрицы да скривила губы Шарлотта-Элизабет де Бина.

— Дуры,—сказал им Генка Петух.—Это новейшая мода. Бальный туалет «а-ля Золушка», так сейчас одеваются для праздников в Париже и Токио...

По девчонкам и дамам пошел быстрый шепот. Самые находчивые выскользнули из зала и кинулись разыскивать королевского завхоза, чтобы выпросить у него несколько старых мешков.

— Завтра в городе мешковину будут продавать дороже, чем бархат,—со смехом сказал Генка Петух принцу и Золушке.

У Золушки еще не высохли глаза, но она весело смеялась. Она знала, что прежней унылой жизни больше не будет, потому что у нее есть настоящие друзья. А музыка гремела. Ночь за окнами вдруг сделалась яркой и разноцветной. Это взлетели над парком огни праздничного фейерверка...»

— Вот и все, друзья мои,—со вздохом сказала Вероника Григорьевна.—Ну, а сейчас решайте окончательно: беремся за спектакль?

Что тут было решать? Все закричали, что, «конечно, беремся» и как можно скорее.

— А вот насчет «скорее»—это вопрос особый. Надо еще переделать сказку в пьесу. Надо соорудить декорации, провести репетиции. Ой-ей-ей сколько работы. Хорошо бы успеть к весенним каникулам.

Апрель

Премьера на весенних каникулах не состоялась. Не успели. Вдруг заболела Вероника Григорьевна и пролежала две недели. Потом закапризничал и уволился руководитель музыкального ансамбля, который работал в школе «по совместительству». А без музыки какой спектакль? Но все же дело двигалось. Ансамблем стал руководить десятиклассник Боря Романенко, Вероника Григорьевна вернулась в школу и опять собрала «артистов», а ее «оболтусы» срочно доделывали декорации по эскизам Иринкиного папы.

Весь апрель шли репетиции, и все верили, что в майские праздники спектакль состоится обязательно. Только Иринка однажды печально сказала:

— Хорошо бы успеть. А то мы можем уехать еще до мая.

— Куда?—не понял Журка и даже сперва не встревожился.

— Во Владимир.

— Зачем?

— Жить.

— Как жить?

Иринка помолчала и сказала со взрослой ноткой:

— Ну что значит «как»? Как все люди живут. Насовсем...

Журка наконец понял. Остановился, чуть не уронив портфель на сухой солнечный асфальт. И она остановилась—насупленная и слегка виноватая. Быстро взглянула на Журку, стала смотреть вниз и серьезно объяснила:

— Выхода больше никакого. Здесь у папы совершенно нет перспектив.

Журка с легким раздражением уловил в ее словах знакомые интонации—когда Иринка будто повторяет чужие слова. Но он уже знал, что какие бы эти слова ни были, а в них всегда кроется горькая правда. Поэтому досада растаяла, а тревога осталась.

— Как же так...—беспомощно пробормотал он, и самому стало тошно от пустоты и бессилия этих слов.

Иринка шевельнула головой, будто сказать хотела: «А вот так. Ничего не поделаешь». Потом она медленно пошла вдоль школьной изгороди, и Журка—рядом с ней.

— И ничего не говорила...—с упреком сказал он.

— Я не знала, что это всерьез. Они и раньше про переезд разговаривали... Мама и папа... Поговорят и раздумают. А сейчас оказалось, что на самом деле... Потому что куда же дальше-то? На областную выставку ничего у папы не взяли, про «Летний день» сказали, что хорошо, но по теме, мол, не подходит. О персональной выставке теперь и не говорят... Это все после того случая с телепередачей.

— Неужели все еще помнят?

— А ты думал... На нем сейчас такое пятно. О приеме в Союз художников лучше и не заикаться. И мастерской нет...

Значит, та зимняя молния оставила свой след. А Журке-то казалось, что она ударила лишь по краешку и не принесла Иринке и ее родителям большого вреда. Потому что всегда, когда он приходил к Брандуковым, Игорь Дмитриевич был веселый и полный художнического азарта. Он делал какие-то интересные заказы для Дворца пионеров, говорил, что в августе собирается в Калининград к рыбакам, и главное—он заканчивал картину «Золушка из пятого «А».

Над этой картиной Игорь Дмитриевич работал в мастерской одного из приятелей. Дома он только делал эскизы с Иринки, Журки и Горьки. Но «мучил» он ребят недолго. И Журка просто обалдел от неожиданности, когда в начале апреля Игорь Дмитриевич повел их троих в мастерскую и показал почти готовую картину.

Дело было даже не в том, что все сразу узнали

себя. Дело в том, что картина была — как рассказ про них. Про их настроение, про их характеры. И про мысли...

На картине были Золушка, принц и шут перед началом спектакля. Они за кулисами ожидали своего выхода. Иринка в платье из мешковины сидела на фанерном ящике и, как ручного голубя, держала у груди сверкающую туфельку. На Иринкином лице дрожали цветные отсветы. Журка, одетый принцем, стоял сбоку и что-то говорил ей (может быть, просил не волноваться, хотя сам заметно нервничал). Но Иринка его, видимо, не слышала: чуть улыбаясь, она совсем ушла в свою сказку...

А Горька в своем желто-черном клетчатом костюме стоял чуть в стороне, у занавеса. Он слегка раздвинул складки, и со сцены пробился в красноватый сумрак горячий луч. Лицо Горьки было совсем непохоже на лицо шута. Это было лицо разведчика, у которого одна задача: проверить, нет ли опасности для друзей. Нет ли в зале среди зрителей насупленных и недобрых людей? Кажется, не было. Напряжение еще не совсем сошло с Горькиного лица, но он уже обернулся к Иринке и Журке, чтобы сказать: «Нормально, ребята. Не волнуйтесь». Но почему-то ничего не сказал...

«Золушка из пятого «А» была написана не так, как «Летний день», а более резкими и крупными мазками, более нервно, что ли. Она отличалась от «Летнего дня», как отличается, например, сдержанное, но энергичное вступление к испанскому танцу от негромкой, спокойной песенки. Журка не мог решить, какая картина ему нравится больше. Он понимал, что нравиться одинаково они не могут: очень уж разные. Но понять, какая из них лучше, он был не в силах. Обе были замечательные.

Втайне (не всерьез, а просто так) Журка даже мечтал, что однажды Игорь Дмитриевич скажет: «Что, Журавленыш, говорят, у тебя в июне день рождения? Какую картину мы выберем для подарка?» Он бы, не думая, ответил: «Ой, что вы... Правда? Хоть какую!»

Но, конечно, этого не случится. Какой же художник станет дарить мальчишке, даже хорошо знакомому, любимые картины? Да и не надо! Плохо другое: теперь на дне рождения не будет Иринки. И в другие дни тоже не будет. И некуда станет спешить вечером. И не с кем водить Максимку в кукольный театр. Не с кем спорить о космических пришельцах. Не с кем серьезно, не боясь насмешек, говорить про машину для защиты от молний. И... Многое-многое будет еще не с кем.

Конечно, Журка не останется одиноким, но с Иринкой словно уйдет целая часть жизни. Очень хорошая, радостная и счастливая часть.

Почему же так? Опять злая молния. Или след прежней, ударившей в январе?

...Апрельский день был теплый, и на солнечном асфальте лежали синие скрюченные тени обрезанных тополей. Интересно, зачем нужно уродовать деревья? Уже и в газетах не раз ругали этот обычай, но каждую весну сумрачные небритые дядьки срезают ножовками с едва оформившихся крон сучья и отросшие за год ветки. Оставляют скорченные обрубки. И длинный ряд молодых тополей делается похожим на унылую колонну стриженых подростков, которых недавно Журка видел в телеспектакле про колонию для малолетних преступников. Он смотрел этот спектакль с беспокойством и тоскливым воспоминанием о Капрале. Значит, и Капрал ходит сейчас, так же заложив за спину руки и нагнув голую голову с торчащими ушами? Какой бы он ни был, Капрал, а Журке его жаль. И будто в чем-то Журка виноват перед ним... Может, если бы он в тот вечер пошел с Капралом, все было бы по-другому? Может, Капралу осточертели его друзья и он искал других? Может, ему нужен был Журка... А Журка тогда в своей боли, ярости и обиде не мог думать ни о чем. Разве что о собственной беде. Кто виноват?..

...Да, но при чем сейчас Капрал, при чем тополя, при чем все другие посторонние мысли, если Иринка уезжает?

— А почему во Владимир?—спросил Журка, будто этот вопрос мог что-то изменить.

— Это папина родина. Папа там учился, у него там друзей много, они давно зовут, с обменом квартир взялись помочь... А еще Витя там недалеко служит. После армии тоже хочет во Владимире остаться, в институт поступать...—Иринка слабо улыбнулась.—Мама говорит, у него там, наверно, девушка есть. Он нас тоже туда зовет...

Журка впервые подумал об Иринкином брате с неприязнью: «У него девушка, вот он и тащит всю семью...» Но это было от досады. Конечно, не из-за Виктора они едут. Едут потому, что так надо. И никто здесь ничего не сделает—ни Иринка, ни Журка. Можно, конечно, спорить и сопротивляться. Может быть, можно даже слезами и мольбами добиться, чтобы не уезжали. Но тогда как дальше жить Игорю Дмитриевичу?

Журка медленно шел, стараясь не наступать на синие тени. И привыкал к печальной мысли, что скоро Иринка будет далеко-далеко. Но вдруг в нем все опять заспорило с этой мыслью, и он с отчаянной надеждой посмотрел на Иринку:

— А может, все-таки опять передумают?

— Ну, может быть...—сказала она, как говорят взрослые, которые знают настоящую правду, но не хотят раньше срока огорчать маленького.

Журка понял это и сник. А Иринка шепотом попросила:

— Давай об этом пока не говорить.

— Давай,—послушно сказал он.

И они, правда, больше не говорили про отъезд. Лишь дома у Иринки Вера Вячеславовна обняла однажды Журку за плечи и сказала:

— Что поделаешь, Журавушка... А ты приезжай к нам на каникулы! С мамой и папой мы договоримся...

Журка спрятал глаза и торопливо кивнул. Он все же не верил до конца, что Иринка уедет.

Не верил, хотя роль Золушки на всякий случай начала репетировать вместе с Иринкой Лида Синявина. Ну и пусть репетирует. Вон Горька, например, от нечего делать иногда выступает на репетиции в роли принца вместо Журки. И получается у него даже очень хорошо, хотя Вероника Григорьевна говорит, что он «видит образ совсем в другом ключе».

Дни шли, об отъезде пока никто больше не заговаривал, надежда делалась прочнее, а весеннее солнце и театральные заботы заглушали тревогу.

А первомайский праздник был совсем близко.

Молния

Премьера состоялась второго мая.

За несколько часов до спектакля Журка начал отчаянно волноваться. Попросту говоря, трусить. Даже в горле сам по себе перeглатывался какой-то скользкий комок.

Тогда Журка отыскал и тайком надел под майку старенький пионерский галстук—тот, в котором когда-то испытывал свою смелость на кладбище. Может, и правда, была в галстуке волшебная сила, а может, была она в самом Журке и галстук просто помог ей победить боязливую дрожь. В общем, волноваться Журка не перестал, но уже не трусил.

И, говорят, на сцене держался молодцом, играл свою роль хорошо. Мама сказала, что просто замечательно. И Лидия Сергеевна так сказала. Журка пригласил ее на спектакль вместе с Максимкой и Валерием Михайловичем. Валерию Михайловичу спектакль тоже понравился, и он очень жалел, что не взял с собой фотоаппарат.

— А вы приходите шестого числа,—сказал Журка.—Будет еще представление, для соседних школ...

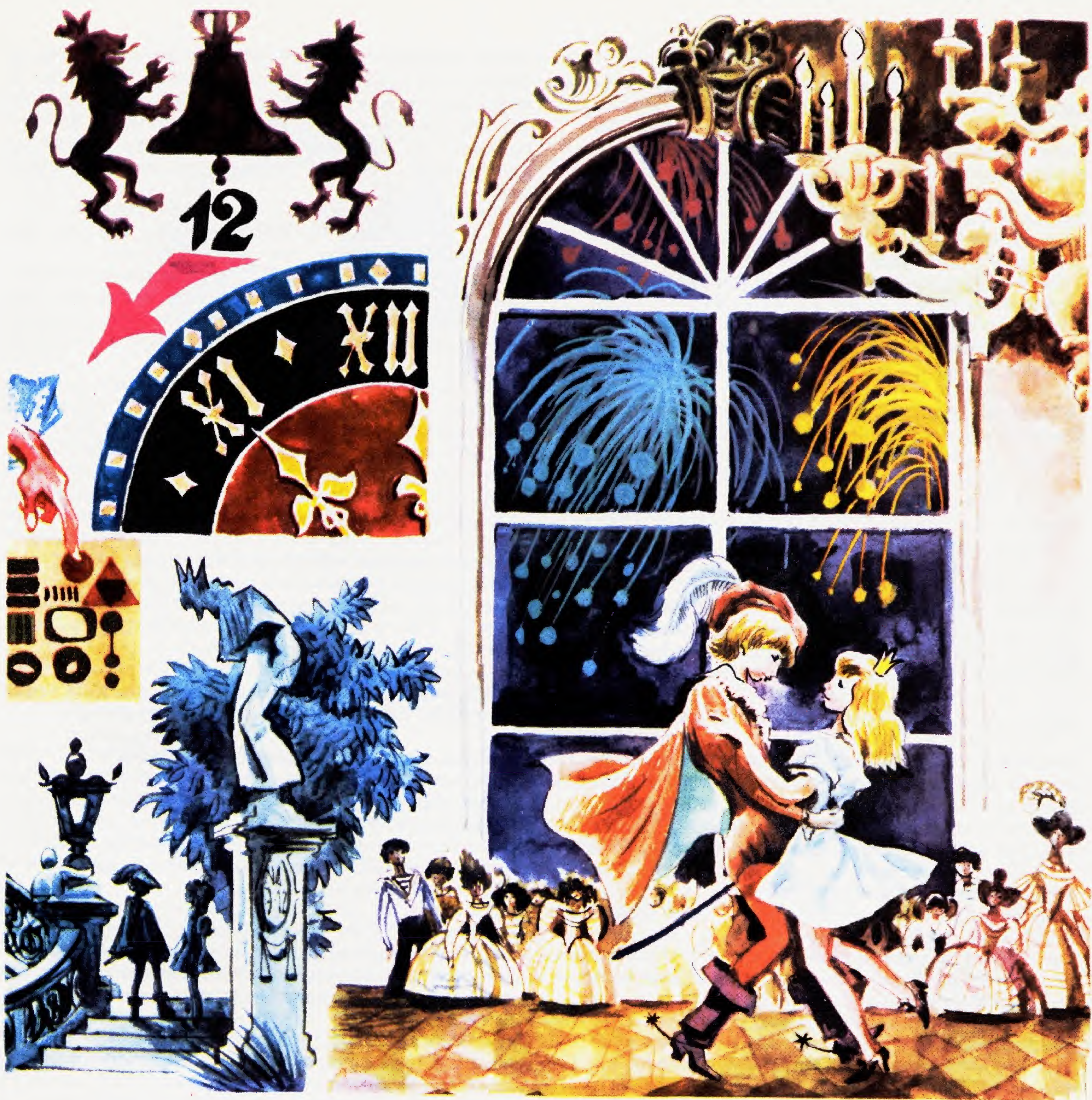
После спектакля Вера Вячеславовна позвала всех «артистов» и Веронику Григорьевну пить чай и есть праздничный пирог. Вероника Григорьевна отказалась: ей надо было со своими Витькой и Борисом ехать к родственникам. Зато артисты охотно пошли—шумной, растянувшейся по улице толпой. Дома у Иринки они съели весь пирог, печенье и конфеты, выпили несколько чайников и без конца вспоминали, как и что было во время спектакля...

Короче говоря, это был хороший, веселый вечер. Но сквозь веселье к Журке подкрадывалась печаль: он замечал, что кое-где на стенах нет знакомых картин, а с некоторых полок убраны книги и лежат по углам, увязанные в пачки. Но спросить у Иринки про день отъезда он не решался. Зачем портить себе и другим настроение?

Он спросил назавтра, в школе. Иринка грустно сказала:

— Ой, не знаю пока. Папа ждет какого-то письма... Но все равно скоро. Сегодня вещи отправляем...

Однако Иринка успела сыграть Золушку не только шестого числа, но и еще раз, через несколь-

ко дней, в субботу. И вот тогда, после спектакля, сказала, опустив глаза:

— В понедельник на уроки уже не приду. С утра забегу попрощаться с ребятами, и сразу на поезд...

Нельзя сказать, что на Журку навалилась большая тоска. Он знал, что не сегодня, так завтра Иринка это скажет. Но все равно стало невесело.

Он проговорил с досадой:

— Неужели нельзя хотя бы до конца учебного года здесь остаться?

— Папе надо скорее, а мама одного его отпустить не хочет... А отметки за год мне и так выведут...

Они потихоньку от всех ребят, даже от Горьки, ушли из школы и побрели по улицам. Просто так. У Маковой горы Иринка сказала:

— Давай подымемся...

Склон уже вовсю зеленел. Среди весенней травы путались тонкие тропинки. Кое-где валялись обломки лыж с разноцветными эмблемами и буквами. Иринка и Журка стали подниматься на круглую вершину, где стояла полуразрушенная церковь (от нее, говорят, вел за город подземный ход, но никто его не мог отыскать). Журка держал за воротник и волок подолом по траве потрепанную школьную курточку. Было очень тепло, даже чересчур. Как в июле. Взрослые говорили, что это еще не настоящее, не летнее тепло, вот зацветет черемуха, холода снова покажут себя. Но черемуха пока не цвела, видимо, ей тоже не хотелось мерзнуть.

С вершины было видно полгорода. Железные крыши, белые дома, веселые машины и троллейбусы, похожие на разноцветные яркие капли. А дальше трубы и новые кварталы «Сельмаша», где Журка еще ни разу не был. А за ними синие леса. А над лесами розовеющие от вечерних лучей облака—целые горы с откосами, склонами и синими тенями в глубине провалов. Как те «дальние острова», о которых Журка слышал в песне про кораблик.

Журка и раньше видел город с Маковой горы, но тогда над улицами висела сизая, холодная полумгла. А сейчас все окутано было зеленым дымом весны. И ярким, хотя немного печальным блеском отражали невысокое солнце тысячи стекол...

— Даже не верится, что недавно здесь катались на лыжах,—сказал Журка.

Иринка вдруг засмеялась:
— А я помню, как ты боялся первый раз отсюда ехать.
— Ох уж, «боялся»! Просто привычки не было...
— А потом, когда съехал и опять забрался, такой гордый сразу сделался. Помню, я на тебя снизу смотрела, вон оттуда. Стоишь, руки с палками расставил, а на груди будто красный бант. Это у тебя варежки были за пазухой засунуты...
Журка улыбнулся и качнул головой:
— А я даже не помню, какие у меня тогда были варежки.
— Зато я помню: курточка темно-серая, а варежки, как маки... У меня вообще такая память, это, наверно, в папу...
— Какая?
— Понимаешь, я забываю, что когда случилось, кто о чем говорил, числа и адреса не помню, зато краски всякие запоминаю. И кто как одет был, какое выражение лица. И что вокруг было. В общем, как цветная фотография... И какой ты был первый раз, когда познакомились, тоже помню...
Журка неловко сказал:
— Чего там помнить-то. Такой же, как сейчас...
Иринка мотнула головой.
— Не такой... Не совсем такой. Ты тогда был чуточку помладше. И чуточку больше круглолицый. И губы помягче, ты их тогда не сжимал так...
— Как?
— Ну, вот так.— Иринка чуть сощурила глаза, сжала рот в прямую черту и куснула нижнюю губу.
Журка машинально сделал так же. Верхней губой легонько тронул нижнюю — там, где под кожицей затаился твердый невидимый рубчик. А Иринка вдруг улыбнулась:
— А ростом ты остался такой же.
— Ну уж...— слегка обиженно возразил Журка.
— Точно. Видишь, мы с тобой, как раньше, одинаковые.
— Это разве сравнение? Просто мы одинаково подросли.
— Не-ет. У меня дома на двери зарубка, я знаю, что за год не подросла... Да ты чего огорчаешься? Это у нас впереди.
— Я не огорчаюсь. Маме забот меньше. А то она меня перед каждым летом заново обшивала...
— Да, я знаю. Ту рубашку, в которой ты на картине, тоже она шила, верно?
Журка кивнул. Иринка улыбчиво сказала:
— Я помню, ты в ней был, когда первый раз к нам пришел. Я вхожу, а ты стоишь у окна весь такой... желтенький, как свежая лучинка... Папа потом сказал: «Будто тонкую кисточку до самой верхушки обмакнули в солнечную краску...»
Журка проговорил недовольным от смущения тоном:
— Ну да. Такой красавчик позолоченный...
— При чем здесь красавчик? Это же цветовое восприятие: белая вздувшаяся штора с голубой тенью, серые обои и ты — будто яркой желтой кисточкой мазнули сверху вниз. Светлая такая полоска...
— А в ней зазубрина. У меня черная ленточка над карманом...
— Точно! С надписью «Виндроуз». Я сперва думала, что это иностранная фирма, но ведь рубашка-то дома сшита... Я потом все хотела спросить, что это за ленточка, да боялась: вдруг это тайна какая-нибудь.
— Это не тайна,— сказал Журка и посмотрел на далекие острова-облака.— Но это было давно... Мы с Ромкой прочитали в журнале про бригантину «Роза ветров», которая обошла вокруг света, и стали в нее играть. Модель пускали в Каменке... А мама нам сшила одинаковые рубашки и ленточки вот эти сделала с названием бригантины. А потом с рубашек на рубашки их перешивала, всегда на одинаковые... Только ту, желтую, она уже шила одну...
Иринка проговорила с виноватой ноткой:
— Я не знала... Но догадывалась, что она для тебя чем-то дорогая, эта ленточка.
«Завтра я подарю ее тебе,— с печалью и ласковостью подумал Журка.— Вот приду такой же, как тогда, «желтенький», чтобы все было, будто первый раз, отпорю ее от кармана и отдам... Пусть. Ромка не обиделся бы...»
Но он ничего не сказал. Он посмотрел сбоку на Иринку, увидел ее щеку, освещенную отблеском вечерних облаков, вздрагивающие от ветерка волосы, весь ее курносый профиль с печально приоткрытыми губами. И тут же Иринка повернулась к нему. И глаза у нее были жалобные и беззащитные. «Стоим тут, разговариваем о пустяках, будто ничего не случилось. А на самом деле... Что же делать?»
Журка не знал, что делать. И он сказал внутренне беспомощно, а внешне бодро и спокойно:
— Ничего. Завтра у нас еще целый день. Давай завтра, как в первый раз, облазим весь парк. Ладно?
— Ладно,— послушно сказала Иринка.
Они взялись за руки и стали спускаться среди зеленой и позолоченной солнцем травы.

Журка проводил Иринку до ее подъезда. Они помахали друг другу и разошлись. А через десять шагов Журка остановился. Как перед стенкой. Остановился от резкого и холодного ощущения вины. Будто он в чем-то обманул Иринку. Обманул, и она знает об этом, а он уходит с фальшивой беззаботностью.
Но в чем он виноват? Может, это просто печаль расставания? Нет, какая-то вина. Не сегодняшняя, а вообще. Журка не мог объяснить словами, но чувствовал: было что-то не так. Словно до сих пор у них была еще не дружба, а предисловие к настоящей дружбе.
Но почему? Ведь они каждый день были вместе, доверяли друг другу все свои тайны. И радостные, и горькие... Только... если Иринка доверяла, он разве всегда понимал их до конца? Может, и понимал, но сколько раз говорил себе: «А может, все обойдется. Может, все еще будет хорошо...»
Не обошлось. Не будет... И ничего уже не исправить, остался всего один день...
Журка оглянулся. Иринка стояла у подъезда, не уходила, смотрела вслед. И тогда Журка пошел назад. И она пошла — ему навстречу. И вдруг легко вскочила на бетонный брус, который отгораживал асфальт от газона. Журка со сбившимся, застукавшим сердцем тоже встал на поребрик. И они сошлись на этой узкой бетонной балке, взяли друг друга за руки, смущенно глянули исподлобья, осторожно коснулись друг друга лбами.
— Му-у,— тихонько и виновато сказал Журка.
Иринка ласково засмеялась, и Журка вздохнул с облегчением. Они спрыгнули с поребрика.
— Я тебе завтра скажу... про многое,— пообещал Журка, хотя не знал еще толком, о чем скажет.
Иринка серьезно ответила:
— Я тоже.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Веселый конкурс

В День Советской Армии мы проводили разные конкурсы для мальчиков. Мальчики соревновались в умении сервировать стол, чистить картошку.

Были и шуточные условия: кто быстрее выпьет из стакана воду чайной ложкой.

Самыми трудными оказались вопросы об умении мальчишек уважительно относиться к девочкам.

Первый вопрос звучал так: «Как вы пригласите девушку на танец?» Андрей смутился и откровенно сказал: «Не знаю». Тогда встал Алеша, склонил голову и вежливо спросил: «Разрешите вас пригласить?» Но Валера оказался самым догадливым. Его ответ звучал так: «Вы танцуете? Можно вас пригласить?» Жюри присудило Валере очко.

Потом ведущая сказала: «Представьте, что вас пригласили в гости с девочкой. Как вы ее посадите к столу?» Мальчишки попыхтели-попыхтели, но справились и с этим вопросом. Очко получил Андрей.

А самым сложным оказался третий вопрос: «Как подать девочке пальто?» Почти все мальчишки сказали, что не знают. А самый смелый, но внезапно растерявшийся Саша подошел к Оле, сунул ей пальто в руки и пробормотал: «Возьми!»

Мы долго смеялись. А как вы, ребята, ответите на последний вопрос, и бывали ли у вас такие смешные конкурсы?

Нина Г.,
Калининская область.

Воспоминания об Иссык-Куле

Летом я ездила с папой и мамой на озеро Иссык-Куль. В маленьком селе Кутурге живет наша знакомая семья. Вот мы и остановились там. Хозяйка у нас была очень хорошая, трудолюбивая, заботливая. Мы жили у нее будто дома.

Погода была как на заказ. Я, мама и папа ходили на озеро, купались, загорали, бродили по окрестностям. У нашей хозяйки — огромный сад. В нем есть все, что душа пожелает. Подсолнухи, смородина, малина, крыжовник, а яблоки прямо падали на землю, так их было много. Еще у нашей хозяйки много животных: корова, поросята, куры, утки. Это все вряд ли увидишь в городе.

Особенно мне запомнился воздух Иссык-Куля. Стояла пора сенокоса, и в воздухе пахло свежим сеном. Я часто вспоминаю этот необыкновенный запах. Он даже снится мне.

Этим летом я обязательно поеду на Иссык-Куль снова.

Оля ЛЕОНОВА,
г. Ташкент.

Я живу в селе Апука

Я живу в селе Апука на Камчатке. С одной стороны от нас море, с другой — речка.

Зимой можно пройти по льду в тундру, а летом переехать туда на самоходной барже или катере.

У нас на Камчатке много сопок. Я люблю лазать по ним.

В тундре можно летом искупаться в озере или долго-долго лежать под кустом сирени в тени и наблюдать за пауком, который плетет над твоей головой легкую сеть. И еще тундра прекрасна тем, что там можно наломать веточек для дома.

Однажды я нарвал веточек за две недели до Нового года. Дома я их поставил в банку. Они согрелись, а к самому празднику выпустили листочки. Так в стужу, в самый Новый год, случилось чудо: у нас дома появилась весна. Я думаю, потому так случилось, что под Новый год всегда происходят чудеса.

Максим ЖАРКОВ,
с. Апука, Камчатская область.

Нина ГРАЧЕВА — москвичка, ей 12 лет.

Мастер

Тот, кто не хочет покоя,
Ищет средь трудностей счастье,
Звание носит такое:
Дела любимого МАСТЕР.

«Посылаю вам свои стихи. Я пионерка, мне 10 лет, учусь в 4-м классе школы № 105 города Уфы. Очень люблю поэзию, музыку, занимаюсь в музыкальной школе. Лена РОМАНОВА».

Метели

Метели не воют, метели поют.
Метели смеются, метели метут.
Прислушайся, только внимательно, ты:
Вот музыка чудится где-то вдали...
То тихо и робко начнет напевать,
То ласково что-то начнет мне шептать,
Как будто напомнить хочет она,
Что важное что-то я сделать должна.
Я слушала долго метель у окна.
Спасибо, метель, ты мне очень нужна!

Свете ДЗИКОНСКОЙ 10 лет, она живет в станице Гиагинской Краснодарского края, учится в средней школе № 2. Кроме того, Света занимается в музыкальной школе и любит играть в шахматы.

Буренка

Нам мама-корова дает молочка
И досыта поит сыночка-бычка.
Корову мы кормим сеном зимой
И поим тепленькой чистой водой.
Привыкла ко мне она, смирно стоит.
Я рада: ее скоро будут доить.

«Извини меня, пожалуйста, «Кораблик», что я тебя побеспокоила. Я хочу предложить тебе свои стихи. Инна ПЕСЕНКО, 7-й класс, школа № 49 города Ворошиловграда».
«Кораблик» поздравляет Инну с публикацией!

О друге

Если я вдруг встречу человека,
Который понял бы меня с полуслова,
Я в бурной жизни атомного века
Признаюсь, что мне трудно быть веселой.

Признаюсь в том, что вовсе не сильна я,
Признаюсь, что хочу я долго жить.
И грустно мне, что я уже большая,
И хочется смелей, беспечней быть.

И мне совсем не стыдно будет плакать,
Ведь он меня поймет, всегда поймет!
Но дождь ревнивый с вызовом закапал,
И след мой человек тот не найдет...

«НАША СЕМЬЯ». *Света ЕГОРОВА, 6 лет.*

«Здравствуй, «Кораблик»! Я с удовольствием сообщаю, что в настоящий момент учусь в 6-м класе школы № 32 города Нижний Тагил и являюсь членом детского литературного объединения ЧИП, которым руководит Валерий Викторович Климов. Откровенно говоря, я испытываю трудности при написании стихов, хотя стихи вообще-то сочинять мне очень нравится, и я, конечно, волнуюсь, посылая их в «Кораблик». Эдик КОРИДОРОВ».

«ЗИМА». *Лена ГРЯЗНОВА, 8 лет.*

Зима

Вот пришла зима,
Словно светлый сон.
Белые дома,
Синий небосклон...

Намела сугроб,
Хрупкий куст укрыв,
Чтоб не жег его
Злой пурги порыв.

На стекле окна
Снежная тесьма.
Дорога ты мне,
Белая зима!

Рита ЧЕЛНОКОВА — семиклассница из Иркутска.

Лыжная прогулка

Лыжня, петляя, вдаль уводит.
Белеет снег. На нем следы.
А вечер, словно призрак, ходит
Вкруг скользкой лыжной борозды.

Вечерним сумраком объята,
Береза шлет земле поклон,
И как-то грустно, виновато
Глядит сквозь снежный балахон.

Сплелись кусты. Все холоднее.
Ворона с криком поднялась.
Вдали, задумчиво синея,
Бороздка лыжная вилась.

Стихи Димы ЧЕРНОВА, семиклассника из Харькова.

Буханка хлеба

На столе лежит буханка хлеба,
Тяжелая и сладкая, как мед.
За нее сражались на земле и в небе,
За нее сраженье каждый день идет!

Чтоб буханка на столе лежала,
Труд вложило множество людей:
Много потрудилось комбайнеров,
Пекарей, шоферов, слесарей.

И когда ты вдумаешься в это,
Хорошо себе представишь все,
Цену будешь знать буханке хлеба,
Будешь уважать всю жизнь ее.

ВНИМАНИЕ!!!

Всем! Всем! Всем!

«Кораблик» объявляет конкурс на лучшее стихотворение о хлебе.

Работы победителей будут напечатаны на страницах журнала, а их авторы награждены книгами.

Стихи на конкурс можно присылать до 1 мая 1983 года.

Следопыты из «Десанта»

На отрядном флажке следопытов клуба «Десант» г. Куйбышева — значок «За умение искать и находить».
О том, как приходит такое умение, рассказывает руководитель клуба, ветеран Великой Отечественной войны Р. ЕВИЛЕВИЧ.

В строчках документов — судьба человека

В класс вбежал радостный Саша Гатауллин.

— Вот в «Волжской заре» прочитал: «При Октябрьском райвоенкомате есть лекторская группа...»

— «Малая земля»,— хором продолжили ребята.

Саша думал, что он первооткрыватель, а оказалось — уже весь класс знает новость.

В начале учебного года к ним в 4 «Б» пришла новая учительница — Лариса Владимировна Чернышева. Она рассказала ребятам о городе-герое Новороссийске, о необычном обелиске — огромном цветке, который сплавлен из осколков мин и снарядов. Даже обыкновенный железнодорожный вагон стал на Малой земле памятником. Да какой там обыкновенный, если на нем тысячи ран-пробоин?

Ребята из 4 «Б» решили узнать, есть ли среди куйбышевцев защитники Малой земли. Решить-то решили, а с чего поиск начать, не знали. Подсказали взрослые: поинтересуйтесь в военкоматах, кто награжден медалью «За оборону Кавказа». А Лариса Владимировна посоветовала: «Внимательно просматривайте газеты, может быть, найдете что-то важное для поиска».

Совет запомнили все ребята, поэтому и оказалась Сашина новость «с бородой».

В Октябрьский райвоенкомат отправились Саша Клинов и Юра Сапа. Римма и Инна Серебряковы — в Волжский. Ребята волновались: как их встретят? Напрасно беспокоились. Мальчикам помогли разыскать Александра Парфеновича Новикова, руководителя лекторской группы «Малая земля». Оказалось, он сам участвовал в боях за Новороссийск. Девочки тоже вернулись не с пустыми руками: им дали адрес Тимофея Игнатьевича Сокуры. Он вместе с десантом морской пехоты в ночь с 7 на 8 февраля высадился на Мысхако. Это и есть Малая земля.

Поиск захватил всех, даже родные включились в следопытскую работу. Не раз вместе с ребятами ездил по адресам папа Наташи Цицельской. Сначала взрослые просто боялись отпускать ребят одних, а потом и сами увлеклись поиском.

Список малоземельцев пополнялся. Только «пополнялся» — слишком спокойное слово для такого непростого дела.

Володя Спорышев, Алеша Курочкин и Миша Малышев узнали адрес Федора Макаровича Костенко, ветерана 18-й армии. Решили к нему поехать.

Федор Макарович живет в поселке Зубчаниновка. Добираться туда надо двумя электричками, потом еще автобусом. Три часа плутали, пока отыскали нужный дом. Федор Макарович рассказал много интересного, а на прощание подарил школьному музею подлинные документы военных лет.

К таким находкам у следопытов отношение особое. В скупых строчках фронтовых документов — судьба человека.

Поиск — работа кропотливая

Узнали следопыты о специальном отряде. Этот отряд был сформирован из волжан-осводовцев и входил в батальон под командованием Цезаря Львовича Куникова. Решили найти бойцов отряда.

Ира Атанова и Лена Калугина поехали в речной порт. Расспрашивали чуть ли не каждого. Одни пожимали плечами, другие советовали обратиться в партком, в комитет комсомола. Совсем неожиданно их подозвал пожилой мужчина: «Вам, девочки, к Дмитрию Ивановичу Козлову надо. Точно знаю, воевал он на Малой земле». Адрес им дали в диспетчерской.

В войну Дмитрий Иванович командовал десантным катером. Девяносто огненных ночей и дней вместе со своим экипажем доставлял на Малую землю бойцов, оружие, продовольствие, строительные материалы.

Маленький катер, ныряя в волнах, тащил на буксире огромный плот: из его бревен бойцы строили блиндажи, в которых размещались боевые штабы, узлы связи, перевязочные пункты. Судно и плот обстреливали с воздуха и с суши. Бывало, снаряд перерубал буксирный канат, и тогда командир прыгал в ледяную воду, чтобы связать трос и спасти важный груз. По многу раз приходилось Дмитрию Ивановичу совершать такие опасные рейсы.

Он рассказывает обо всем спокойно, а Лене с Ирой даже представить себе такое трудно. Девочки надеялись, что Дмитрий Иванович вспомнит кого-нибудь из своих однополчан, но никого назвать он не смог.

Сложная, кропотливая работа — поиск. На везение надеяться трудно, слишком редко оно выпадает следопытам. А тут повезло. На очередное обращение ребят откликнулся Александр Григорьевич Гнутов. Он в отряде был писарем и запомнил имена и фамилии многих.

4 февраля — в день высадки на Малую землю легендарного десанта под командованием майора Куникова — фронтовики придут в школу. Те, кого удалось разыскать следопытам, каждый раз удивляются: «Неужели нас немало? Мы думали: раз-два — и обчелся, а оказывается, много». На первой встрече, в феврале 1980 года, ветеранов собралось всего двенадцать, через два года — сорок, а сейчас уже больше семидесяти малоземельцев собираются в школьном клубе фронтовых друзей «Новороссийцы»!

ГОРИ, ОГОНЬ ПАМЯТИ!

Отгремели бои, заросли травой окопы и траншеи... Вторая мировая война ушла в прошлое, в историю. Но горит в городах-героях огонь памяти, печальный, вечный огонь.

...Стоит одиноко у братской могилы старик. Война отняла у него сына, совсем еще молодого, безусого. Сначала отец получал от него солдатские письма-треугольники. С почтовым штемпелем советских городов, потом из европейских, оккупированных врагом стран.

Только где-то на полдороге к Берлину, на чужой земле, оборвался путь молодого солдата. А где — неизвестно...

Словно к сыну, приходит теперь к этой могиле старик. Хотя нет на мраморном обелиске фамилий погибших бойцов. Всего два слова: «Неизвестному солдату».

Солдат неизвестен — не значит забыт.

Красные следопыты и их сверстники из зарубежных стран помогают родственникам погибших солдат узнать об их подвигах, найти их могилы.

Это письмо и фотографию прислали нам в редакцию чехословацкие пионеры из города Градец на реке Моравице. Вот что они написали:

«Дорогие друзья!

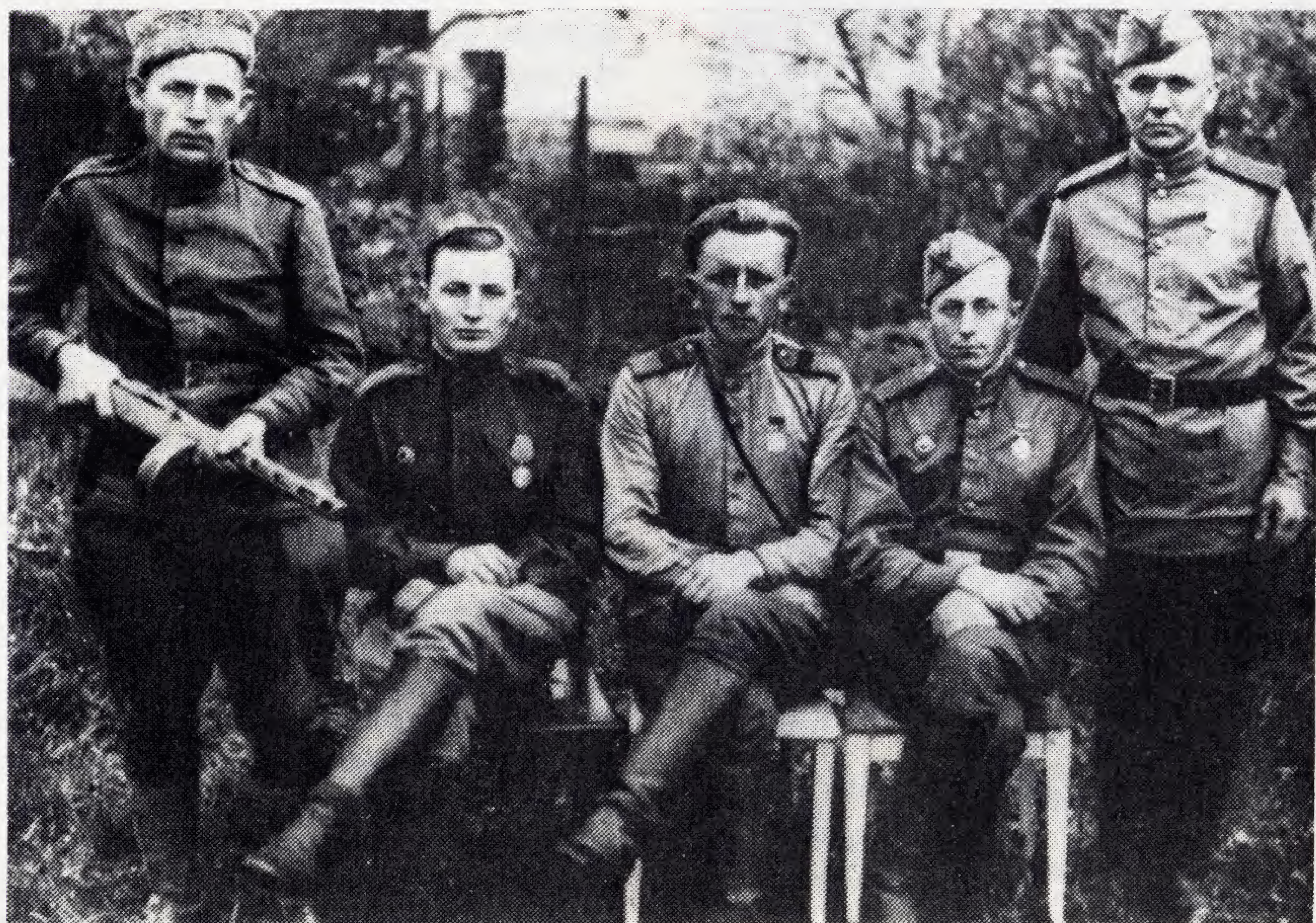
Недавно нам, пионерам отряда интернациональной дружбы из города Градец на Моравице, пожилые жители принесли старую фотографию. В конце апреля — начале мая 1945 года один местный фотолюбитель сделал снимок пяти советских солдат, освобождавших наш маленький город. Автора этой фотографии уже нет в живых. А нам бы очень хотелось узнать имена и судьбы этих советских воинов и поблагодарить их за то, что они прогнали фашистов из нашего города.

Мы решили обратиться с этой просьбой к вам, так как все ученики нашей школы читают советский детский журнал «Пионер».

Сотрудники Музея Вооруженных Сил СССР и Комитета ветеранов войны подсказали нам, что Градец на Моравице, который расположен недалеко от крупного чешского города Опавы, освобождали от фашистских захватчиков сухопутные подразделения 4-го Украинского фронта, в частности 60-я армия под командованием генерал-полковника П. А. Курочкина.

Ребята! Может, кто-то из вас, ваших родителей, дедушек и бабушек узнает на этом снимке своих близких, друзей. Поможем чехословацким пионерам собрать сведения из истории освобождения их родины!

Г. СМИРНОВА.

ДИСКУССИОННЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

«Спор ради спора ничего не стоит».

«Спорят для того, чтобы понять себя, понять других, выяснить важные для понимания жизни вещи».

Из разговора.

А если захочешь, и сам можешь принять участие в споре, что ж... клуб „За и против" рад предложить свои страницы всем желающим высказаться.

Я считаю интересным человеком графа Монте-Кристо.

И своего папу.

Примечание журналиста

Ребята, принимающие сегодня участие в нашем разговоре, учатся в разных школах, живут в разных городах и поселках Советского Союза. Познакомились они и стали друзьями в «Артеке», в пятом отряде дружины «Янтарной». Там же и состоялось, если так можно выразиться, «выездное заседание» клуба «За и против».

Почему для своей дискуссии они выбрали именно такую тему? Почему именно на такой вопрос искали ответа? Давайте послушаем. А если захочешь и сам принять участие в споре, что ж... Клуб «За и против» рад предоставить свои страницы всем желающим высказаться.

Ася Кузнецова. Я считаю интересным человеком графа Монте-Кристо. И своего папу.

Ира Бурцева. Интересный человек — это Гуля Королева.

Олег Муравьев. Интересный человек учился со мной в одном классе. Сейчас он перешел в другую школу. Если когда-нибудь я прочту столько книг, сколько этот мальчик... может, и я тогда стану интересным человеком.

Галя Никишина. Уж если и интересный, то, конечно, капитан Сорви-голова. И наша учительница рисования. Она хоть и очень строгая, а любого человека поймет.

Оля Асонова. Сколько книг ни прочла, а дороже Любы Шевцовой никого для меня нет. Вот она интересный человек.

Олег Муравьев. Одну минуточку! У меня, скажем, тоже есть на примете свой интересный человек. И у любого из здесь присутствующих. И у каждого из читателей «Пионера», если бы они захотели высказаться на страницах журнала, нашелся бы свой интересный человек. Сколько людей, столько и мнений... Что мы хотим выяснить? Почему стремимся понять, **что такое интересный человек?**

Дима Темнов. Видишь ли... Есть такая поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так вот, скажи, кого ты считаешь интересным человеком, и я скажу, каковы твои взгляды на жизнь, что тебе нравится, что нет, что ты считаешь главным, а что пустяками...

Олег Муравьев. Пожалуй. Но моя персона не так уж важна...

Оля Асонова. Почему же... Твоя важна, и моя важна, и каждого важна. «Сколько людей, столько и мнений» — ты правильно сказал. Но ведь из многих мнений складывается общее. Общественное. Мы можем не соглашаться по частностям. Но в чем-то главном, самом важном, должны прийти к общему мнению? Если кто-то на земном шаре считает интересным человеком создателя нейтронной бомбы Сэмюэля Коэна, то ведь уже не отмахнешься: «Сколько людей, столько мнений»!

Оля Ракитская. Коэна никто не будет считать интересным человеком. Никогда и ни за что на свете! Человек, который интересен людям, прежде всего добр. Прежде всего.

Примечание журналиста

Течение разговора, в котором участвует много ребят (их было ровным счетом сорок!), непредсказуемо. Но потом, оглядываясь назад, разбирая записи, я поняла, с чем можно было бы сравнить этот ребячий спор. С попыткой нарисовать портрет — Портрет Интересного Человека. И самым главным, самым важным его качеством они посчитали Доброту. Все сорок человек, и мальчики и девочки, согласились с Олей Ракитской: каким бы он ни был, этот интересный человек, он должен быть прежде всего добр. Поскольку нет спора, нет и аргументов. Утверждение было высказано как аксиома. Но ты, читатель? Может быть, ты хочешь высказать свое

мнение? Почему именно доброту посчитали ребята наиважнейшим качеством Интересного Человека? И почему так единодушны были в своем мнении?

Олег Муравьев. Знания, эрудиция... Вот без чего быть интересным человеком немыслимо.

Ира Бурцева. А я не согласна. Как будто нельзя...

(Ирины слова тонут в море возмущенных реплик: «Нельзя», «Как ты себе представляешь?», «Конечно, нет».)

Ася Кузнецова. Ты пойми, мы же говорим ИНТЕРЕСНЫЙ. Как же можно быть интересным людям, если мало знаешь, необразован? Если тебе нечего сказать, да еще — одно из другого следует — разговаривать правильно не умеешь? Ничего себе «интересный»!

Олег Муравьев. Еще совсем недавно я сидел за партой с одним мальчишкой. Теперь он в другой школе учится. Сколько всего он знает. Каждый день рассказывал о какой-нибудь новой книге. Я понять не мог, когда он читать успевает! Еще он собирал марки. И про каждую марку рассказывал столько, что мне казалось, будто я вернулся из путешествия.

Ира Бурцева. Все-таки я хочу, чтобы мы уточнили. Хорошо, когда человек много знает, но если он при этом не жадничает. Есть такие, которые знают в классе больше всех, но таят свои знания при себе и только нос задирают.

Галя Никишина. Вот именно: принесут в школу интересную книгу, корешок покажут — и скорей в портфель. А почитать и не проси даже.

Ира Бурцева. Хорошо, когда человек умный, образованный. Ну, а если при этом холод в душе, нечуткость, бестактность, эгоизм? Да такой человек чем лучше безграмотного дикаря? Вот когда знания не только ум развивают, но и душу облагораживают, тогда да! Но почему-то не всегда так получается. Иногда, бывает, мальчишка книги знаменитого поэта не читал (достать ее трудно), а чувствует тоньше и душой понимает больше, чем тот, что кичится своей эрудицией. Щедрым надо быть.

Саадат Мирзоева. А что, по-твоему, значит щедрый?

Ира Бурцева. По-моему, ясно. Тот, кто отдает, не жалея.

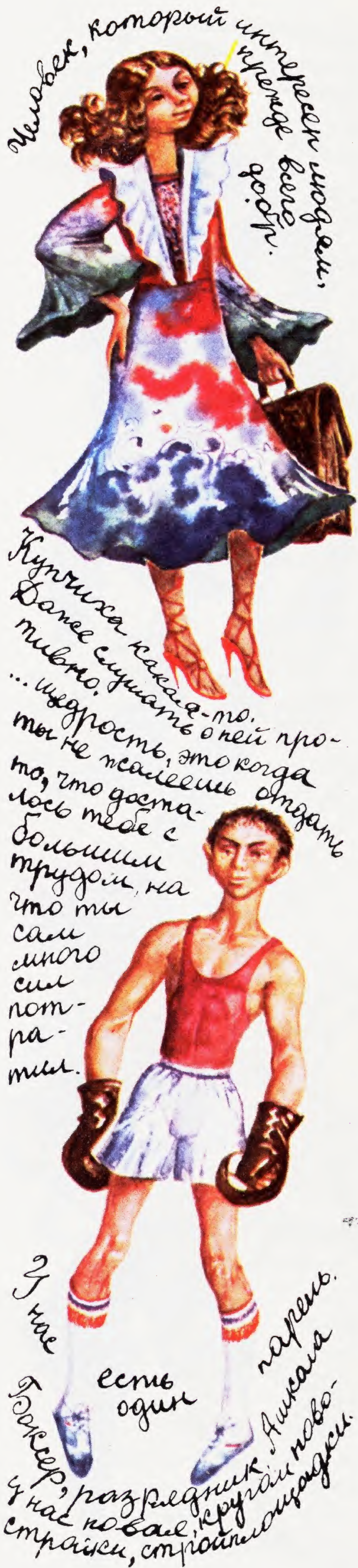
Саадат Мирзоева. А по-моему, неясно. Я вот расскажу про одну девочку. Она не со мной в школе учится, а с моей подругой. Эта девочка, скажу я вам, самая настоящая богачка. У нее такие босоножки и платье... В форме она в школу и не ходит. Когда она в новом наряде, все ребята в классе не объяснения учителя слушают, а на нее глядят, глаз отвести не могут. У нее всегда с собой много денег. Она покупает семечки на базаре и бросает их просто так, чтобы ребята видели, что она богатая и ей ничего не жалко. Или деньги бросает.

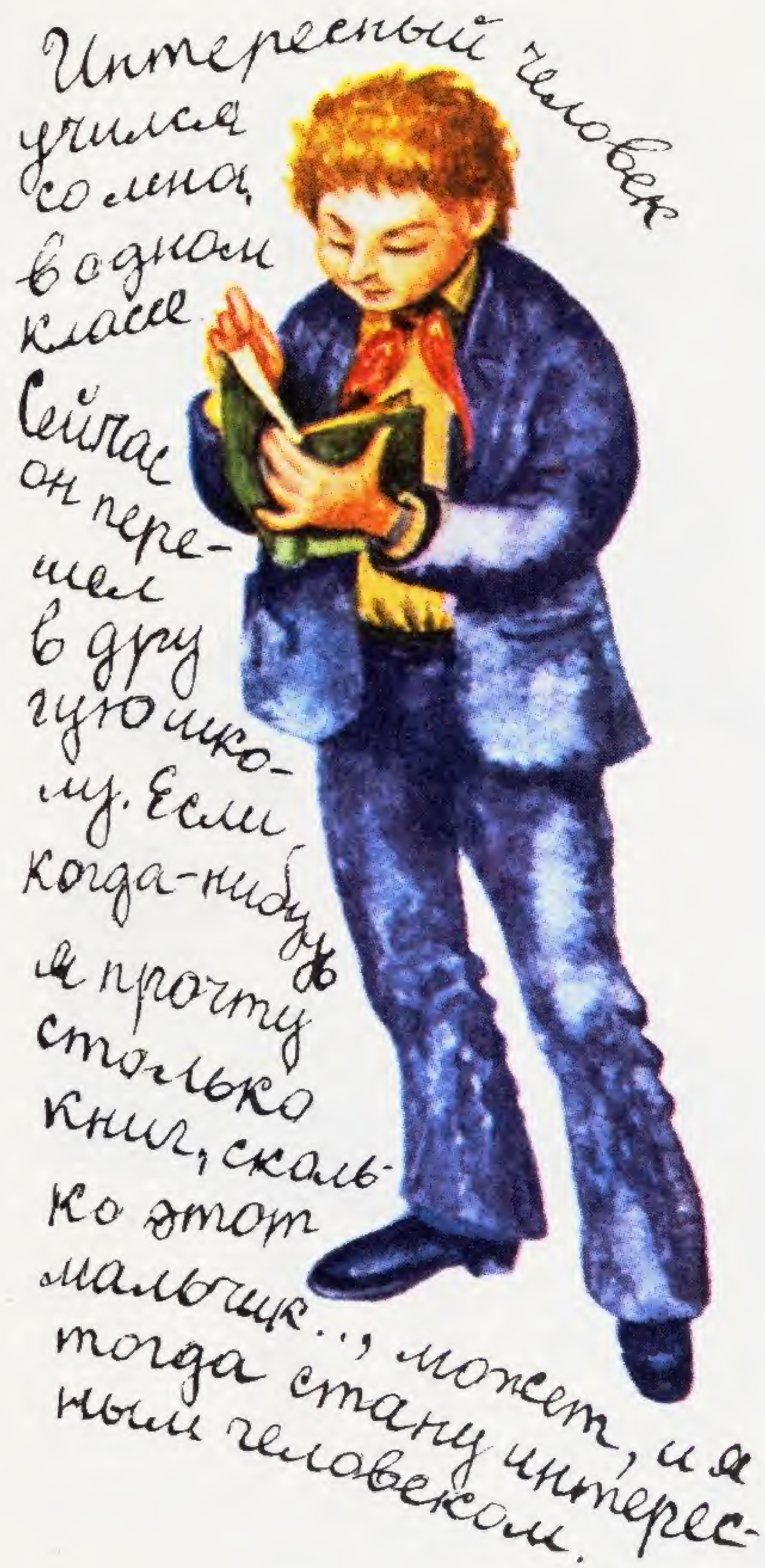
Ася Кузнецова. Купчиха какая-то. Даже слушать о ней противно. Мне кажется, она очень глупа, эта девочка.

Саадат Мирзоева. Дело не в этом. Я хочу сказать, что щедрость — это когда ты не жалеешь отдать то, что досталось тебе с большим трудом, на что ты сам много сил потратил. А раздавать, раздаривать то, что с неба тебе упало, большой щедрости в этом нет.

Олег Муравьев. Мне кажется, Саадат правильно сейчас разговор повернула. Вот мы сидим, рассуждаем, в теорию ударились: на первом месте доброта, на втором — эрудиция... А в школе все намного проще иногда получается. Пришел парень в класс в новых джинсах, вытащил иностранную жевательную резинку, показал новый диск. Вот вам и «интересный» человек, и уже вокруг него все вьются. Или вот девица, о которой Саадат рассказала. Это уж, конечно, крайний случай. Но и она для своих одноклассников все на свете затмевает: и доброту, и знания. Даже объяснения учителя не слушают. Вытаращили глаза на новые босоножки, вот вам и вся «дискуссия об интересном человеке».

Андрей Волков. Все зависит от того, какая у человека шкала ценностей. Один ставит на первое место доброту. А другой — богатство, престижные тряпки. Один превыше всего ценит знания. А другой — физическую силу, которая ему власть в классе дает. У нас есть один парень. Боксер, разрядник. А школа у нас новая, кругом новостройки, стройплощадки. Ну и идешь когда, хулиганье всякое пристать может. Так вот для многих мальчиков из нашего класса этот боксер самый интересный человек на свете. Ради того, чтобы выйти вместе с ним, под его защитой, из школы, они на любые

унижения согласны. Пусть обзовет самыми последними словами или плюнет, пусть, лишь бы защитил от чужих хулиганов.

Ася Кузнецова. То есть как это плюнет? В каком смысле?

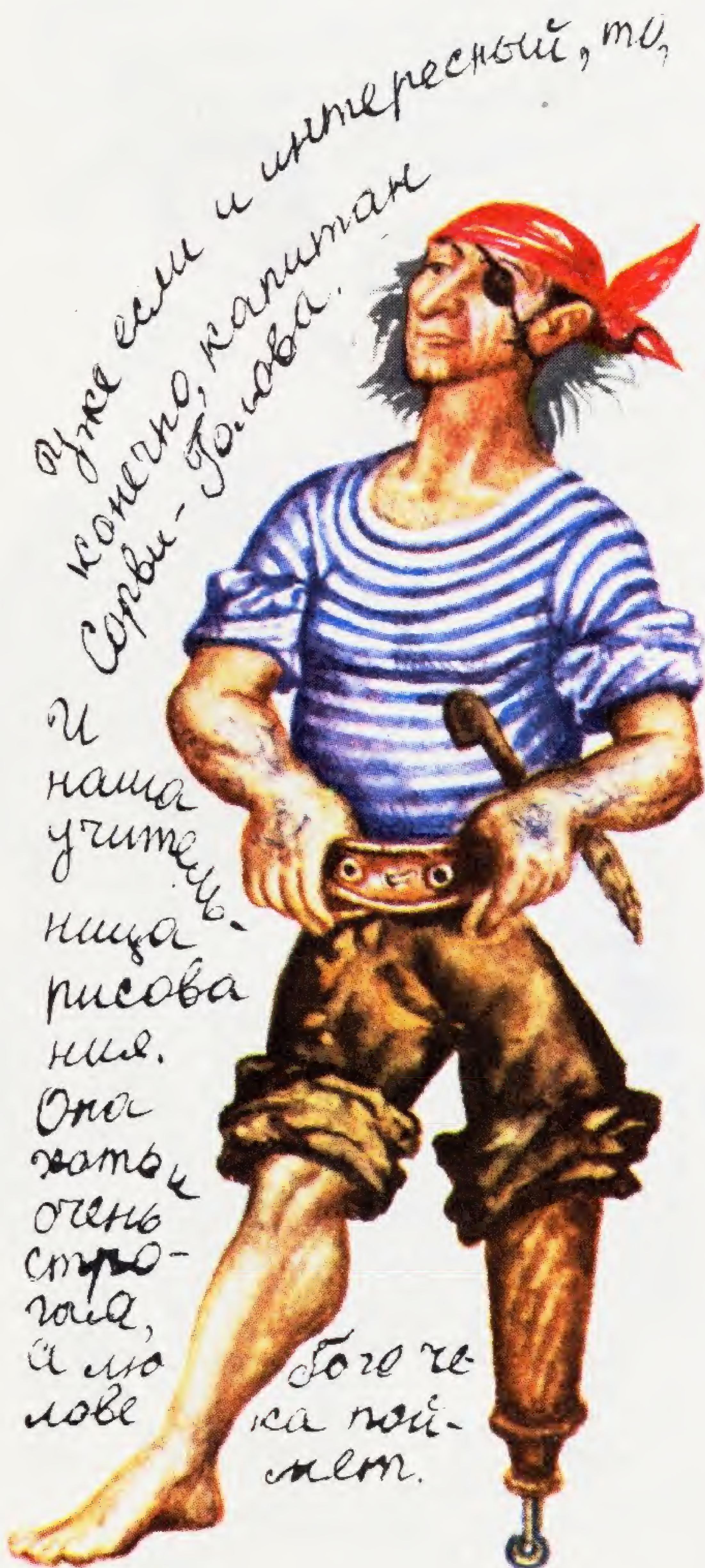
Андрей Волков. В буквальном. Но я это рассказываю не для того, чтобы своих одноклассников укорить. Просто хочу сказать, что мне интересен только человек с чувством собственного достоинства. Который из страха боли не станет унижаться перед силачом. И из желания послушать модный диск не станет заискивать перед его владельцем.

Оля Ракитская. Ну хорошо. Ты, значит, ценишь превыше всего чувство собственного достоинства. А твои одноклассники, ребята из твоего отряда? Что же, пусть их? Ты разобрался со своей шкалой ценностей, а они пусть в неведенье прозябают, на своего «боксера» молятся да почаще физиономию утирают? Вот поэтому так иногда в отряде и получается: мы, активисты, совет отряда, в сторонке держимся — с чувством собственного достоинства! — а верховодят «боксеры» и «тряпичники»... Чувство собственного достоинства — это уже позиция. Но она должна быть активной. Надо не смотреть на жизнь отряда со стороны, а участвовать в ней. Вот тогда и будешь интересен другим людям.

Ася Кузнецова. Я, конечно, только о своей дружине судить могу, но скажу: редко бывает, чтобы председатель совета отряда настоящим лидером в коллективе был. У него просто времени для этого нет. Выберут ребята председателем хорошего парня... Но он и за план работы отвечает, и за макулатуру, и за «встречи с интересными людьми», кстати говоря. Пока он суетится, да все организовывает, да явку обеспечивает, какой-нибудь Петров или Сидоров, горластый, кулакастый, да с сигаретами в кармане, так мальчишкам головы задурит, что он уж для них «царь и бог». А над председателем они только посмеиваются: мол, работай за нас, для того и выбирали.

Примечание журналиста

Вот в какую сторону разговор повернулся. **В пионерском отряде за кем ребята идут, за кем тянутся?** *За тем, кто действительно интересен? И всегда ли именно интересный человек оказывается председателем, членом совета отряда? Не получается ли так, что на сборе выбирают одного, а «владеет умами» совсем другой? И что ты, читатель, по этому поводу думаешь?*

Галя Никишина. Ася о мальчиках говорит. Но и у девчонок точно так же. Вот у нас в классе девочка была... То есть она и сейчас есть. Просто раньше ее мнение для всех девчонок законом было. Скажет: этой бойкот объявим, с той дружить не будем,— и все ее слушаются. А на чем ее власть держалась, спрашивается? И училась она так себе... Но говорила всегда с нами так, будто она самая главная. Мы как под гипнозом были. А потом она заболела и месяц в школу не ходила. И мы прямо как очнулись. Почему же мы ее так слушались, себя спрашиваем. Что такого она из себя представляет?

Оля Асонова. Я верю в справедливость. Бывает, конечно, что ребята идут за человеком, который в общем-то этого не заслуживает. Но не может такой человек себя не разоблачить. И как бы он ни старался лидерство свое удерживать, в один прекрасный день лопнет его авторитет, как хлопушка. С треском.

Ася Кузнецова. Хлопушка?

Оля Асонова. Вот именно. У нас одно время «правил» в классе вот такой «Петров-Сидоров», про которого ты говорила. Мальчишки ему в рот смотрели. А он их все время подбивал на всякие проделки. Придумал однажды хлопушки бумажные. Они с таким треском лопаются, что в обморок человек упасть может. И весь класс как с ума посходил. Только и делали, что хлопали. И вот однажды хлопнули. На уроке у новенькой учительницы. А она к директору. Он пришел и спрашивает: кто? И все встали честно. А мальчишка, который хлопушки эти придумал, струсил и не встал. Звонок с урока прозвенел. Он — к ребятам, а они смотрят на него, как на пустое место.

Оля Душкина. Бывают и другие открытия. Наоборот. Учится человек в классе, и никто его не замечает, смотрят как на пустое

место. Неинтересный, незаметный, что с него возьмешь. А мы однажды попросили такого «неинтересного» провести беседу об охране окружающей среды, так он три часа нам о природе рассказывал. И никто не уходил. Оказалось, он на станции юных натуралистов занимается. И столько всего знает, что мы только диву давались: как же это мы, с ним учились, а что за человек, и понятия не имели?

Ася Кузнецова. Я думаю, неинтересных людей в отряде вообще нет. Все от тебя самого зависит. Если умеешь найти общий язык с человеком, то обязательно отыщешь в нем интересное. Просто одни сразу бросаются в глаза, потому что веселые, бойкие, шумные. Или красивые. А в других надо разобраться. Но они-то, как иногда выясняется, и оказываются намного интереснее тех, что сами в глаза лезут.

Олег Иванов. Ну, если на словах, то, может, оно и так... Сколько об этом говорят: «Каждый человек интересен». А вот у нас две девчонки в классе — такие тихие... Даже не то чтобы тихие, а вообще никакие!

Ася Кузнецова. Так не может быть! Просто вы не сумели к ним ключа найти.

Олег Иванов. И поручения им давали, и в отрядную жизнь старались втянуть — ничего не помогает. Посмотришь на них — уже скучно.

Галя Никишина. Что же им теперь делать, таким неинтересным? Куда податься? Должен же быть у них какой-то выход? Ведь очень несладко жить на свете, если ты знаешь, что никому не интересен.

Ира Бурцева. Иногда сама о себе подумаешь: ну что я за «серая личность», кому я интересна! А наша учительница русского языка войдет в класс, на урок, скажет: «Дети мои милые, дети хорошие...» И почему-то сразу я чувствую себя уверенней и не сомневаюсь в себе.

Ася Кузнецова. Все дело в доброте и во внимании. Если быть к человеку внимательным, он... ну, раскроется. От одних поручений толку мало. Если человек застенчивый, ему, может, не так уж легко с поручением справиться, он будет бояться неудачи и еще больше в себя уйдет.

Олег Иванов. Но ведь и сам такой человек тоже должен выход искать. Нельзя надеяться только на то, что тебя кто-нибудь откроет. Надо и самому стараться быть для людей интересным.

Светлана Жингарева. Хорошо, когда в отряде есть человек веселый, общительный. Не ладится что-нибудь, настроение упало, а он войдет да скажет: «Что, братцы, приуныли?» И от одного только голоса веселого уже настроение поднимается. Мне кажется, у нас Ася Кузнецова — такой человек.

Ася Кузнецова. Ну, я лично сама себя интересным человеком не считаю.

Дима Темнов. И не надо. Только самонадеянные и ограниченные люди, мне кажется, считают себя очень интересными. Надо, чтобы другие тебя интересным считали.

Олег Муравьев. Вообще интересы человека не должны ограничиваться лишь личными проблемами, отношениями в отряде и даже в дружине. Чем живет страна, ребята БАМа, Чукотки? А наши ровесники в Никарагуа, наравне со взрослыми участвующие в строительстве новой жизни? Как идет операция «Кебрачо»? Как откликнулись ребята земного шара на Обращение СИМЕА? Как мы все участвуем в международной кампании за мир и разоружение? Интересному человеку интересен мир, тогда и он сам интересен миру.

Примечание журналиста

У этого разговора нет конца. Посовещавшись, ребята решили выводов никаких пока не делать и итогов не подводить. Предложили: пусть выскажутся сначала читатели «Пионера». А еще предложили пригласить в клуб «За и против» людей взрослых. Писателей, ученых, рабочих. И попросить их высказать свое мнение.

Итак... Что такое интересный человек? Разговор продолжается.

Беседу вела И. ХРИСТОВАЯ.

Рисунки А. ДУГИНА.

...Петров или Сидоров, горластый, кулакастый, да с сигаретами в кармане, так мальчишкам головы надурит, что он уж для них „царь и бог"

...в один прекрасный день лопнет его авторитет, как хлопушка. С треском.

Итак... Что такое интересный человек? Разговор продолжается.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

— Новости про птиц и зверей,
— интересные события из их жизни, а также из жизни других наших меньших братьев — четвероногих, шестиногих, рукокрылых, двухвостых и даже головоногих,
— поразительные открытия и загадочные снимки — все это ждет тебя, дорогой читатель, на этих страничках. Читай про птиц и зверей, радуйся всему живому на земле, люби и охраняй нашу природу!

Из Красной книги

Колыбель под снегом

Эти снимки сделаны на далеком полярном острове Врангеля советским ученым С. Е. Беликовым. Вместе с другими исследователями он много лет работает в заповеднике на этом острове, названном «родильным домом» для белых медведей.

Да, именно сюда, на остров Врангеля, приходят из Арктики белые медведицы. Здесь они устраивают снежные берлоги, здесь у каждой появляются на свет два, а то и три медвежонка. Посмотри, как им все-таки тепло и уютно рядом с мамой! Тесновато, конечно, но ведь ненадолго — подрастут и выберутся на волю из-под снега...

Исследования на острове Врангеля порадовали ученых. Да и во всей Арктике белых медведей становится все больше, сейчас их уже около двадцати тысяч! А ведь в начале пятидесятых годов их оставалось всего пять тысяч... Спасти животных помогли законы, запрещающие охоту на медведей. Первым такой закон принял Советский Союз, затем Норвегия, Канада, Гренландия...

Но пока этот зверь — один из красивейших на планете — находится в списках Красной книги, и ему обеспечивается строгая охрана.

Фотографии С. БЕЛИКОВА.

Киты, корабли и острова

А этот удивительный рисунок сделан давно, триста лет назад. В те времена рыбаки часто видели китов во время своих плаваний, но что они знали тогда об этих животных? Так рождались легенды и предания. Вот одна из легенд.

Высматривая землю на горизонте, моряки будто бы не раз принимали за остров спящего кита. Бросали якорь, высаживались на китовую спину и даже разводили костер, чтобы приготовить ужин. Тут-то кит и просыпался... Этот драматический момент легенды изображен на старинной гравюре.

Отдел ведет
А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант
доктор биологических наук,
профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

Что за чудище?

Везде, где обитают эти многоногие существа — в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму,— местные жители страшатся их укусов. О! Вцепится своими челюстями и... конец! Но никто еще от укуса этих страшилищ не умер да и не может умереть. При всей кровожадности облика у них нет ядовитых желез.

Кто же это на снимке? Кому угрожает это существо? И как нужно поступать, если встретишь его в природе — бежать прочь, уничтожать «чудище» или понаблюдать за его повадками?

Фотография Ю. АРАКЧЕЕВА.

Муравьи, которые все помнят

Подойдешь к муравейнику, и сначала кажется, что там полный беспорядок. Муравьи беспокойно мечутся, суетятся вокруг своего дома. На самом деле все они движутся по строго определенным путям-дорогам.

За некоторыми муравейниками ученые наблюдали подолгу: десять — тринадцать лет подряд. И оказалось, что вполне можно начертить схему муравьиных дорог и она будет неизменной все эти годы.

Что же, муравьи помнят свои дороги? Помнят! И не как-нибудь, а великолепно помнят, не забывают за зиму. Но помнят не все, а только самые старые муравьи.

Обычно они находятся на самом верху муравейника и оттуда внимательно следят за всем, что происходит вокруг. Если наклониться над куполом и сделать резкое движение рукой — в муравейнике переполох. Но заметили вас только наблюдатели, они и подняли тревогу.

Советский ученый А. А. Захаров назвал этих муравьев хранителями информации, установил, что они передают свою информацию молодым и делают это обычно весной. Становятся во главе отрядов муравьев-рабочих и водят их по окрестностям, показывают, где были дороги.

Однажды ученые выловили в разгар лета всех рабочих — одна из дорог возле муравейника опустела. И тогда муравьи-наблюдатели возглавили новые группы рабочих, показали им все, как было, и дороги ожили.

Опыт повторили в четырех муравейниках. С тем же результатом. А вот когда выловили всех наблюдателей — дороги были мертвы несколько дней. Никто не спешил на охоту, не тащил веточки и хвоинки, не волок упирающихся гусениц. Потом постепенно муравьи стали обживать территорию. Но прежних, удобных, годами проверенных маршрутов восстановить они не могли.

Триста шишек на обед

Шишки — сосновые и еловые — любимая беличья еда. Вернее, не сами шишки, а семена деревьев, спрятанные под чешуйками. Интересно, сколько же шишек надо разгрызть белке, чтобы насытиться? Оказывается, очень много: двадцать восемь еловых или... триста восемьдесят сосновых! Дело в том, что семян в сосновых шишках гораздо меньше и они не так питательны, как еловые. Да только редко белка имеет в достатке эти самые шишки — и еловые, и сосновые. В редкие урожайные на шишки годы... Чаще она перебивается всякой всячиной — то разыщет под снегом зимний склад сойки (хорошо, если повезет и склад окажется большой, а так обычно — несколько желудей). То раскопает шишку, еще осенью оброненную клестом... Ест в голодные годы и древесные почки, особенно еловые — срывает на дереве кончики веточек, почки выгрызает, а веточки бросает... Вот почему в городских парках белки охотно берут у нас орехи, семечки, другие лакомства.

Фотографии Б. МАШКОВА.

Рамуте СКУЧАЙТЕ

Я—МУЗЫКА

Узнал ли ты меня?

Вот лето:
Колокольчики цветут,
Щебечут птицы,
Пчелы мед несут.

Пурга бушует,
Снега тишина
Или капель—
Гудящая зима.

Вот осень:
Свет и ясная печаль,
И óблака
Серебряная шаль.

Все рядом тут—
Метели и цветы.
А в сердце—доброта.
Ведь знаешь ты,

Что, если будут
Правда и любовь,—
Земля кружиться
Сможет вновь и вновь,

И что тебе,
Как никогда, близка
Родная,
Материнская рука...

Все это
Сила сделала моя.
И догадался ты,
Что рядом я.

В твоей слезе,
Во сне и в смехе—я.

Я—Музыка,
Узнал ли ты меня?

Рояли

— Рояли,
Скажите, рояли,
Что делали
Ночью
Вы в зале?

Семь октав
Отвечали:

— Нам снятся концерты
Ночами!

Ночью,
Когда зал спал,
Пришел пианист
И играл!

В море
Волны взлетали,
Как скорлупку,
Лодку бросали!..

Потом,
Тишину встречая,
Улетела к берегу
Чайка...

Бесконечно
Было красиво,
Когда буря
Теряла силы.

Когда
Все октавы рояля,
Как синие волны,
Играли!

Орган

Ты слышишь? Океан грохочет!
Ты слышишь? Буря завывает,
Корабль ко дну отправить хочет,
Гнездо орлиное срывает.
Ты слышишь? Ветер одиноко
Поет ночами так тоскливо...
Вот человек идет далеко,
Дорогу трудную осилив...

Ты слышишь: в бешеную вьюгу,
Как звезды, звуки тихо пали.

...Великолепно: Баха фугу
Орган играет в гулком зале

Валторна

Вот валторна золотом пылает.
Гнома или зверя подзывает?
Косуленка робкого ма́нит,
Что прижался к ласковой маме?

Ну, а может,
С неба спуститься
Приглашает звонкую птицу,
Ту, что из гнезда полетела,
Радугой на солнце блестела?

Рог лесной
Зовет-созывает,
Заблудившихся
Поджидает!

И, услышав пение рога,
Отыскали гномы дорогу!

Челеста

Кто там крышку
Поднимает?
Нам челеста
Поиграет!
Слышал ты
Игру челесты?
Как игра ее
Прелестна!

— Где сплетал
Орешник своды,
Где пил папоротник
Воду,
Там в тени
Густой, отрадной
Был тумана
Трон прохладный —
Он сплетен
Зеленой чашей,
Бусинками разукрашен.

Днем, пока
Шумят деревья,
Там туман
На троне дремлет,
А как вечер
Наступает,
На опушку
Выплывает.
И когда он
Проплывает,
То на бусинках
Играет.

Звуки
В тишине ночной
Легкой
Падают росой!

Флейта

Флейта я,
Соловьиные трели.
Я — как скромная песня апреля.
Я пою, как тебе пела мама,
Когда спать не хотел ты упрямо.

Флейта я.
Светлый дождик в реке.
Ветерок среди роз в цветнике.
Огонек в темноте — тоже я...

Флейта я. Не забудьте меня.

Барабан

Бум!
Ударю в звонкий бок.
Не жалейте в пляске ног!
Не умеешь? Ну-ка, в круг!
Раз, два, три! — научим, друг!

Хорошо ли?

Хорошо!
Даже пол плясать пошел!
Пляшут с нами половицы —
Будем вместе веселиться!

Бум, бум, бум!

Перевела с литовского
Ирина АВЕРЬЯНОВА.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ:

- **Мы уходим, но борьба продолжается! — сказали бойцы палестинского движения Сопротивления, покидая Бейрут.**
- **Фирма, которая ничего не производит.**
- **Почему французский адмирал стал сторонником мира?**
- **Бизнес на чем угодно! — закон жизни в капиталистическом обществе.**
- **История одной фотографии.**

МЫ НЕ СЛОЖИМ ОРУЖИЯ!

Он похож на доброго деда из детских сказок. Любит угощать конфетами, которых у него всегда вдоволь. Кто теперь подумает, что какие-нибудь шесть лет назад Мохаммед Эль-аш-Шаер носил генеральский мундир, командовал грозной танковой бригадой. Сейчас он представляет в Москве Организацию освобождения Палестины (ООП).

Аш-Шаер много ездит по нашей стране, выступает на митингах, встречается с разными людьми. Его очень интересует Советский Союз.

— Я все хочу понять, — говорит аш-Шаер, — как вам удалось объединить столько разных народов в одну дружную семью? Ваш опыт будет полезен палестинскому народу.

— Но сегодня вам приходится сражаться...

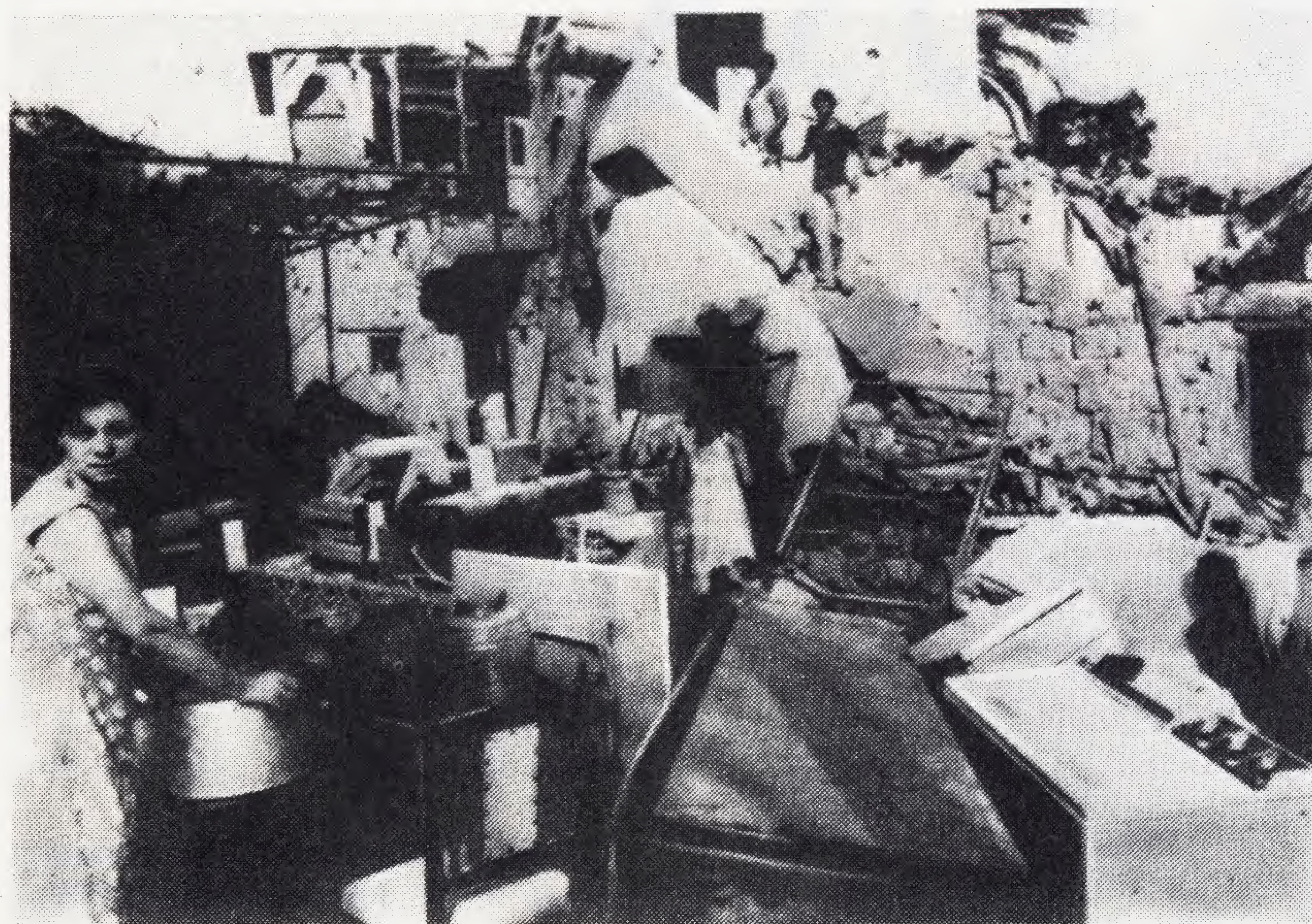
— Да, сражаться за право иметь свою родину, государство. Мы не сложим оружия до тех пор, пока израильские оккупанты не уберутся с наших земель.

— Однако правительство Бегина не хочет уступать их палестинцам. Бегин пытается доказать, что это исконно еврейские земли, и при этом ссылается на Библию...

— В той же самой Библии говорится, что израильтяне пришли в Палестину как завоеватели, отобрав ее у живших там хананеев. Бегин не подозревает, каким смешным он выглядит со своим Ветхим заветом в глазах цивилизованного человечества.

— Почему последней жертвой агрессии стал Бейрут?

— Бейрут приютил многих палестинцев, в том

числе женщин и детей. Убивая их, агрессор надеется сломить дух бойцов Организации освобождения Палестины. Во время летней осады дети и женщины гибли тысячами. Защитники Бейрута делали все, чтобы их спасти, но силы были слишком неравными.

— Руководство Организации освобождения Палестины тоже находилось в Бейруте?

— Да. Столица Ливана давно стала центром нашего движения. Здесь была штаб-квартира Организации освобождения Палестины. Здесь жили многие известные палестинские ученые, писатели, художники — гордость нашей интеллигенции. Израильская военщина хотела их тоже уничтожить. Уже многие годы израильские агенты убивают наших лучших людей из-за угла. Они буквально наводнили Бейрут, терроризируют мирных жителей, охотятся за Ясиром Арафатом и другими палестинскими лидерами.

— Может быть, есть еще причины последней войны на Ближнем Востоке?

— Да. В Тель-Авиве мечтают расколоть Ливан и в горной его части создать марионеточное государство, послушное Израилю. Израильскому премьер-министру Бегину помогают Соединенные Штаты, ведь они давно стремятся подчинить Ближний Восток своим интересам. Палестинцы же срывают эти планы, поэтому Вашингтон и Тель-Авив хотят нас уничтожить.

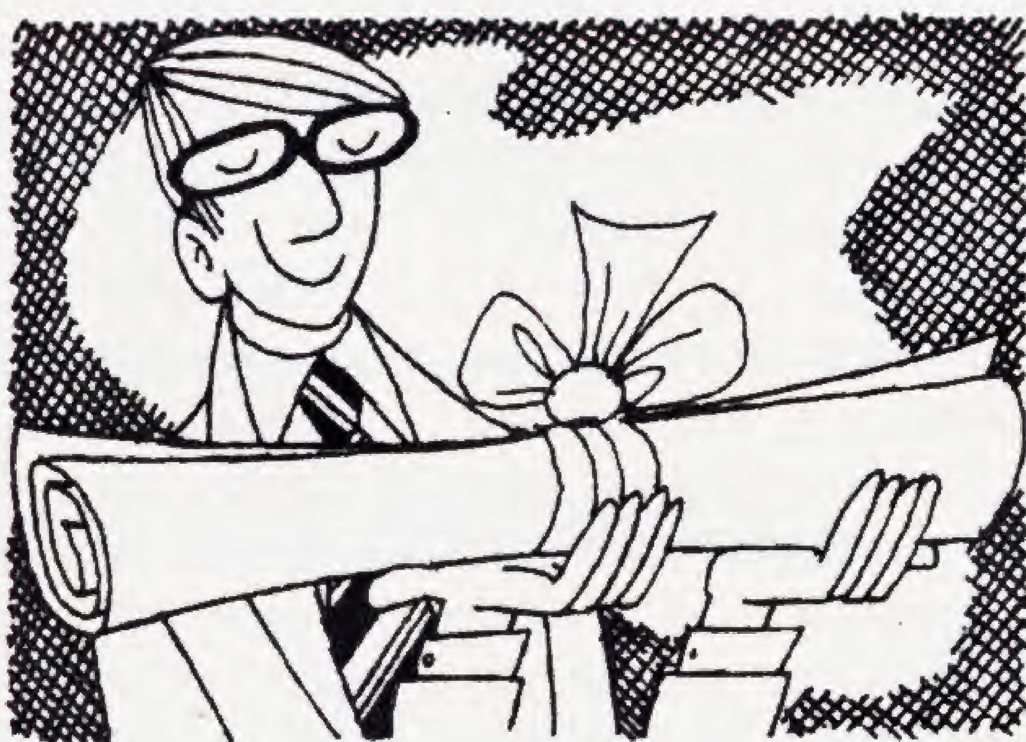
— У вас страшный и жестокий противник. Только за один день 13 августа 64 израильских бомбардировщика совершили 220 налетов на Бейрут и обрушили 44 тысячи бомб и ракет. Стотысячная армия вторжения имела 1300 танков и бронетранспортеров.

— И все-таки мы сражаемся. Мы знаем, что на нашей стороне Советский Союз и другие социалистические страны, все честные люди планеты.

«Фирма Мароши»

На двери одного из жилых домов в центре Будапешта появилась табличка: «Объединение творческой молодежи». Вы нажимаете кнопку звонка, дверь открывается, вас встречают с улыбкой и спрашивают: «Что вы изобрели?» Затем вас представляют директору. Его зовут Дьердь Мароши. У этого тридцатилетнего коренастого парня за плечами учеба в Московском институте химического машиностроения, работа на строительстве химических предприятий. Теперь он руководит учреждением, которое сам придумал и которое занимается внедрением в промышленность изобретений молодых инженеров и конструкторов.

— Допустим, вы изобрели самостирающуюся школьную доску,— говорит Мароши.— Без нашего объединения вам пришлось бы самому ходить по учреждениям и предприятиям и пытаться заинтересовать их своей новинкой. Но люди заняты, им некогда

или неохота возиться с вашим изобретением. А мы для того и существуем, чтобы «возиться». Наши эксперты определяют экономический эффект и технические достоинства вашей новинки. Затем мы находим подходящий завод-изготовитель. Если там не знают, как делать вашу доску, мы разрабатываем технологию специально для этого предприятия, сообщаем, какие нужны станки, материалы и где их достать. Мало того, мы узнаем, сколько школ могут купить ваши доски.

«Фирма Мароши», как ее теперь называют в Венгрии, организована по инициативе Центрального Комитета Венгерского Коммунистического союза молодежи. Как и в Советском Союзе, в Венгрии устраиваются выставки научно-технического творчества молодежи. Но лишь немногие изобретения молодых внедрялись в производство. Просто предприятия не хотят рисковать с изобретениями молодых. Вдруг они не оправдают затрат, не дадут прибыль? До появления «фирмы Мароши» никто не мог помочь молодому изобретателю: оплата работы экспертов стоит больших денег. Сейчас же «фирма Мароши» перекладывает эти расходы на предприятие, заинтересовавшееся изобретением.

Прошло немного времени со дня образования фирмы, но с ней уже сотрудничают многие институты и производственные объединения. Например, Центральный институт физических исследований Венгерской академии наук, который участвовал в создании двигателей для мощных советских КамАЗов.

Адмирал сражается... за мир

Французский адмирал Антуан Сангинетти выступил в газете «Монд» и рассказал, почему он присоединился к борцам против гонки вооружений.

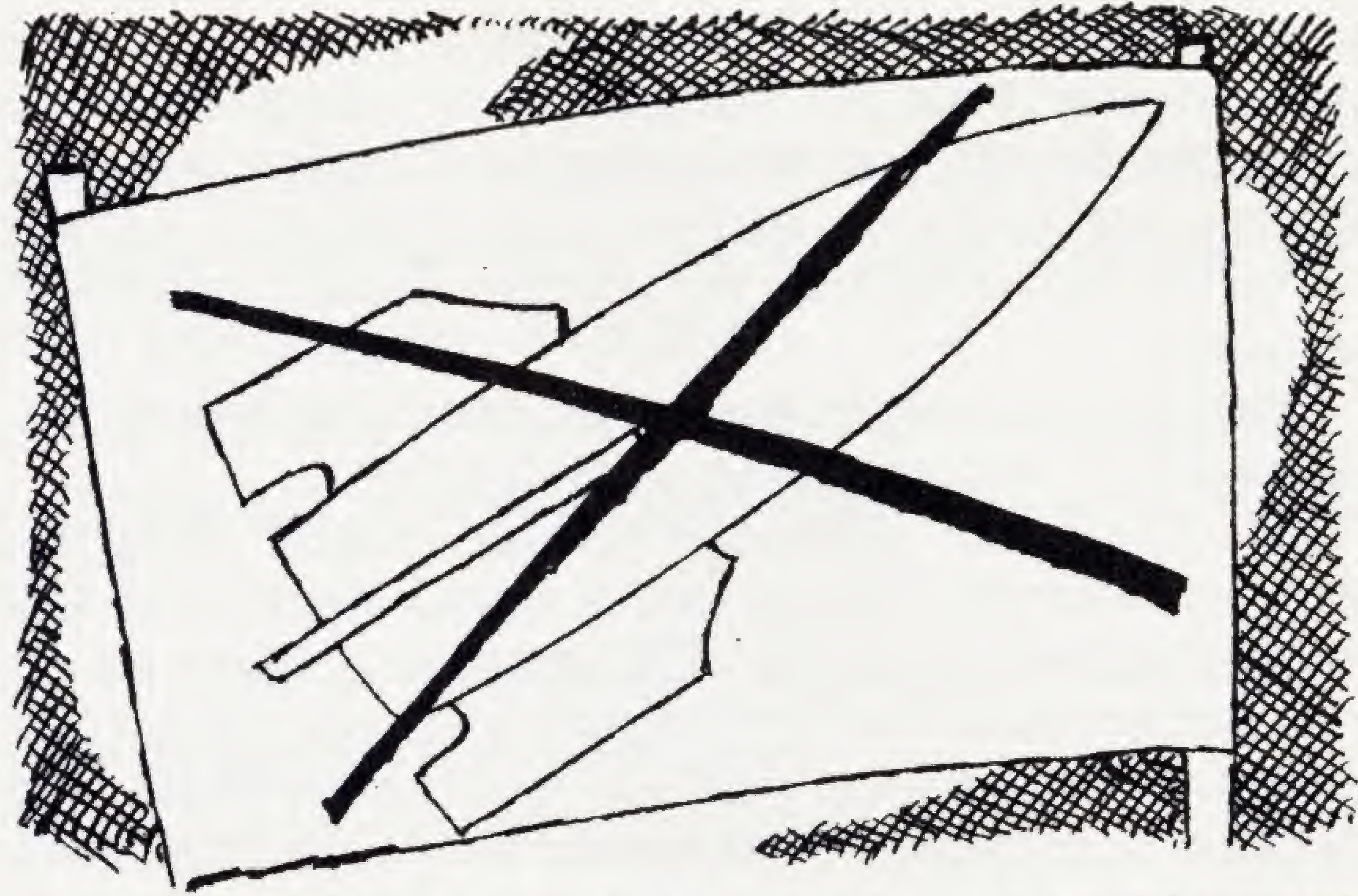
В гигантском движении против гонки вооружений участвуем и мы, генералы и адмиралы. И за это нас облили таким потоком клеветы, что молчать больше невозможно.

Об антивоенном движении говорят, что его подхлестывают коммунисты. Бесстыдная ложь! За мир борются не только коммунисты, но и социалисты, профсоюзные деятели, верующие и даже американские сенаторы и министры.

Мы служили в НАТО, некоторые из нас занимали весьма высокие посты. Профессия и опыт позволяют нам знать больше других. Если уже имеющегося оружия хватит, чтобы уничтожить жизнь на десяти таких планетах, как наша, зачем добавлять к нему новое? При

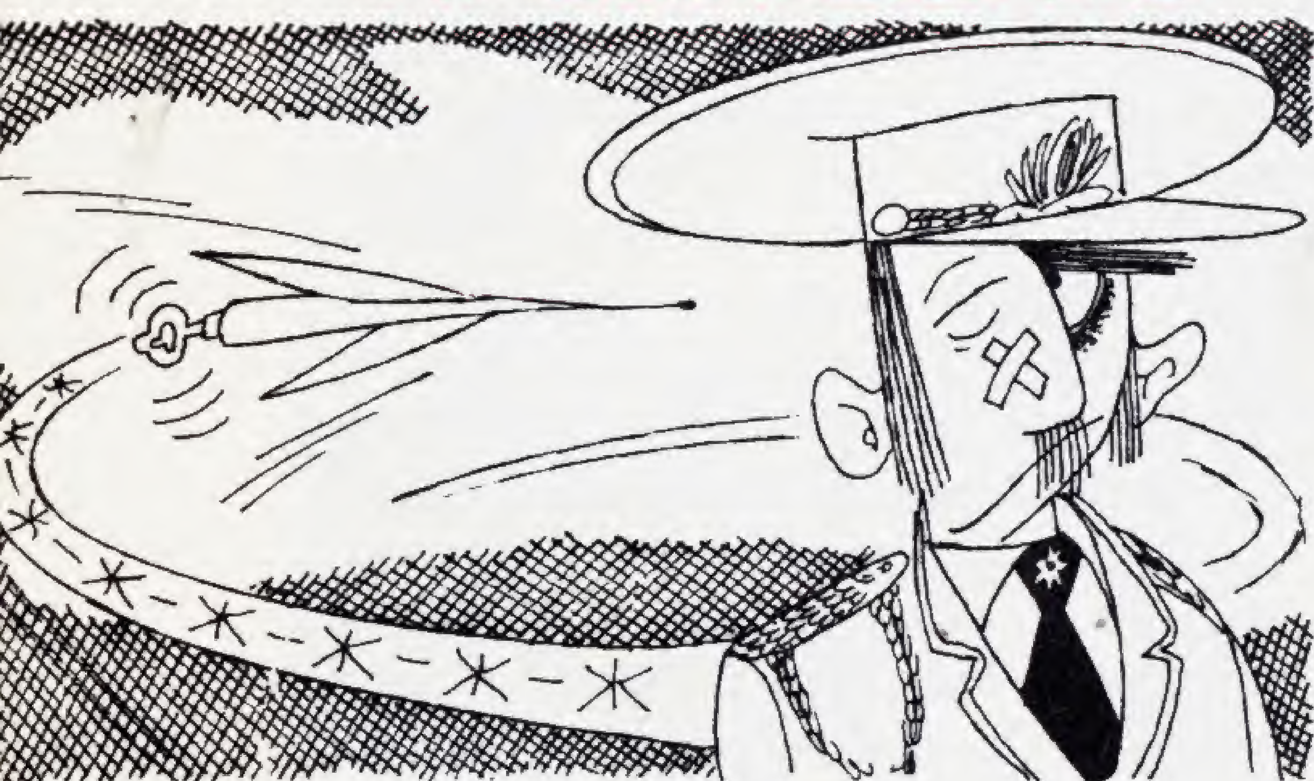
таких излишках можно немедленно приступить к сокращению вооружений. Это самая неотложная задача, потому что гигантское разбазаривание средств на военные расходы обостряет экономический кризис.

Кроме того, сам американский президент Рональд Рейган считает, что новые американские ракеты в Европе делают «возможной и даже вероятной» ядерную войну на континенте. Мы же на основе нашего опыта утверждаем, что нельзя допускать даже возможность такого конфликта. Рейган подсчитал, что в Европе погибнет «только» 100 миллионов человек, но ведь все остальные будут искалечены, облучены, обожжены, ослеплены. Они не смогут рассчитывать на помощь и лечение и будут завидовать мертвым.

Вот почему сто французских деятелей самых разных политических взглядов выступили с призывом к людям выйти на улицы и протестовать против катастрофы, в которой не будет никаких шансов на спасение. Среди этих ста был и я...

ОБИДНО ПРОИГРЫВАТЬ

Англичане обиделись на... американских фабрикантов игр. Вскоре после сражения Великобритании с Аргентиной из-за Фолклендских островов в США выпустили военную игру «Фолкленды». Опять противники могут топить корабли, сбивать самолеты... Но на этот раз побеждает не только самый сильный, но и самый сообразительный из двух игроков, и потери они несут чисто условные. В общем, игра как игра. Но ведь англичане на самом деле, а не понарошку потеряли у тех островов сотни убитых, лишились шести кораблей, 8 истребителей и 11 вертолетов. Фолкленды обошлись стране в два миллиарда долларов! А теперь еще на всех прилавках детских магазинов появится игра, напоминающая о печальных результатах политики английского правительства в Атлантике.

Английские торговцы решили не допустить такого позора и бойкотировать «Фолкленды». Но втайне многие из них досадуют, что не они придумали эту игру.

8 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ ЮНОГО ГЕРОЯ-АНТИФАШИСТА

Партизан Хозе

Фотография этого юного сальвадорского партизана обошла газеты и журналы многих стран мира. Неизвестный репортер сфотографировал мальчика после боя с карателями. Несмотря на свой юный возраст, выглядит мальчик бывалым солдатом. Посмотрите, как уверенно держит он винтовку.

Художнику Карлу Беку понравилась фотография, и он сделал из нее плакат «Солидарность с патриотами Сальвадора». В 1981 году Бек получил за свой плакат первую премию на международной выставке в ГДР.

Кто же этот мальчик, ставший символом национально-освободительного движения в Сальвадоре? Жив ли он? Долгое время его судьба оставалась неизвестной.

И вот недавно в Лейпциг приехал сальвадорский кинорежиссер Лучио Лиерас. Он и рассказал о герое плаката. Им оказался партизан Хозе. В этом году Хозе исполнилось 14 лет. Мальчик родился в провинции Морасан, в бедной крестьянской семье. Почти год Хозе храбро сражался с карателями в партизанском отряде. Сейчас мальчик жив-здоров. Командование направило его учиться в партизанскую школу в освобожденной зоне. Но учителям трудно с Хозе: он неоднократно пытался сбежать в отряд, к товарищам по борьбе. «Я не могу жить спокойно, когда каждый день от пуль сальвадорских фашистов гибнет мой народ,— сказал однажды Хозе.— Я должен сражаться, и я останусь партизаном, пока родина моя не будет свободной!»

С. РУХОВИЧ.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ОСТАЕШЬСЯ ЗА МЕНЯ

или Иван-Виллис

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

По вечерам мы с дядей Аполлоном садились в кабину, и бывший старшина 3-го Украинского фронта обучал меня премудростям шоферского дела. Но незаметно для себя он очень скоро забывал о педалях и рычагах и начинал рассказывать про военные годы. Из его рассказов получалось, что вокруг него были одни герои, сам же он был скромным водителем, и ничего более.

Помню, однажды дядя Аполлон спросил:

— Тебя отец поколачивает?

— Не-ет!

— А французский философ Монтень считал, что детей надо поколачивать. Правда, только за ложь и упрямство... Меня отец сек за каждую провинность. Он не читал Монтеня. Разумеешь?

Потом он забыл Монтеня и начинал поучать меня сам:

— Знаешь, как правильно жить? Я тебе открою секрет. Не ошибайся в выборе новых друзей и не теряй старых... И еще, Валера, запомни: человек, который изо всех сил старается прожить без врагов, в конце концов теряет друзей.

Я тогда не понимал его житейской мудрости и хлопал ушами. А он смотрел в сторону, словно совсем забыл про меня и разговаривает вслух сам с собой. И вдруг повернулся всей своей грузной фигурой, погладил ладонями кучерявый венчик волос и сказал:

— Не люблю я праздники.

Как можно не любить праздники! Я не поверил дяде Аполлону. С ним творилось что-то неладное, вот он и говорит странные вещи. И чтобы пробудить в нем бойца 3-го Украинского фронта, я воскликнул:

— Но скоро День Победы!

Дядя Аполлон уронил на грудь большую тяжелую голову, на которую не налезала ни одна каска. Положил на колени красные, натруженные руки. А маленькие глаза его заблестели, словно в них накапливались слезы.

— Я на войне всех оставил — и друзей и близких,— тихо сказал он.— Какой же это для меня праздник! И Командир все не едет.

Но Командир был уже в пути. Он возвращался в родной город. Однако случилось так, что на перроне его не встретил фронтовой товарищ Аполлон Голуб, а на вокзальной площади в тени тополей именно в этот день Иван-виллис не поджидал своего бывшего пассажира.

4

Стоял ясный майский день. Пахло горьковатой тополиной смолкой, а над озером белыми платками махали чайки. Я шел из школы, гремя неизменными сапогами, и размахивал сумкой, словно собирался закинуть ее на крышу.

В это время с дробным грохотом пролетел вертолет. Я смотрел на него не отрывая глаз, но и не сбавляя хода и чуть не сбил с ног

пожилого человека. Палка, на которую он опирался, отлетела в сторону, а сам он едва удержал равновесие, ухватившись за фонарный столб.

Я пустился было наутек, но властный голос остановил меня:

— Стой!

Голос был жестким и хрипловатым, сразу обрел надо мною власть.

— Подними палку!

Я выполнил и этот приказ и только тогда взглянул на незнакомца.

У него было смуглое, словно закоптевшее от огня лицо, военная фуражка с красным выгоревшим околышком сдвинута назад, и из-под нее небрежно вырывалась прядь сизых волос. Он крепко держался рукой за столб. В другой руке у него был небольшой чемоданчик.

Я протянул ему палку. Он в упор посмотрел на меня, резко принял палку и не произнес ни слова.

— Помочь? — спросил я, кивнув на чемодан.

Он молча протянул мне чемодан и зашагал, всем телом опираясь на палку. И я почувствовал, что идти ему больно.

— Кто такой? — вдруг спросил незнакомец.

— Елкин... Валера,— отозвался я.

— Елкин-палкин,— передразнил меня незнакомец,— бегаешь сломя голову, понимаешь! Белиберда какая-то!

— Вам далеко? — спросил я.

— Не волнуйся, отсюда три квартала.

— Я не спешу,— сказал я и снова заметил, как он поморщился от боли.

Мне стало жалко его.

— У меня есть товарищ... с машиной,— не без гордости сказал я,— может быть, сбегать?

— Что это у тебя за товарищ с машиной? — криво усмехнулся мой спутник.— Интендант какой-нибудь?

— Бывший старшина 3-го Украинского фронта!

— Вот какие у тебя друзья, понимаешь!

Была у него такая привычка: всюду вставлять слово «понимаешь».

— Как же его величают, твоего товарища?

— Голуб,— сказал я.

И тут мой спутник изменился в лице, повернулся ко мне и внимательно посмотрел в глаза.

— Голуб? Ты сказал, Голуб?!

— Голуб,— подтвердил я.

— Аполлон? — Незнакомец произнес это имя с опаской, словно боясь, что у моего друга другое имя.

— Аполлон. Вы его знаете?

— Значит, жив, бедолага! — воскликнул незнакомец.— У него своя машина, говоришь? «Победа»? «Москвич»?

— Иван-виллис.

— Ты сочиняешь, как тебя, Елкин!

В этот момент мне показалось, что я встретил Командира, но я тут же отбросил эту мысль: ведь Командир орел, ходок, а этот едва передвигает ноги.

Однако я предложил ему сбегать за дядей Аполлоном, и он согласился.

— Дуй! Буду ждать на скамейке.

Я так разволновался, что тут же сорвался с места и побежал, не выпуская из рук чемодана.

Потом мы мчались по городу, распугивая уток, и прохожие шарахались в стороны. Дядя Аполлон как был в замасленном комбинезоне, так в нем и поехал, не стал надевать пиджак с медалями.

— Нет, каждый день встречал, а тут пропустил один день, и на тебе! — сокрушался старый воин.— Говоришь, еле ноги волочит? Может быть, еще не Командир, а кто другой.

— Может быть. Но он вас знает.

— Мало ли народу меня знает. С палкой ходит. Это мой Командир-то с палкой!

Мы приехали быстро. И Иван-виллис замер перед домом, где на скамейке сидел мой случайный знакомый.

Как увидел его дядя Аполлон, выскочил из машины и замер. Некоторое время они молчали, словно не признавали друг друга. Но я заметил, что у дяди Аполлона дрожат губы.

И вдруг незнакомец заговорил:

— Ай, Голуб, ай, старшина, кумпол-то у тебя полысел изрядно!

— Так ведь годы, товарищ майор, повыщипывали... А в Будапеште идут дожди!

— Ох уж эти мне будапештские дожди! Но дороги у них хорошие, не то бы вся техника завязла!.. А «козел» твой жив? Где ты его раскопал?

— На свалке, товарищ майор.

— Ты-то как здесь очутился?

— Так ведь приехал вас навестить. Думал, поохотимся.

— Поохотимся! На моих ногах только за зайцами бегать.

Так они переговаривались. А я стоял в стороне и держал в руке командирский чемоданчик. В их беседе не было ничего торжественного, и оба держались так, словно долгие годы, прожитые в разлуке, были не в счет.

— Ноги меня замучили, Голуб,— жаловался Командир.— Как пять лет назад овдовел, так и начались мои беды. В Ленинград ездил, в Москве лежал в госпиталях. Новые ноги ставить надо. А где их возьмешь?! Нет для человека запчастей.

— Вы один живете? — спросил Голуб.

— Один. На самообслуживании,— ответил Командир.

— А у меня семейство большое. Младшему сыну восемь лет, а внуку полтора года.

— Это хорошо,— сказал Командир,— когда вокруг много родного народа, можно жить. У меня дочь на востоке. Двое внуков, и ни одного не видал. Слушай, Голуб, переезжай ко мне.

— Спасибо, товарищ майор. Я хорошо расквартирован. А то вы от моего храпа спать не сможете.

— Храп у тебя богатырский. Иерихонская труба! Ладно, поехали, раз Иван-виллис жив.

*Некоторое время они молчали,
словно не признавали друг друга.
Но я заметил, что у дяди Аполлона дрожат губы.*

С трудом, опираясь на палку, Командир встал. Дядя Аполлон помогал ему, как маленькому, а он сердился и повторял:

— Сам! Сам!..

Не хотел принимать помощи.

Он покраснел от напряжения и некоторое время стоял возле машины, двумя руками вцепившись в палку. Надо было садиться, но он не мог заставить ноги сдвинуться с места.

— Что за жизнь! Что со мной сталось? Белиберда! — сокрушался он.

Тогда дядя Аполлон подставил свое могучее плечо и обнял Командира.

— Полегоньку... Полегоньку.

И в ответ на уговоры Командир медленно сдвинулся с места и опустился на сиденье.

— Порядок в танковых частях,— произнес он и улыбнулся через силу.

Иван-виллис покатил по улице.

5

В один из весенних дней перед нашим домом появился худой незнакомый мужчина в обшарпанной кожаной куртке. У него были торчащие в стороны малиновые уши и острый, розовый, как с мороза, нос. Он все время шмыгал им, при этом подносил к собственному носу кулак.

— Этот «газон» продается? — Незнакомец бесцеремонно постучал костяшками пальцев по крылу Ивана-виллиса.

Слово «газон» резануло мой слух. Я враждебно посмотрел в его сторону и пробормотал:

— Это не газон.

— Что же это, по-твоему, «мерседес»?

— Иван-виллис.

— Иван-виллис! — усмехнулся покупатель.— Комедия.

Он шмыгнул носом и стал ходить вокруг фронтовой машины, бесцеремонно разглядывая ее, дергал за ручки.

А я, не скрывая своей неприязни, следил за малиновыми ушами, готовый в случае нужды вступиться за друга. В это мгновение я со всей ясностью ощутил, как мне дорог старенький фронтовой автомобиль. Словно мы с ним бок о бок прожили всю жизнь. И те переживания, которые выпали на его долю, были и моими переживаниями.

Когда же покупатель поднял капот и заглянул внутрь, я не выдержал, крикнул:

— Вы не знаете, что это за машина! Она была на фронте! Защищала Родину.

Но «малиновые уши» остались равнодушны к моим словам.

— Где ключи?

— Нет у меня никаких ключей! Откуда вы взяли, что машина продается? Да если дядя Аполлон узнает...

— Я пришел по объявлению. Передай хозяину, на многое пусть не рассчитывает. А сойдемся в цене — куплю!

Слова «я пришел по объявлению» насторожили меня. Я спросил:

— Какое объявление?

— Идем! — решительно сказал покупатель и, не оглядываясь, зашагал в сторону города. Стараясь не отставать, я молча семенил за потертой курткой.

Так мы дошли до перекрестка.

На глухом деревянном заборе наклеено было много бумажек. Некоторые оторвались и шуршали на ветру.

Покупатель остановился, отыскал нужную бумажку и сказал:

— Вот. Читай!

Я с опаской приблизился к объявлению и прочитал:

«Продается машина ГАЗ военного образца («козел»). Озерная улица, дом 78, квартира 3. Спросить А. Голуба».

Я долго не мог оторвать глаз от объявления.

Читая и перечитывая безжалостные слова объявления, я все пытался найти в них ошибку, другой смысл, но они были точны и непреклонны, они обжигали мое сердце. Я чувствовал, как во мне что-то рушится, ломается навсегда...

Я сорвал ненавистный листок с забора и смял его в кулаке. Но разве это могло спасти Ивана-виллиса!

Домой я вернулся поздно. Открыл дверь и в маленькой прихожей услышал шорох, свист, завывание — мой отец увлекался радиотехникой и в свободное время что-то собирал, изобретал, а то и просто чинил приемники соседям. Я незаметно проскользнул в кухню, открыл шкаф, отрезал себе кусок хлеба.

И тут из соседней комнаты донесся голос матери:

— Ты вот копаешься в своем радио, а сын у тебя учиться не хочет.

— Придет время, захочет,— ответил отец.

— Сколько ребят не хотят, а учатся, раз надо.

— Учатся, а в один прекрасный день все забывают. Пусто. Одна видимость учебы. Он у нас еще чего-то недопонимает.

— Ты объясни!

— Не могу. Не умею... Боюсь сломать в нем человека...

«Он боится сломать человека,— подумал я,— а дядя Аполлон не побоялся, сломал. Что мне теперь делать? Как спасать Ивана-виллиса?»

Мои мысли прервала мать. Она появилась на пороге кухни и, всплеснув руками, воскликнула:

— Заявился! Ты что, как бродяга, хлеб жуешь всухомятку? У тебя нет дома? Тебе мать борщ не варит?.. Уроки когда будешь учить?

— Нам не задавали,— ответил я, чтобы кончить неприятный разговор: мне было не до уроков.

И тут я встал и направился к отцу:

— У тебя есть деньги?

Он непонимающе посмотрел на меня, потом стал шарить в карманах и протянул мне несколько монеток.

— Да нет,— я покачал головой,— мне надо много денег.

— Зачем тебе... много?

— Чтобы купить Ивана-виллиса.

Отец удивленно посмотрел на меня:

— Не нужен нам Иван-виллис. Ездить нам некуда, мы автобусом обходимся. Тебе-то он на что?

Я посмотрел отцу в глаза и с болью сказал:

— В память о Великой Отечественной, разве непонятно!

Из кухни донесся голос матери:

— Иди обедать!

— Не буду! — ответил я.

Что мне оставалось делать? И тут я вспомнил о Командире.

На другой день я очутился у белого дома с зеленой крышей. Я увидел Командира в открытом окне. Он стоял неподвижно, как на картине, и рассеянно смотрел на прохожих, видимо, был сосредоточен на важной мысли. А может быть, молча переживал боль.

Я остановился в нескольких шагах, думая, что Командир не замечает меня. Но, видимо, он обладал удивительным свойством видеть, глядя в другую сторону.

— Кто такой? — неожиданно спросил он. Его голос прозвучал резко, и мне захотелось сорваться с места и убежать, но тут Командир узнал меня:

— А-а-а! Елкин! Друг Аполлона Голуба. Что тебе, Елкин?

— Он хочет продать Ивана-виллиса! — вырвалось у меня.

— Да кто же его купит, развалюху? Такого дурака не найдешь!

— Он нашел... такого дурака... с малиновыми ушами.

— И сколько ему дают «малиновые уши»? — сердито усмехнулся Командир.

— Не знаю.

— А зачем Голубу понадобились деньги?

Я пожал плечами.

— Меняются люди,— задумчиво сказал Командир.— Время все меняет. И людей тоже.

Он снова стал смотреть на прохожих, словно утратил к своему гостю всякий интерес, забыл про меня. Но потом навалился локтями на подоконник и, не глянув на меня, спросил:

— Про озеро Балатон слышал?

— Дядя Аполлон говорит — хорошее озеро.

— Да уж хорошее! — Командир резко распрямился.— Чем же оно такое хорошее? Может быть, тем, что мы чуть голову не сложили на этом Балатоне? Или тем, что гитлеровцы начали отчаянное контрнаступление и спихнули нас с рубежа? А он тебе не говорил, что «стоял ясный солнечный день»?

— Говорил,— признался я.

— Так никакого солнечного дня не было! Заруби это себе на носу.— Командир нахмурился, словно собирался захлопнуть окно и уйти. Но вдруг начал рассказывать: — Стоял пасмурный, серый день. Шел холодный дождь. Мы с Голубом возвращались из штаба дивизии в полк. И вдруг я вижу, наперерез нам движутся фашистские танки...

Командир с трудом сел на край подоконника.

— Что делать, спрашивается? Я ругаю немцев. Ругаю нашу разведку. Ругаю самого себя... за потерю бдительности. А старшина Голуб говорит: «Может быть, прорвемся, товарищ майор? Нам бы только до мостика добраться». Каков, а? До мостика!.. Но все дело в том, что за годы войны он, хитрец, научился читать мои мысли, знал мой характер. Я только махнул рукой, а твой дядя Аполлон уже дал полный газ. Не подкачай, Иван-виллис!

Командир замолчал, вспоминая подробности того страшного дня. А мне не терпелось узнать конец этой истории, словно от ее исхода зависела сегодняшняя судьба Ивана-виллиса! Я умоляюще посмотрел на рассказчика:

— Что же дальше?

Командир сверкнул глазами:

— Дальше... Дальше... Страшная это была гонка,— вдруг сказал он.— Даже когда вспоминаю — мороз по коже проходит. Мы мчимся с бешеной скоростью, а фашистские танки уже заметили нас и тоже прибавили ходу... Не стреляли. Хотели захватить живьем. А впереди спасительный мост. Красивый был мост, ферма выгнута, как арфа. Вот Голуб и решил сыграть на этой арфе. Арфист, понимаешь! — Тут Командир снова сделал паузу, и на его лице появилась слабая, но, несомненно, торжествующая улыбка.— И сыграл-таки! — воскликнул он.— Мы метрах в двадцати от переднего танка проскочили, а тут уже и мост рядом. Фашисты открыли огонь. Поздно! Не подвел нас Иван-виллис. Вот, стою перед тобой. Жив! Правда, не в лучшей форме...

Командир замолчал. Напрасно я ждал, когда он скажет свое веское слово по поводу продажи Ивана-виллиса. Он так ничего и не сказал. Только буркнул:

— Машина принадлежит Голубу. Он хозяин-барин. Пусть решает по своей совести. Слушай, Елкин, у меня папиросы кончились, сгоняй за «Беломором».

— Но ведь завтра придет покупатель,— упавшим голосом произнес я и побежал за папиросами.

А на обратном пути с пачкой «Беломора» в руке я чуть не сбил с ног Жанну Сергеевну.

— Елкин? Ну-ка, стой! Так ты еще и куришь? — Учительница сокрушенно покачала головой. Большие очки смешно съехали на кончик ее маленького носа.

— Я не себе... я не сам... Там Командир ждет! — торопливо пояснил я.

— Командир? Кто это у вас в командирах ходит? Седов, что ли, из восьмого «б»?

— Он не из класса. Он с войны... настоящий,— пробормотал я.— Это про него в сочинении...

— Твое сочинение я прочитала. Когда стараешься, ты можешь. Хорошо написал. Только ошибки! Ошибки тебе, Елкин, всю жизнь портят,— сказала Жанна Сергеевна и поправила очки.— Интересные проблески у тебя появляются, а ведь ждешь от тебя только плохого.

— Они все изменили Ивану-виллису,— с горечью сказал я.— Но я не отдам его «малиновым ушам». Ни за что не отдам!

И вдруг я сорвался и побежал.

— Загадочная ты личность! — вслед мне крикнула учительница.

Я бежал до тех пор, пока передо мной не вырос Иван-виллис.

Когда я бросил сумку на заднее сиденье, то еще не знал, что буду делать дальше. Я зашагал в сторону озера. На отлогом спуске стояли большие старые вязы, а все пространство между ними поросло буйными кустами ежевики. Некоторое время я задумчиво смотрел на озеро. И тут неожиданно у меня родилось решение. Ежевика! Заросли ежевики! Я быстро зашагал к машине.

Скрипнули пружины — я забрался на переднее сиденье. Положил руки на тонкую баранку руля. Нажал на педаль газа и запустил стартер. Машина вздрогнула. Затряслась. Двигатель заработал.

«Левой ногой выжимаем сцепление,— как урок, про себя повторял я и изо всех сил давил на педаль.— Включаем первую передачу...» И дальше все происходило по шоферской науке: я дал газку и стал плавно отпускать педаль сцепления, но плавно у меня не получилось — машина сорвалась с места и рывками двинулась в сторону озера. Так Иван-виллис добрался до спуска. И вдруг — вышел из повиновения и устремился вниз.

Стоял ясный, солнечный день. Вздрагивая и переваливаясь с боку на бок, Иван-виллис скачками мчался по склону к озеру. Трещали кусты ежевики, из-под колес вылетали комья земли, колдобины резко подбрасывали машину, и уже никакая сила не могла остановить старый автомобиль. Он летел вперед, набирая скорость. Я же изо всех сил вцепился в баранку, но не мог управлять этим безрассудным бегом, а только держался, чтобы не выпасть. Свистел ветер, мелькали деревья. И вдруг движение резко оборвалось. Послышался треск, скрежет. Зазвенели разбитые стекла.

Сперва я почувствовал толчок и резкую боль. Потом почувствовал, что уже не еду, а лечу. Лечу и одновременно слышу страшный грохот... Мне казалось, что я летел очень долго. Даже когда я очутился на траве, полет мой продолжался. Голова гудела. Земля вращалась как карусель. Ветер звенел в ушах.

Я открыл глаза. Иван-виллис стоял метрах в пятидесяти от меня, уткнувшись носом в дерево. Одно крыло болталось, издавая жалкий скрежет. Одной фары не было вовсе. Из расплющенного радиатора текла струйка воды. Правое колесо было как бы вывихнуто и почти плашмя лежало на земле. Я понял — фронтовой автомобиль погиб. И причина его гибели — я сам. Кровь текла по лицу, тупо болела рука, я был ранен, но жив, а он повис над обрывом, разбитый, исковерканный, неживой.

Через некоторое время я предпринял попытку встать. И встал. Одной рукой ухватившись за дерево. Другая рука висела безжизненно. Я поднял глаза и увидел наверху, на краю спуска много людей. Они о чем-то кричали, рассуждали. Их фигуры расплывались в тумане. А голосов я не слышал: был оглушен падением.

На краю обрыва появилась «Скорая помощь», два человека в белом с носилками торопливо спускались ко мне.

6

Моя больничная койка стояла у окна, и я целыми днями смотрел на озеро. В пасмурные дни наше озеро темнело и уже не отражало все краски жизни. Вода становилась тяжелой, неподвижной, когда же шли дожди, озеро заполнялось множеством вращающихся кружочков и оживало.

А далекие синие горы вдруг покрылись ослепительно белым снегом. И мне казалось, что там, минуя лето, осень, наступила иная жизнь с метелями, со скрипом лыж, с лиловыми столбами дымов. И в один прекрасный день белая лавина покатит оттуда на наш город и засыплет снегом Иван-виллис, который стоит на спуске к озеру, беспомощно упершись в дерево...

Когда мысленно я возвращаюсь в то далекое время, то ясно представляю свои страдания. Но страдал я не от ушибленной руки и не от горящей ссадины на голове,— я не мог примириться с тем, что дядя Аполлон изменил своему старому фронтовому автомобилю, решил продать его, как продают шкаф, стол и прочую белиберду. А я хотел спасти Ивана-виллиса, и вот спас... По пути в больницу отец сказал: «Ты не волнуйся, мы с этим Голубом рассчитаемся. Продадим «хельгу», у матери брошка осталась от бабушки... Главное, что ты жив остался...» Но слова отца не приносили мне облегчения.

И вот однажды дверь в палату отворилась, и на пороге появился дядя Аполлон. На его могучие плечи был накинут белый халат, он был мал и не мог скрыть черный парадный костюм с кругляшами медалей.

— Валера! — тихо позвал дядя Аполлон.

Я сделал вид, что не слышу голоса незваного гостя.

— Спишь, Валера?

Я нехотя повернул голову к дверям.

Дядя Аполлон медленно двинулся к моей койке.

— Здравствуй... Вот я тебе яблочек раздобыл... Как ты?

Обида с новой силой обожгла меня. И я вдруг быстро заговорил:

— Отец отдаст деньги... Мы с ним все обговорили... Продадим кое-что... «Хельга» немецкая... недавно куплена.

— Да подожди ты! — перебил меня дядя Аполлон.— Разве в этом дело?

— Как не в этом! «Продается автомобиль военного времени...» — я напомнил ему об объявлении.

— Да, было объявление,— твердо сказал гость.— Хотел продать. А ты знаешь, для чего?

— Не имеет значения! — устало сказал я и отвернулся.

И тут дядя Аполлон взорвался:

— Нет, ты должен знать, для чего я хотел продать свой фронтовой автомобиль!

Эти слова дядя Аполлон произнес так громко, что мой сосед по койке вздрогнул и проснулся. Но дядя Аполлон не обратил на него внимания.

— Ты думаешь, я так просто решил продать его? Он мне вот так дорог! — Старый солдат ударил себя кулаком в грудь.— Но есть нечто... Нечто! — Он сделал ударение на слове «нечто».— Что еще дороже.

— Что же дороже? — с вызовом спросил я и приподнялся на локте.

— Командир,— выдохнул дядя Аполлон.— Ты видел, как он страдает? Сердце кровью обливается.

— У нас в городе две больницы...

— Две больницы! Он много лет таскается по этим больницам. Не помогает. Разуверился.— Тут глаза гостя сделались лукавыми, и он тихо, словно доверяя тайну, сказал: — Но есть в Сибири один доктор. Он помогает... в таких случаях. Может быть, он согласится приехать к Командиру. Я съезжу. Но для этого нужны деньги. Много денег. Разве я бы расстался с Иваном-виллисом, если бы не Командир?

Дядя Аполлон сел рядом со мной, и койка заскрипела под тяжестью моего друга.

— Как ты думаешь, могу я бросить в беде Командира?

— Он уже не Командир.

— Командир — на всю жизнь Командир,— ответил старый вояка и провел рукой по своей большой голове.

Мне вдруг стало жалко дядю Аполлона, и я сказал:

— Но кроме вас, целый полк.

Я открыл глаза. Иван-виллис стоял метрах в пятидесяти от меня, уткнувшись носом в дерево.

— Где он, полк? Одна рота, может, от полка осталась... и та неполная.

Дяде Аполлону не сиделось на месте, и он снова зашагал по палате. Мой сосед следил за ним круглыми, ничего не понимающими глазами.

— Я так никогда не рассуждал,— сказал мой нежданный гость,— и тебе не советую. Так белиберда всякая рассуждает — на других надеется. А за Ивана-виллиса тебе спасибо!

— Как... спасибо? — От удивления я даже сел, морщась от боли.

— За то, что вступился за него... по-фронтовому. И пострадал. Вот лежишь раненый.

Мне всегда казалось, что моя жизнь мало чего стоит и нет в ней ничего значительного. Но в эту минуту во мне что-то изменилось. Я почувствовал, как взрослею.

Дверь отворилась. В палату заглянула сестра.

— Кто из вас Елкин?

— Я — Елкин.

— Давай на рентген. Ходить можешь?

— Могу! — Я торопливо встал на ноги.

Сестра испытующе посмотрела на дядю Аполлона.

— Вот дед тебе поможет.

Дядя Аполлон и я переглянулись.

В темноте рентгеновского кабинета люди кажутся призраками. Темно, только светится квадрат экрана, как окно в тайну человеческого организма.

— Теперь повернись боком. Вот так,— звучал властный голос врача.— Разогни руки. Вот так... так...

— Больно,— вскрикнул я.

— Больно,— подтвердил врач.— Не было бы больно, не лежал бы в больнице. Главное, что кость цела. Органических изменений нет.

— Дело молодое! — прозвучал из темноты голос дяди Аполлона.

— Говорят, ты машину чужую угнал и врезался в дерево? — спросил доктор.

И тут в темноте снова зазвучал голос дяди Аполлона:

— А вам в окошечко не видно, как все было на самом деле?

— В это окошечко только кости видны.

— Жаль! Душа человека не в костях! А ваш пациент, можно сказать, пострадал за большое дело, спасал боевую технику от позора... И без всякого рентгена разглядел то, что мы, старики, не увидели... Ну-ка, Валера, повернись к нам лицом.

Я послушно повернулся.

— Видите, доктор, сердце бьется.

— В области сердца у него все в порядке,— сказал врач.

— И я так считаю,— воскликнул дядя Аполлон.— А это немаловажно!.. Может быть, отпустите парня домой, раз кость цела?

И я остро почувствовал, как соскучился по отцу, по маме, по нашему старому дому на краю улицы.

— А ведь сегодня День Победы,— сказал дядя Аполлон, когда мы медленно спускались с больничного крыльца.

Город был украшен флагами, и по радио звучали старые фронтовые песни. Народу было много. На пиджаках у ветеранов поблескивали ордена и ровные кружочки медалей. Фронтовики улыбались и, приветствуя друг друга, подносили руку к виску, словно на них были не соломенные шляпы и кепки, а старые, выгоревшие на солнце пилотки.

Мы с дядей Аполлоном шли не спеша. На пиджаке у бывшего старшины 3-го Украинского фронта позвякивали медали. Я же казался раненым — голова была забинтована, а рука держалась на повязке.

— Когда выходишь из госпиталя,— сказал дядя Аполлон,— кажется, что заново родился.

Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Вроде бы ты — другой человек. И мысли у тебя другие, и жизнь воспринимаешь иначе. Что ты сейчас чувствуешь?

— Рука болит,— признался я.— Ну еще кажется, что давно-давно не был в городе. Уезжал куда-то и вот вернулся...— И вдруг я остановился, испытующе посмотрел на друга и спросил:— Командир знает?

Дядя Аполлон покачал головой.

— Он не спрашивал... Может быть, вообще не спросит. А я через недельку домой поеду. Пора и честь знать.

— О деньгах ты не думай,— вдруг снова заговорил дядя Аполлон,— деньги — это труха, бумажки. Символы, я бы сказал. Главное богатство вот здесь. — Он постучал себя кулаком в грудь.— То, что ты сделал, дороже всех денег.

— А как же спасать Командира? — осторожно спросил я.

— Будем думать, на то и голова дана.

— Кумпол?

Мы улыбнулись друг другу.

Так за разговорами мы поравнялись с нашим домом. От ходьбы дядя Аполлон раскраснелся, в его глазах появилось так много озорства и лукавства, что он сразу помолодел лет на двадцать. Он загадочно смотрел на озеро и мычал под нос мотив своей любимой песни про медаль за город Будапешт.

Я тихо отворил дверь и остановился в темной прихожей. Я вдыхал запах родного дома, а из комнаты доносились привычные звуки радионастройки: треск, свист, обрывки музыки и речи. Я тихо заглянул в комнату. Отец сидел, сгорбившись над столом, и что-то паял. Мать стояла на подоконнике — мыла окно.

Она первая заметила мое появление.

— Валера! — Ее рука с тряпкой застыла на стекле как приклеенная.— Сбежал?

— Отпустили,— ответил я.

Тут от приемника оторвался отец и посмотрел на меня через плечо.

— Жив? — Он подмигнул мне и отодвинул стул.

— Да не могли его отпустить! Горе ты мое! — запричитала мать.— Я вчера с Павлом Ефимовичем говорила...

— Делали рентген,— сказал я.— Органических изменений нет.

— А кость?

— Цела!

У матери был такой вид, словно мое появление не радовало ее.

— Опять пропустил учебу...

— Мама, сегодня праздник! — неожиданно вспомнил я.— День Победы.

— У тебя всегда праздник.— Она провела тряпкой по затуманенному мелом стеклу.

— Совершенно верно! Сегодня День Победы! — воскликнул отец.— Живешь на окраине, праздника не чувствуешь. Заканчивай дела! Накрывай на стол!

Он тут же принялся настраивать приемник. И на всю комнату, на весь дом зазвучала фронтовая песня «Землянка».

— Мама, давай пригласим дядю Аполлона? — предложил я.

— Да ни за что! Из-за него все наши беды.

— Какие беды! — перебил ее отец.— Сын, можно сказать, здоров. Мы с тобой тоже в порядке...

— Он нас теперь по миру пустит!

— Не пустит,— сказал я.— Ему ничего не надо. А деньги ему, знаете, зачем нужны были? Чтобы привезти доктора Командиру. Надо спасать человека!

— Мы-то здесь при чем?— сказала мать.

— Когда надо спасать человека, все при чем! И мы с тобой, Вера Федоровна,— сказал отец.

— Не отдам нашу «хельгу»! — крикнула мать.— С вас станется! А «хельгу» я не отдам!

Отец отчужденно посмотрел в сторону матери, махнул рукой и отвернулся.

— Зови старшину! — распорядился он.

7

Было уже темно, когда я отправился к дяде Аполлону.

Тихо постучал. Никто не отозвался. Толкнул дверь — она оказалась незапертой.

Я застал своего друга на кухне. Дядя Аполлон стоял у большого оцинкованного корыта. На нем был цветастый фартук Макавеехи. А черный пиджак с орденом и медалями сиротливо висел на спинке стула.

Лицо бывшего старшины 3-го Украинского фронта было красным, волосы слиплись, на лысине поблескивали бисеринки пота. Большие сильные руки по локоть покрыла мыльная пена. Он стирал, широко и яростно двигая руками, словно вместо мыла держал рубанок и снимал стружку.

— Дядя Аполлон!

Он обернулся, вернее, через плечо посмотрел на меня, кивнул и продолжал свое занятие.

А я терпеливо стоял и наблюдал за своим другом.

— Ты чего, Валера? — наконец спросил дядя Аполлон.

— Приглашаем вас на ужин, посвященный... — Я начал торжественно и официально, но дядя Аполлон перебил меня:

— В другой раз. Я гостя жду... Вот заканчиваю.

Надо было уходить, а я все медлил — меня мучил один нерешенный вопрос:

— Что же будет с Иваном-виллисом?

— Не думай о нем. Ты и так пострадал.

— Лучше бы я разбился... насмерть! — в сердцах выкрикнул я.

— Глупости! — Дядя Аполлон энергично махнул рукой, и на пол плюхнулись клочья мыльной пены. — Ты хотел спасти его от позора.

Дядя Аполлон мотнул большой головой и перенесся в далекие годы, благо они всегда были близко:

— За несколько дней до Победы ему тоже досталось. Рядом легли две мины. Тут судьба надолго разметала всех троих. Я очутился в одном госпитале, Командир — в другом, Иван-виллис — на ремзаводе. Потом я долго разыскивал Командира. А Иван-виллис сам нашелся.

Дядя Аполлон через силу улыбнулся.

— Что же делать с врачом из Сибири? — озабоченно спросил я.

— Будет врач! — Дядя Аполлон стряхнул с руки пену. — Должна же быть справедливость.

— Я буду вам помогать!

Моя готовность тронула дядю Аполлона, и он заговорил очень доверительно:

— Командир с больными ногами беспомощен, как ребенок. Я за него в ответе перед всем полком. Перед теми, кто жив и кого уже нет.

Он наклонился над корытом и с яростью принялся тереть белье, словно оно было виновато во всех житейских бедах.

И вдруг дверь распахнулась, и порог кухни переступил Командир.

Он был бледен, тяжело дышал, фуражка сдвинулась на затылок. Двумя руками он опирался на палку. Его слегка покачивало от усталости. Сизые волосы беспорядочно налезали на глаза. У рта запали две глубокие складки. Чувствовалось, что он страдает.

Я первым заметил гостя:

— Здравствуйте! Поздравляю вас с праздником...

Командир не ответил на мое приветствие.

А дядя Аполлон оторвался от своего занятия и, вытирая о макавеевский фартук руки, шагнул навстречу гостю.

И тут Командир бросил на него насмешливый взгляд:

— Где же твоя добрая хозяйка?

Дядя Аполлон виновато посмотрел на Командира, подставил ему стул.

— В отъезде, — робко сказал он, торопливо снимая хозяйкин фартук.

— В отъезде? — не поверил ему гость. Он сделал несколько тяжелых шагов и буквально повалился на стул. — Я вижу, как она в отъезде. Сам стираешь?

Он спросил так строго, что уже невозможно было солгать, и дядя Аполлон признался:

— Себе стираю... и вам... за компанию... Мне ничего не стоит.

Но Командир уже не слушал его. Он очень устал и был расстроен. Голос его гремел на всю кухню:

— Послушай, Голуб! Наш полк фашисты не смогли разбить, а время многих бойцов уложило. Остались на виду только мы с тобой да Иван-виллис, — тут он усмехнулся, — наша единственная боевая матчасть.

Дядя Аполлон слушал, уронив на грудь свой могучий кумпол, на который не лезла ни одна каска. Он-то знал, что и последняя боевая матчасть разбита. И, не глядя в глаза гостю, сказал:

— Я говорил вам про сибирского доктора, который творит чудеса...

— Брось, Голуб. — Командир замотал головой. — Не верю я в чудеса. Что, мне твой доктор новые ноги поставит? Не поставит! А со старыми уже сам бог ничего не сможет сделать...

Последние слова он произнес тихо, весь его запал кончился, силы иссякли.

Долгое время дядя Аполлон и гость сидели молча, обо всем они договорились, все поняли, но я-то знал, что самое страшное еще не сказано, и ерзал на стуле.

И тут Командир заметил, что голова у меня забинтована, а рука на повязке.

— Это что значит... Елкин? Ты как участник войны.

— Вот именно, участник, — буркнул дядя Аполлон. — Участник.

— Я в детские годы тоже весь в синяках ходил, — усмехнулся Командир. — Мне однажды чуть глаз не выбили. Один дружок из лука стрелял... До сих пор отметина.

И он потрогал пальцами угол левого глаза.

— Я сейчас поставлю чайник, — предложил дядя Аполлон.

— Какой там чай! — Не хотел Командир чая. — Заводи своего «козла», отвезешь меня домой.

Он по привычке говорил с дядей Аполлоном командирским тоном, хотя время давно уравняло их, присвоило им одно общее звание — пенсионеры. Но отголосок прошлого

был жив и одинаково дорог бывшему майору и бывшему старшине.

— Опять не в порядке? Не заводится? — допытывался гость, видя, что хозяин не спешит выполнить приказ. И вдруг в упор спросил:

— Продал?!

Дядя Аполлон поднял голову и маленькими прищуренными глазами посмотрел на Командира.

— Разбился Иван-виллис, товарищ майор. Так разбился, что и костей не соберешь.

И дядя Аполлон махнул своей тяжелой рукой. Командир молчал, словно смысл сказанного не сразу дошел до него, а потом вдруг энергично потер лоб ладонью, надвинул фуражку на глаза и то ли поморщился, то ли улыбнулся.

— Вот это я понимаю! — воскликнул он.— Не сгнил на свалке, а разбился! В который раз уже разбился! А, старшина?

Командир не расстроился, а, напротив, повеселел, и вместе с тем смех его был необычный, такой, какой легко может сорваться на слезы. Но никаких слез не было.

— Можешь не докладывать подробности,— сказал он.— Со всеми случается. На то и машина, чтобы рано или поздно разбить ее. Помнишь, как такие «иваны» порой кувыркались у нас на войне?

И тут догадка мелькнула в сознании Командира, и он резко повернулся ко мне.

— Ты? — Он ткнул меня пальцем в грудь.

Я опустил голову.

— От «малиновых ушей» спасал? Так! Значит, спас от позора родную нашу колымагу! А, Елкин?!

Он одобрительно похлопал меня по плечу. И глаза его довольно заблестели.

— Я того доктора все равно привезу,— упрямо произнес дядя Аполлон.

— Привези, привези! — поддразнивая его, сказал Командир.

Не знаю, какое тревожное предчувствие подняло меня на другой день вечером с дивана. Я торопливо натянул отцовские сапоги, которые Жанна Сергеевна называла бахилами, надел куртку, поднял воротник и вышел из дома. Накрапывал дождь. Ноги скользили по мокрой траве. Ветки ежевики проводили по лицу, вызывая знобящий холодок. Дорога становилась все круче — я спускался к озеру.

Я шел к разбитой машине и не находил ее. Вот знакомое дерево с ободранной корой, сломанные кусты, битое стекло в траве. Все это произошло здесь. Но где же Иван-виллис?! Может быть, его снесло вниз? Я заметался, раздвигая густые ветки ежевики, весь промок, измазал сапоги грязью. Ушибленная рука заныла. Машины нигде не было.

Кому она понадобилась? Кто похитил ее, разбитую и уже ни на что не годную? С этими мыслями я вернулся к дому, и тут мне встретился управдом.

— Увезли твоего Ивана,— сказал он, не глядя мне в глаза, и было непонятно, радуется он или тоже опечален.

— Кто?!

— Ребята какие-то. Они лом собирают.

— Лом! — с болью повторил я.

Когда теперь, много лет спустя, я вспоминаю тот дождливый вечер, у меня начинает щемить сердце. Все отказались от старой машины — всему приходит конец, рассуждали они. И только я был полон решимости постоять за Ивана-виллиса. Словно привязанность старых солдат к своей боевой машине влилась в меня и ожила с новой силой. Я решил действовать. Ведь я человек, а не белиберда!

Уже издалека я увидел толпу ребят, которая с гиком и криками медленно двигалась по дороге. Только поравнявшись с ними, я увидел Ивана-виллиса. Он с трудом передвигался на трех уцелевших колесах, оторванное крыло с грохотом билось по камням, а разбитая фара холодно мерцала, отражая свет фонарей. Мне показалось, что каждый шаг стоит ему мучений. «Давай! Давай!» Ребята подбадривали друг друга, а мне казалось, что они безжалостно торопят раненый автомобиль, которому и без того тяжко.

Так Иван-виллис очутился на школьном дворе, где уже высилась гора железного лома.

И тут я не выдержал — бросился к старой машине, растолкал ребят и проскользнул в кабину.

— Не отдам!

— Мотай отсюда! — крикнул кто-то.— Это наш лом!

— Его нельзя на лом! — закричал я, вцепившись руками в баранку.— Он освобождал Будапешт... участвовал в Балатонской операции.

Кто-то больно ударил меня по шее, кто-то схватил за больную руку, но я не отступил, я крикнул:

— Он должен жить... Иван-виллис!

— Зачем?!

— В память о Великой Отечественной!

Несколько рук потянулось ко мне. Но оторвать меня от баранки было нелегким делом. Меня тащили, били. Мне казалось, что бьют нас обоих — меня и Ивана-виллиса — одновременно, но я терпел, потому что боль несправедливости бывает сильнее ударов.

И вдруг сквозь крики и гул я услышал знакомый голос:

— Значит, на свалку?

Я поднял голову — это была Жанна Сергеевна. Большие очки воинственно сверкали на ее маленьком носу.

— Правильно! — сказала она.— Давайте все на свалку: старые пушки, танки, машины, которые защищали Родину! И с чем мы останемся, если все побросаем и растопчем?!

Я почувствовал, что руки, которые держали меня за плечи и за ворот, разжимаются, и ребята неуверенно отступают от раненой машины.

Стало совсем тихо. И тогда я сказал:

— Понимаете, полк разбило время. Оста-

лись только Командир, дядя Аполлон и Иван-виллис. За них некому заступиться... Только мы.

— Тебе здорово досталось,— тихо сказала Жанна Сергеевна.— Тебе всегда будет доставаться, Елкин. Будь готов к этому. Но в конце концов ты победишь. А с Иваном-виллисом будет все в порядке. Мы поставим его перед школой навечно. В память о Великой Отечественной.

Ребята постепенно разошлись, и мы остались вдвоем. Неожиданно я почувствовал необъяснимо теплое чувство к этой маленькой строгой женщине, я готов был выполнить любую ее просьбу. Но она ничего не попросила. Тогда я сказал:

— Жанна Сергеевна, хотите, я научу вас свистеть без пальцев, как свистят фронтовые разведчики?

— Ты-то откуда знаешь, как они свистели, Елкин?

— Этот секрет мне подарил дядя Аполлон, а я подарю вам, хотите?

— Хочу! — ответила учительница, и глаза ее весело заблестели.

Я недолюбливаю вокзалы — они виновники разлук. Как часто на их мокрых, продутых сквозняками платформах люди расстаются навсегда.

Дядя Аполлон уезжал из нашего города на другой день после того, как решилась судьба Ивана-виллиса. Мы вдвоем тащили до вокзала его старый, потертый чемодан. Чемодан был полупустой и, когда мы надавливали на него с двух сторон, вздыхал тяжело, как кузнечные мехи.

— Был бы у нас Иван-виллис, не пришлось бы тащиться через весь город,— добродушно ворчал дядя Аполлон: приехал на собственной машине, а уезжал на поезде.

На вокзале к нам присоединился Командир. Так мы и стояли втроем, молча поджидая поезда.

И надо же было такому случиться — на платформе вокзала вдруг появился управдом. Я узнал его по волчьей походке и подумал, что он забрел сюда случайно, но он направлялся прямо к нам.

— Здравствуйте! — произнес он глухим голосом.

— Здравствуй,— сухо ответил Командир.

— Это наш управдом,— пояснил я, чтобы сгладить неловкость от неожиданной встречи.

— Интендант? — спросил Командир.

— Никак нет,— возразил управдом,— санинструктор штурмового батальона.

— Ишь ты! — отозвался Командир.— И живой?

— Живой, товарищ майор.

Управдом поднял голову, и я впервые уви-

— Ну, прощай, Голуб! — сказал Командир.— Когда еще увидимся!

дел его глаза — маленькие, темные, йодистого цвета.

— Я собственно, к вам, товарищ майор,— продолжал он,— слышал, у вас с ногами не ладится?

— Ну?! — Командир сдвинул на затылок фуражку и вызывающе посмотрел на управдома.

— Могу попытаться вылечить.

— Ты спятил, санинструктор! Да меня три профессора, три светила...— воскликнул Командир и неожиданно осекся, замолчал, так и не договорив про трех светил, которые пытались его вылечить. В нем, в старом солдате, вдруг проснулась далекая безграничная вера в могущество фронтового эскулапа, который спас стольких раненых, обреченных на гибель людей, что ему любой «гражданский» недуг по плечу. И в сердце майора бывший санинструктор ударного батальона затмил всех профессоров.

— А что ты думаешь! — Командир повернулся к дяде Аполлону.— Надо попробовать.

— Разумно,— пробормотал дядя Аполлон, все еще находясь под впечатлением неожиданного открытия.

— Я здесь троих человек на ноги поставил,— опустив глаза, сказал управдом.— У меня есть дедовский рецепт. Сперва на себе испробовал. Потом на людях. Вы мне адресок оставьте, зайду погляжу ваши ноги.

И наспех записав адрес Командира, он зашагал прочь, не желая мешать расставанию близких людей. И долго еще его сутулая спина раскачивалась на перроне.

— Дела! — тихо сказал дядя Аполлон, глядя вслед уходящему.— Может быть, и вылечит.

Подошел поезд. Прогремели и остановились вагоны.

— Ну прощай, Голуб! — сказал Командир.— Когда еще увидимся!

— Увидимся... если не возражаете. Жизнь, как земля, круглая, всегда повернется лицом к человеку,— успокоил его дядя Аполлон.

Они обнялись и долго не выпускали друг друга из крепких прощальных объятий.

Потом дядя Аполлон потрепал меня по плечу и то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

— Остаешься за меня, Валера!

Подхватил чемодан и поставил свою огромную ногу на ступеньку вагона.

Поезд тронулся, поплыл вдоль перрона. А дядя Аполлон стоял в дверях боком, потому что дверной проем был ему тесен. Чемодан, как верный пес, прижался к его ноге. Глаза бывшего старшины 3-го Украинского фронта неотрывно смотрели на нас. А остатки бурых, вьющихся волос венком лежали на большой, тяжелой голове.

И на груди его сияла
Медаль за город Будапешт...

КОНЕЦ

Барот ИСРОИЛ

Письмо брату

Пишу, пишу письмо я
Уже четыре дня,
А в нем хочу поведать
Про всех и про меня;
Про то, как через месяц
Пойду я в старший класс;
Про то, о чем читаю,
Что делаю сейчас;
Как одолел я речку
Туда-обратно вплавь...
(А если где ошибки,
Прошу тебя — поправь.)
Про маму и про папу;
Где летом побывал...
Я начинал раз восемь
И начатое рвал.

Писать мне страшно трудно,
Не знаю, как другим:
Наверно, тут особый
Талант необходим.

Ведь столько разных мыслей
И столько разных дел —
Попробуй опиши их,
Как ты бы захотел!

Попробуй на бумаге
Все мысли изложить —
Для этого, наверно,
Лет сто придется жить!

Пока выводишь буквы
Да разные значки —
Уж мысли улетели,
Остались лишь клочки.

Эх, если б оказались
Вдруг крылья за спиной —
К тебе я полетел бы
Над всей, над всей страной!

Я посмотрел бы толком,
Что делаешь ты там,
Я рассказал бы папе,
Как строите вы БАМ;

Я рассказал бы маме,
Что ты здоров вполне...
Пиши ей чаще письма,
Не забывай — и мне.

Мои друзья просили
Послать тебе привет
И марку покрасивей
Наклеить на конверт.

Боюсь, что не смогу я
Пока попасть на БАМ...
Скорей закончи стройку
И возвращайся к нам.
Твой брат.

Перевел с узбекского
Юрий ХАЗАНОВ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Ребята, откуда берется пар?
Ученик. Из чайника...

А. Мамсина,
г. Степногорск.

* * *

Учительница. Чем отличаются животные лесов от животных пустыни?
Ученица. Хвостами.

Света Ткаченко,
г. Улан-Удэ.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Какую роль играет частица «не» в предложении: «Он не выполнил домашнее задание»?
Ученица. Она не дает выполнить задание.

Е. Смирнова,
г. Южно-Сахалинск.

* * *

Учительница. Составь предложение со словом «айсберг»...
Ученица. В лесу жил большой айсберг.

Алла Колесникова,
г. Усть-Камчатск.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Чем питается домашняя кошка?
Ученик. Домашняя кошка питается тем же, что и человек: рыбой, хлебом, молоком, мышами...

Валя Любивая,
г. Нальчик.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое климат?
Ученик. Это погода теплая и погода холодная.

Ирина Балабаева,
пос. Чалдонка.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Кто впервые поселился в Евразии?
Ученица. Евражки.

Катя Лужнова,
г. Якутск.

Из школьных сочинений

«Собака прыгнула ему на шею и стала целовать в нос, лоб и уши».
«Когда медведи выкупаются, они вылезают на лед и отдыхают там, как на курорте».
«Соня была пышка, как плюшка».
«Троекуров был хотя не глуп, но немного с приветом».
«Вдали послышался топот паровоза».
«Лодка плыла по живописным берегам реки».
«В цирке я видел клоунов и шапито».
«По выражению лица собаки было видно, что она смотрит в море».
«Братья зашли в избушку с окном, дверью и ножкой».
«Котенок уцепился за шляпу локтями».

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

Первое в этом году путешествие в Спортландию мы решили начать вот с этих значков. Теперь они стали реликвией. А когда-то спортивная судьба многих известных советских спортсменов началась с этих значков. Все они связаны с ГТО.

Напиши нам в «Пионер», ***ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ИСТОРИИ ГТО И ЭТИХ ЗНАЧКОВ?***

А для тех, кто мечтает стать СИЛЬНЫМ, СМЕЛЫМ, ЛОВКИМ, кто хочет стать значкистом ГТО, открывает двери наш ***«ПИОНЕРСКИЙ СПОРТЗАЛ».***

Занятия в пионерском спортзале ведет старший тренер по плаванию Спорткомитета СССР В. МЕДЯНЫЙ.

ЛЕДЯНАЯ ВОДА — ДЛЯ ХВОРИ БЕДА

Зимние сны чаще всего про лето. Хорошо даже так, в мечтах, оказаться в летнем лесу или на берегу реки, озера, а если повезет, то и моря! Кажется, будь сейчас лето на самом деле, из воды ни за что бы не вылез. Но просыпаешься: за окном сугроб на сугробе, ни леса, ни речки. Да еще вспомнишь, что плавать не умеешь, что все летние каникулы так на берегу и просидел,— совсем грустно становится.

Почему-то к своему неумению плавать многие относятся спокойно: ну и что — не рыба же?.. Позовут такого на речку купаться, а он в ответ: «Не хочется что-то, я лучше дома посижу...» На самом деле еще как хочется, просто стыдно признаваться, что плавать не умеет.

Между прочим, еще в средние века каждый рыцарь умел плавать. А Петр I на русском флоте даже специальные занятия по плаванию ввел, чтобы матрос как рыба в воде себя чувствовал!

Знаете, как начиналась спортивная карьера знаменитого пловца Джонни Вейсмюллера — того самого, который первым быстрее минуты сумел проплыть сто метров?

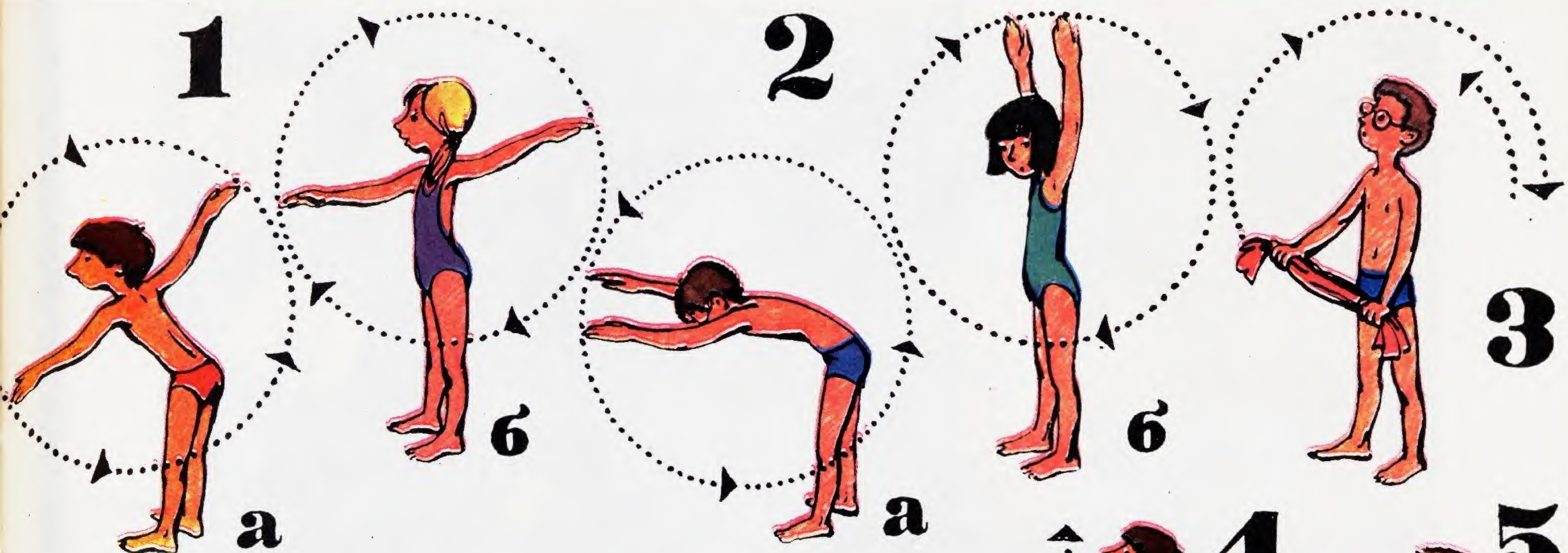
Однажды Джонни пришел к врачу — простудился. Болел он часто. Врач внимательно осмотрел своего пациента и неожиданно сказал: «Надеюсь, вы умеете плавать?» «Да, сэр, это мой любимый вид спорта...» — ответил, краснея, Джонни: плавать он совсем не умел. «Ну, тогда причин для волнений нет: плавайте побольше, и вы забудете про ангину и насморк, словно у вас их никогда и не было»,— вместо рецепта напутствовал Джонни врач.

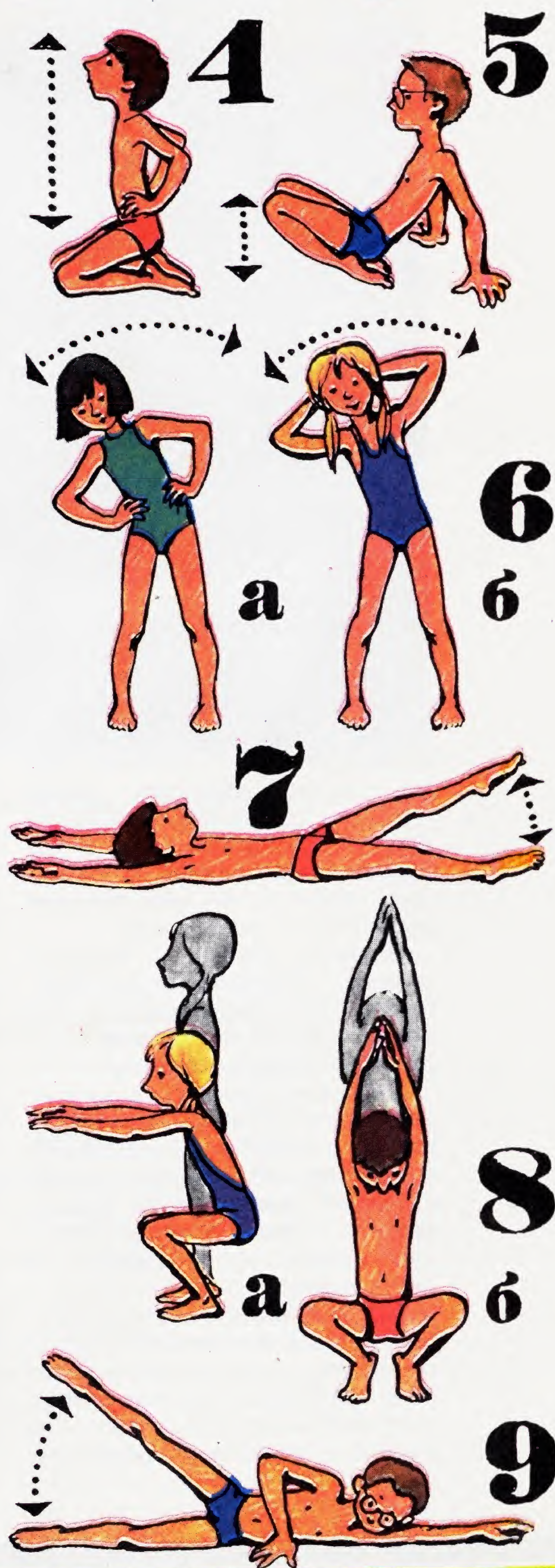
В тот же вечер мальчик отправился на берег маленькой речушки на окраине Чикаго и немало насмешил прохожих, которые видели, как он беспомощно, ни на сантиметр не продвигаясь вперед, барахтался на мелководье... Зато через несколько лет тот же мальчик удивил весь мир: установил сенсационный мировой рекорд по плаванию. Кстати, Джонни Вейсмюллер — автор двадцати пяти рекордов мира и обладатель бронзовой и пяти золотых олимпийских медалей.

Вы, наверное, замечали, что у ребят, которые занимаются плаванием, осанка лучше, чем у других, а кожа более упругая и эластичная. Это видно и так, без специальных медицинских обследований. Но, оказывается, у пловцов еще лучше развита сердечно-сосудистая, нервная, мышечная, дыхательная системы организма. Недаром говорят: «Ледяная вода — для хвори беда», а специалисты считают, что плавание — универсальный вид спорта. Это значит — те, кто им занимается, всесторонне физически развитые люди.

А вы умеете плавать? Если нет, не дожидайтесь лета, даже понедельника не дожидайтесь: умение плавать так же естественно для человека, как умение ходить. Начните учиться плавать прямо сейчас, начните с зарядки и закаливания. А к этому прибавьте специальные упражнения, которые сделают ваши суставы гибкими и подвижными. Это и отличает пловцов от других спортсменов.

1. *Немного наклонитесь и в таком положении делайте попеременные круговые движения руками. Сначала двадцать — тридцать кругов вперед, потом столько же назад. (Посмотрите на рисунки, они вам помогут правильно делать это и следующие упражнения.) Теперь дайте*

рукам отдых — поднимите их вверх, встряхните и как будто уроните вниз, расслабьте.

2. А теперь сделайте те же круговые движения руками вперед и назад, только одновременные. Начните с медленного темпа и постепенно увеличивайте скорость вращения. Упражнение длится двадцать — тридцать секунд. Как только руки отдохнут, повторите упражнение.

3. Возьмите в руки полотенце или палку, поднимите руки и отведите их назад как можно дальше. Постарайтесь не сгибать руки. Для начала палку или полотенце держите за концы, но постепенно ширина хвата (расстояние между кистями рук) должна уменьшаться.

Сделать правильно два следующих упражнения вам помогут рисунки.

4. Встаньте на колени, руки положите на пояс, не сутультесь, держите тело прямо. Присядьте так, чтобы сесть на пятки, и поднимитесь.

5. Исходное положение — то же, что и в предыдущем упражнении. Только как следует упритесь в пол руками позади себя. Надо приподнимать и опускать колени, делая при этом покачивающие движения.

6. Это упражнение всем хорошо известно: наклоны включены почти во все комплексы физической зарядки. Встаньте прямо и, не сгибая коленей, коснитесь руками пола. Ноги при этом держите вместе. А теперь расставьте ноги на ширину плеч и положите руки на пояс. Из этого положения делайте поочередно наклоны вправо и влево. Всего двадцать — тридцать раз. То же упражнение выполните еще раз, но руки теперь должны быть подняты к плечам.

7. Выполните попеременные движения ногами, как при плавании кролем. Исходное положение — лежа на спине, ноги прямые, стопы вытянуты, но не напряжены и немного повернуты внутрь. Выполните это упражнение два-три раза, чтобы каждой ногой сделать по тридцать — сорок махов.

8. Приседания на полной стопе, не отрывая пяток от пола, надо выполнить восемь — десять раз. Затем четыре — восемь раз надо присесть с широко разведенными коленями. После каждого приседания постарайтесь подпрыгнуть вверх, будто вы выпрыгиваете из воды.

9. Лежа на правом боку, поднимайте левую ногу вертикально вверх до прямого угла и сразу же опускайте. Это упражнение надо выполнить каждой ногой по десять — двадцать раз, стараясь не сгибать колени.

1922 год — американский пловец **Джонни Вейсмюллер** первым в мире проплыл дистанцию 100 метров быстрее чем за минуту. Его результат был равен 56,60 секунды. Тогда, конечно, мало кто верил, что человек способен плавать еще быстрее.

1981 год — американский пловец **Ровди Гайнес** установил новый мировой рекорд на этой дистанции — 49,36 секунды.

2000 год — ???????

Каким будет следующий рекорд по плаванию и кто его установит, пока неизвестно. Может быть, ТЫ?

*Лучшим вратарем турнира клуба «Кожаный мяч-82» стал **Наурис КАЛИНАУСКАС.** Уже несколько лет он защищает ворота футбольной команды «Сосновая роща» 8-й средней школы г. Алитуса Литовской ССР.*

Вратарь «Сосновой рощи»

Вслух Науриса никто в команде лидером не называет. Кажется, совсем не подходит к нему это слово. Маленькая хрупкая фигурка вратаря почти теряется в арке больших футбольных ворот. Но как только начинается матч, сомнения исчезают: маленькими становятся ворота. Маленькими и неприступными.

Наурис любит футбол. Когда грустно, не то что играть — даже говорить ни с кем не хочется. А Наурис идет на футбольное поле. Ему здесь хорошо, кажется, каждая травинка — друг и его понимает.

Мама иногда сердится: «Форма еще не успела высохнуть, а ты снова за мячик». Сердится она не всерьез. Когда возвращается с работы, дома — полный порядок: уроки сделаны, в магазин Наурис за продуктами сходил, а на ветру выстиранные сохнут футбольные доспехи. Наурис стирает спортивную форму сам.

Доспехи сохнут, а Науриса дома нет. Команду побежал собирать, мало ему общих тренировок — самостоятельные выдумал», — вздыхает мама.

Самостоятельные тренировки Наурис не выдумывал. Просто их тренер Римвадас Витаутович сказал, что настоящим вратарем может стать только тот, кто не надеется на подсказки тренера, а сам думает и работает сам.

После тренировок Наурис собирает мальчишек своей улицы и вместе с ними играет в футбол. Для ребят удовольствие, для него — проверка: что он умеет и чему еще научиться надо.

Наурис всегда хотел стать вратарем. Считал, что эта «должность» в команде самая ответственная, что все вратари — бесстрашные и сильные люди. Но даже самые сильные иногда плачут.

Мама говорит, что у Науриса слезы «близкие». Если их команда потерпела неудачу, Наурис долго переживает...

Девчонкам везет: они чуть что — в слезы, и никому это неудивительно, будто плакать им даже полагается. Наурис — не девчонка, но поделать ничего с собой не может. Ему легче десять пенальти «взять», чем смириться с поражением.

Как-то перед самыми соревнованиями на тренировке Наурис неловко упал на руку. К врачу идти не хотелось, но рука болела сильно. Римвадас Витаутович пошел в поликлинику вместе с ним. После осмотра тренер о чем-то долго говорил с врачом. До Науриса донеслось: «У вашего мальчика перелом, гипс надо накладывать». Слова, как заноза, не давали покоя — «мальчик», «гипс», «перелом»... Наурис почувствовал в этих словах недоброе. Все ребята поедут на турнир, а он останется. Когда Римвадас Витаутович вышел из кабинета, в коридоре никого не было... Не очень-то приятно, когда другие видят, что тебе тяжело, даже если «другие» — твой тренер.

На турнир Наурис все-таки поехал вместе со всеми. Так решила команда. Весь турнир он просидел на трибуне. Это было посложнее, чем стоять в воротах. С трибуны ошибки замечаешь скорее, чем на поле, а помочь ничем не можешь. Каждый гол воспринимаешь так, будто сам его пропустил. Когда соперники повели мяч к их воротам, Наурис сразу догадался — гола не избежать. До того ему стало обидно, что не выдержал и расстроился. Хотел уйти, не дожидаясь, пока кончится игра. Но посмотрел на ребят, на их невеселые лица и решил, что поражение надо переживать вместе со всеми.

Рука у Науриса уже давно зажила, и он снова стоит в воротах. Прошлым летом на финальных соревнованиях клуба «Кожаный мяч» в Свердловске Науриса Калинаускаса назвали лучшим вратарем турнира. Он пропустил совсем немного мячей в свои ворота, а первый гол забил его товарищ по команде — перепутал ворота. Ну, не обидно ли?! Только Наурис после матча даже не упрекнул «удачливого» бомбардира, потому что считал, что он виноват сам. На то и вратарь, чтобы уберечь ворота от любой неожиданности.

Может быть, за это умение прощать ошибки другим и не прощать их себе и считают Науриса в команде лидером?.. Хотя вслух его так не называют.

Т. ПЕТРОВА

Рисунки Д. БАРАБАША.
Фотография Е. ШЕЛЕШНЕВА

9 февраля исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося русского поэта-романтика Василия Андреевича ЖУКОВСКОГО

Борис ТЕБИЕВ

«ЖИЗНЬ КРАСОЙ ДУШИ КРАСНА»

Маленькая повесть о большом русском поэте

У этого портрета В. А. Жуковского необычная судьба. Он был написан в 1836 году К. П. Брюлловым для лотереи, на средства от которой выкупили из крепостной неволи Т. Г. Шевченко.

ЧАСТЬ 1.

Лето 1851 года в Баден-Бадене выдалось на редкость солнечным. Впрочем, тепла и солнца здесь, на юге Германии, в благодатной долине, окаймленной живописными горами Шварцвальда, хватало в любое время года. Жуковскому нравился этот небольшой чистенький городок, известный еще со времен древнего Рима целительными источниками и пышными виноградниками.

За десять лет жизни на чужбине, вдали от России, поэт сменил немало мест, но в Бадене он чувствовал себя всего лучше. Он приехал сюда по совету врачей, лечивших жену, и был счастлив, видя, как его нежная и хрупкая Елизавета Алексеевна обретала силы.

С юношеских лет Жуковский любил Германию — страну Гете и Шиллера, Лессинга и Канта, Баха и Генделя. За долгую, наполненную трудом жизнь он немало перевел на русский язык с немецкого. Критик Виссарион Белинский как-то заметил: «Жуковский сделал немецкую поэзию родной для русского читателя».

Германия щедро отблагодарила российского стихотворца гостеприимством, подарила немало добрых друзей. Здесь нашел он и свое запоздалое семейное счастье, встретив и полюбив ту, чей светлый образ долгие годы лелеял в поэтических грезах, которая была так похожа на его первую, молодую любовь. Елизавета Рейтерн, дочь давнего приятеля Жуковского, немецкого художника Рейтерна, была намного моложе Василия Андреевича. Но это не помешало ей взаимностью ответить на его чувства, стать для поэта не только женой, матерью его детей, но и преданным, искренним другом.

Но как бы ни был счастлив он на чужбине, свою родину, свою Россию, Жуковский не забывал никогда. Все эти годы он жил одним пылким стремлением: скорее домой, в Россию! Сколько раз он уже порывался вернуться туда, но всякий раз ему

просто не везло: то обострялась болезнь жены, то мешали другие, случайные обстоятельства.

Нынешний, 1851 год, считал Жуковский, должен наконец стать годом возвращения в родные пенаты. Здоровье Елизаветы Алексеевны не вызывало больше серьезных опасений. Дети подросли, окрепли: Сашеньке в ноябре исполнится девять, сыну Павлуше через полгода — семь, не страшно им теперь долгое путешествие. Жуковский очень хотел, чтобы его дети выросли русскими, непременно русскими людьми. В Бадене же русская речь раздавалась редко. Не было здесь и русских учителей, и поэтому Жуковскому приходилось самому заниматься с детьми русским языком. Он сочинял для своих малышей прекрасные стихи и сказки, с раннего детства приучал понимать прелесть русской поэтической речи.

Жуковский испытывал огромную радость, когда вечерами в тесном семейном кругу Сашенька и Павлуша наперебой декламировали по-русски:

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий...

В середине июля все было готово к отъезду. Из Бадена Жуковские намеревались выехать во Франкфурт и через Дрезден добраться до Дерпта. К середине августа они рассчитывали быть в Петербурге, к концу месяца — в Москве, а уж оттуда рукой подать до родной тульской стороны!

Беда ворвалась в его жизнь неожиданно, словно по навету злого волшебника, задавшегося целью во что бы то ни стало удержать поэта в Германии. До отъезда оставалось всего два дня, когда Жуковский, улучив свободный часок, вместе со старым слугой Даниилом решил в последний раз прогуляться по городу. Жуковский был бодр, шутил. Он любовался окрестными пейзажами, сетуя на то, что не успел запечатлеть всю эту прелесть в свой альбом для рисования, подставлял лицо щедрому июльскому солнцу.

В первые секунды Жуковский и сам не понял, что с ним произошло: из светлого солнечного дня он словно бы шагнул в глухую темную ночь. Густая черная пелена окутала взор. Заботливый слуга вовремя подоспел на помощь и, подхватив Жуковского под руки, осторожно повел его к дому.

В кабинете Василий Андреевич тяжело опустился в привычное кресло, которое еще не успели упаковать для переезда. Засуетились, забегали домашние. Елизавета Алексеевна первой поспешила к мужу.

— Милый, что с тобой? — тихо спросила она.— Тебе плохо?..

Жуковский молчал, не решаясь причинить ей боль горьким известием. Чуть помедлив, все же собрался с духом:

— Глаза, Лизонька, глаза. Но ты только не волнуйся. Что-то подобное со мной уже было в сорок восьмом году, помнишь?

Послали за врачом. Доктор Гугерт, педантичный сухопарый немец, друг семьи Жуковских, не заставил себя ждать. Внимательно осмотрев воспаленные зрачки больного, он долго стоял в раздумье и качал головой. Это могло означать лишь одно: положение серьезное, требуется длительное лечение, за успех ручаться трудно. Затем последовали строгие, лаконичные предписания: «Во-первых, необходим полный душевный покой. Во-вторых, уважаемый господин Жуковский, несколько недель, а то и месяцев вам придется провести дома, в комнате с наглухо зашторенными окнами».

— А как же переезд, ведь уже все готово? Как же Россия? — воскликнул Жуковский. Каждое слово врача звучало для него суровым приговором.

— Боюсь, что с этой мыслью вам придется расстаться, и надолго. Если даже к зиме дела поправятся и зрение восстановится, то белизна русского снега окончательно лишит вас возможности видеть. И тогда уже никакой самый искусный лекарь не сможет облегчить вашу участь...

Сколько раз судьба была безжалостной к нему, наносила удары в самое сердце, лишала близких друзей, лишала веры и надежды! Но он надеялся на лучшее наперекор всему, потому что любил жизнь, любил людей, любил Россию. Эта любовь придавала силы, поднимала его над суетой жизненных неурядиц. Внезапная слепота обрекла Жуковского на вынужденное затворничество, чуждое его натуре, даже на закате дней деятельной, сохранившей юношеское мировосприятие. Но он быстро совладал с собой, нашел силы для борьбы с тяжелым недугом.

Утром следующего дня он проснулся, как обычно, рано. Черная пелена по-прежнему обволакивала глаза. Но на душе было почему-то светло и радостно. «Что это со мной,— подумал Жуковский,— чему я так радуюсь? Почему так учащенно и

взволнованно бьется сердце, ведь радоваться-то нечему?» И вдруг понял: в нем пробудилось и росло страстное желание сочинять.

Давно не испытывал он такого чувства — жгучей потребности творить. В последние годы, совершив титанический труд по переводу на русский язык «Одиссеи» Гомера, он пытался отойти от сочинительства, занятый другим, не менее важным, как ему казалось, делом. Его новой поэмой стала, как он говорил, «поэма педагогическая». Увлекшись занятиями русским языком и арифметикой с дочерью, Жуковский замыслил написать учебники для детей и книгу домашнего воспитания для родителей. Для серьезных занятий поэзией времени не оставалось. А вот теперь — не было бы счастья, да несчастье помогло...

Проходили дни, недели. Жуковский попросил изготовить для себя нехитрую «машинку», позволявшую писать на ощупь, в темноте. То прибегая к помощи «машинки», то диктуя камердинеру, Жуковский сочинял поэму, которая должна была стать, он это чувствовал, его «лебединой песней». Когда-то, десять лет назад, в его голове родился замысел истории об Агасфере — человеке, лишенном любви и сострадания к людям и за это обреченном на вечную жизнь и на вечные странствия. Но тогда он сумел написать всего 20—30 строк. Теперь же судьба Агасфера вновь увлекла его. Поэма наполнялась философскими раздумьями о смысле жизни, верой в человеческие силы и разум, в высокое предназначение поэзии.

Жизнь в темноте забурлила, засияла цветами поэтических красок. Он собирал эти краски по каплям и наносил их на бумагу уверенными мазками большого мастера. Он работал, как каторжник, как прикованный к галере раб, и чем больше отдавался любимому делу, тем светлее и радостнее становилось у него на душе.

Для отдыха оставались короткие часы и минуты. Вместо прогулок на свежем воздухе, которые были ему теперь, увы, недоступны, Жуковский стал предаваться воспоминаниям, перебирая в памяти эпизоды прожитых лет. С особым волнением устремлялась его душа в далекий мир детства, в края, где познал он впервые радость бытия, встретил утро своей долгой и многотрудной жизни...

— Вася, Васенька, вернись! Маменька Мария Григорьевна ругаться будут. Смотри, вон какая туча на небе заходит. Дождик скоро пойдет...

По крутой тропинке от усадьбы к речке через зеленый луг с еще не кошенной свежей и сочной травой бежит маленький мальчик. Ему лет шесть, не более. Он смуглолиц, кудряв, ловок. Он так похож на сына Павлушу! Но это не Павлуша. Это он сам, Вася Жуковский.

Старая няня никак не может догнать маленького беглеца. Голос ее срывается, тонет в шуме набежавшего ветра, в шелесте трав, в звуках летнего дня.

Напоенный ароматом трав воздух кружит голову. Мальчик жадно ловит его, подставляя лицо и грудь воздушным потокам. Ему кажется, что у него вот-вот вырастут крылья и он вспорхнет в небо вслед за жаворонком. И это радует мальчика. Но еще больше радует скорая встреча с речкой, с прибрежными ивами.

Мальчик подбегает к реке. Хорошо знакомой только ему одному тропкой, так, чтобы не замочить ноги в маленьких кожаных полусапожках, пробирается к раскидистой иве и любуется рекой.

— Речка, речка, здравствуй! Откуда и куда ты течешь, куда путь свой держишь?

— Из теплых краев, из далеких лесов теку я к матушке Оке в гости. Много видела на пути, много знаю. Хочешь, поведаю тебе свои тайны?..

Мальчик мысленно разговаривает с речкой. И Выря, так зовут эту речку, неторопливо рассказывает ему свои истории. Так может продолжаться долго, очень долго. По крайней мере до тех пор, пока в прибрежных кустах не покажется голова няни и ее сильные крестьянские руки не подхватят юного мечтателя и не понесут его прочь.

Хмурая туча проходит стороной, мальчик с няней неторопливо бредут к усадьбе. Добрая старая женщина что-то рассказывает, а он увлеченно слушает. Может быть, предание о Васьковой горе, где скрывается от стражников страшный разбойник Васёк, может быть, о гремучем ключе, бьющем на дне соседнего оврага, может быть, иное что-то о седых стародавних временах...

Как любил он слушать рассказы старой няни и деревенских стариков о днях давно минувших! Приокский край, где родился и вырос Жуковский, славился волшебной природой, русским раздольем, богатой историей. В родном селе Мишенском, в окрестных селах и деревнях жили в памяти народной, передавались из уст в уста рассказы о славных витязях, защитниках родной земли, о вольных землепашцах, диковинной силы и удали молодецкой, о девушках, миловидных и пригожих, краше которых во всем свете не сыскать. В трех верстах от Мишенского — уездный город Белев, ровесник Москвы. По праздникам малиновый перезвон белевских колоколов наполнял округу, пробуждая от сладкой дремы поля и перелески.

Сколько раз, уже будучи известным поэтом, Жуковский возвращался сюда и в мыслях и наяву. Он приезжал, как паломник, на поклон к русской красоте, любовался и не мог налюбоваться милым светом родного неба, знакомыми с детства речными потоками, дышал и не мог надышаться воздухом родины.

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О, Родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

В усадьбе, принадлежавшей его отцу, богатому белевскому помещику Афанасию Ивановичу Бунину, было всегда многолюдно. В хлебосольную усадьбу приезжали гости — знакомые и незнакомые, званые и незваные. Возле многочисленных приусадебных построек сновали бородатые мужики в пепельно-серых армяках, бабы в белых платках и цветастых паневах.

На одном из хозяйственных дворов усадьбы, рядом с теплицами и зимней оранжереей, где росли экзотические южные цветы, зрели лимоны и абрикосы, стоял бревенчатый одноэтажный домик. Круглый год здесь трудились крепостные девушки-кружевницы. Они плели причудливые узоры, соперничавшие с творениями самой волшебницы-зимы. Нелегкой была крестьянская доля кружевниц. И песни, которые они часто пели за работой, были грустными. Но сколько душевного тепла, сколько сердечности было в этих напевах! Какой несказанной радостью было для маленького Васи слушать пение кружевниц, наблюдать за ловкими и точными движениями их пальцев.

Здесь среди мишенских девушек повстречал поэт свою Светлану, так вдохновенно воспетую в одной из лучших его баллад. А попав однажды в «крещенский вечерок» вместе с няней в девичью светелку, увидел и запомнил на всю жизнь старинный русский гадальный обряд. Где-то здесь, поблизости, жила и его Людмила, преданно ждавшая суженого «из далеких, чуждых стран с грозной ратию славян».

В памяти Жуковского всплывают накрахмаленный кружевной чепец, усталое морщинистое лицо, холодные бесцветные глаза — это хозяйка усадьбы, Мария Григорьевна Бунина, женщина, которую маленький Вася обязан называть «маменькой».

— Экий ты сегодня неумытый и растрепанный.— Глаза-льдинки смотрят на Васю не мигая. На лице снисходительно-покровительственная улыбка.— Набегался, наигрался, пора и честь знать. Батюшка Афанасий Иванович скоро приедет. Негоже ему видеть тебя таким. Ступай-ка в дом, умойся да причешись.

Вася боится ослушаться, спешит скорее выполнить наказ матушки. Добрые нянюшкины руки моют его лицо, шею, оттирают от грязи ладошки, насухо вытирают широким полотенцем, расчесывают кудрявую голову.

У крыльца большого усадебного дома останавливается знакомая коляска. Расторопный молодой лакей в темно-зеленой ливрее с выпушками и аксельбантами, в коротких панталонах и белых башмаках с серебряными пряжками, услужливо и ловко — вся дворня в Мишенском вышколена на европейский манер — помогает барину выйти из коляски, распахивает перед ним парадную дверь.

Афанасий Иванович, грузный старик с одутловатым лицом, неторопливо идет по дому. В большой праздничной зале возле висящих на стене портретов предков он замедляет шаг и всматривается в лица на потускневших от времени полотнах. Всякий раз это доставляет ему немалое удовольствие: род Буниных древний, больше четырех веков верой и правдой служит русскому престолу. А посему щедро одарены Бунины и вотчинами и крепостными крестьянами. Афанасий Иванович жизнь свою прожил, чести рода бунинского не посрамивши. В молодости служил в известном многими воинскими доблестями Нарвском полку; участвовал в походах и сражениях. Выйдя в отставку и женившись, без дела прозябал недолго: стал служить по статской части, дослужился до чина надворного советника, «сидел», как в старину говаривали, «на Белеве государевым воеводою». Да и сейчас, на старости лет, в почете: на второй срок уездным предводителем дворянства избран...

Об отце Жуковский вспоминать не любил. Как-то в юности он даже в сердцах воскликнул при друзьях: «Ах, если бы у меня был отец!» Но сейчас, на склоне лет, Василию Андреевичу казалось, что отца можно понять и простить. В молодости Афанасий Иванович много кутил и куролесил и до старости остался человеком увлекающимся. Это и привело его к тому, что, имея уже почти взрослых детей, он вдруг рассорился с женой и несколько лет прожил во флигеле под одной крышей с дворовой прислугой, молодой и привлекательной турчанкой Сальхой. Турчанка была пленницей. Мишенские мужики, отпущенные барином на турецкую войну маркитантами, привезли ее в 1770 году Афанасию Ивановичу в подарок, «вместо гостинцев», как они говорили. Крещенная в православие под именем Елизаветы Дементьевны, турчанка Сальха и была его, поэта Жуковского Василия Андреевича, родной матерью. Только маленький Вася об этом не знал.

Некогда пылкая любовь Афанасия Ивановича к Сальхе-Елизавете с годами прошла. Вскоре после

рождения сына он помирился с законной супругой, вернулся к ней в большой усадебный дом, прихватив с собой и совсем еще крохотного ребенка.

Сальху с согласия Марии Григорьевны сделал в усадьбе домоправительницей, дал ей вольную. Взамен же потребовал одно: забыть о том, что у нее есть сын, ни словом, ни намеком не говорить Васе о своем родстве. Сальха, одинокая, без роду и племени женщина, оставалась человеком подневольным. Условию Афанасия Ивановича подчинилась безропотно, подумав, что так, наверное, будет лучше для ребенка. Материнские чувства она хоронила в душе, лишь издали наблюдая, как растет ее Васенька.

А Вася рос смышленым, приятным и ласковым ребенком. И чем старше он становился, тем сильнее в душе Афанасия Ивановича боролись два чувства: любовь к единственному сыну, возможному продолжателю бунинской ветви, и дворянская спесь. Спесь была сильна: дать незаконному ребенку свою фамилию он так и не решился. Упросил давнего приятеля, бедного киевского дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, подолгу гостившего в Мишенском «на хозяйских хлебах», стать Васе не только крестным отцом, но и дать мальчику свою фамилию.

О крестном отце Василий Андреевич сохранил на всю жизнь самые теплые воспоминания. Каждый приезд Жуковского-старшего в Мишенское был для маленького Васи настоящим праздником. Андрей Григорьевич знал много интересного, хорошо рисовал, играл на скрипке. Крестный отец был и его первым толковым домашним учителем. Толковым — потому, что самый первый учитель Васи Жуковского, Яким Иванович, выписанный в Мишенское из Москвы, оказался человеком на воспитательском поприще случайным: в Москве прозябал в портняжной мастерской, а в Мишенском вдруг стал гувернером. Он учил мальчика грамоте и счету с пятого на десятое, за малейшую провинность нещадно бил линейкой по рукам, ставил в угол коленями на горох. Московского гувернера немедленно прогнали со двора, как только Бунин узнал о его «системе воспитания». После этого с Васей занимался Андрей Григорьевич, готовил мальчика к поступлению в пансион.

В том же 1789 году, когда для Васи Жуковского началось домашнее ученичество, Афанасий Иванович выполнил, как ему казалось, свой главный долг перед сыном. Используя личные связи, он добился занесения новоявленного «дворянского рода Жуковского Василия Андреевича» в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии...

Избежав трагической участи многих побочных барских детей, нередко становившихся холопами своих родовитых отцов, Вася Жуковский не избежал печали одиночества и душевного сиротства. В доме родного отца он жил скорее не сыном, а воспитанником. Соблюдались какие-то видимые приличия. Маленькому Васе иногда позволяли шалить, капризничать. Он был красив. Им любовались, как хорошей куклой. Но заглянуть во внутренний мир мальчика, понять его чувства и переживания, наполнить душу сердечной теплотой ни папеньке, ни «маменьке» было недосуг.

Афанасий Иванович все годы усердно занимался обширным усадебным хозяйством и уездными по дворянской части делами. Мария Григорьевна хотя и говорила, что заботится о ребенке, как о родном сыне, но в глубине души была к нему равнодушна, благо нянек и мамок в усадьбе хватало...

В кабинете баденского дома Жуковского на полке книжного шкафа рядом с многочисленными изданиями произведений поэта стояли старые, видавшие виды тетрадки в скромных переплетах. Это были дневники, которые Василий Андреевич начал вести в двадцатилетнем возрасте. Дневнику он доверял самое сокровенное. Вот одна из ранних записей: «Как прошла моя молодость?.. Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых потому, что я был перед ними выращен, но не видел родных, мне принадлежащих по праву; я привык отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особливого участия, и потому это всякое участие ко мне казалось мне милостью... Я был один, всегда один».

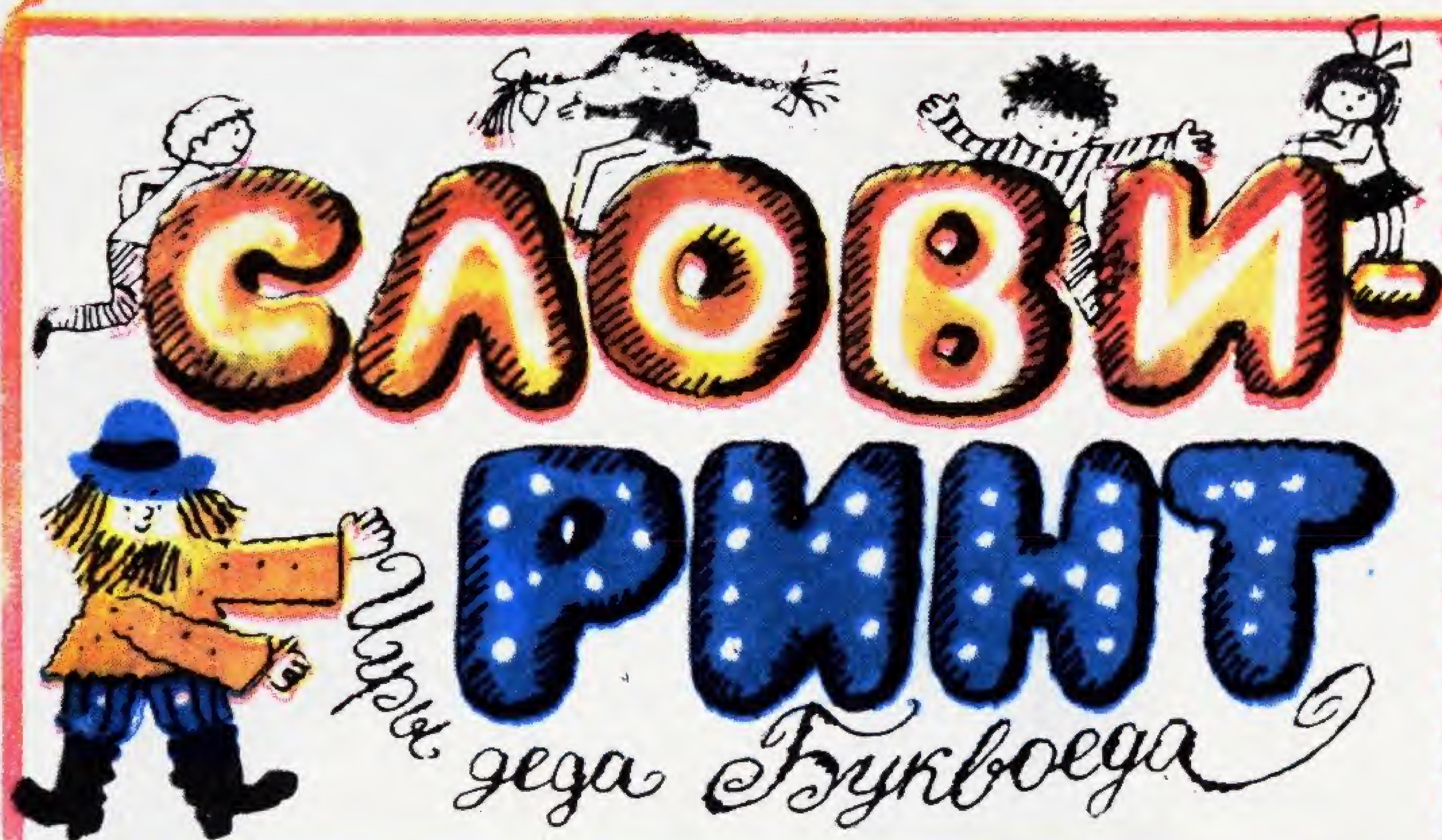
Он не унаследовал от отца ни богатств, ни знатного рода. Все, чего Жуковский добился в жизни, было достигнуто его трудом, его талантом. В зрелые годы, когда поэт Жуковский состоял на придворной службе, кое-кто из великосветской знати пытался попрекать его «простым происхождением». Но Жуковский отвечал, что лучшей родословной считает преданное служение Отечеству.

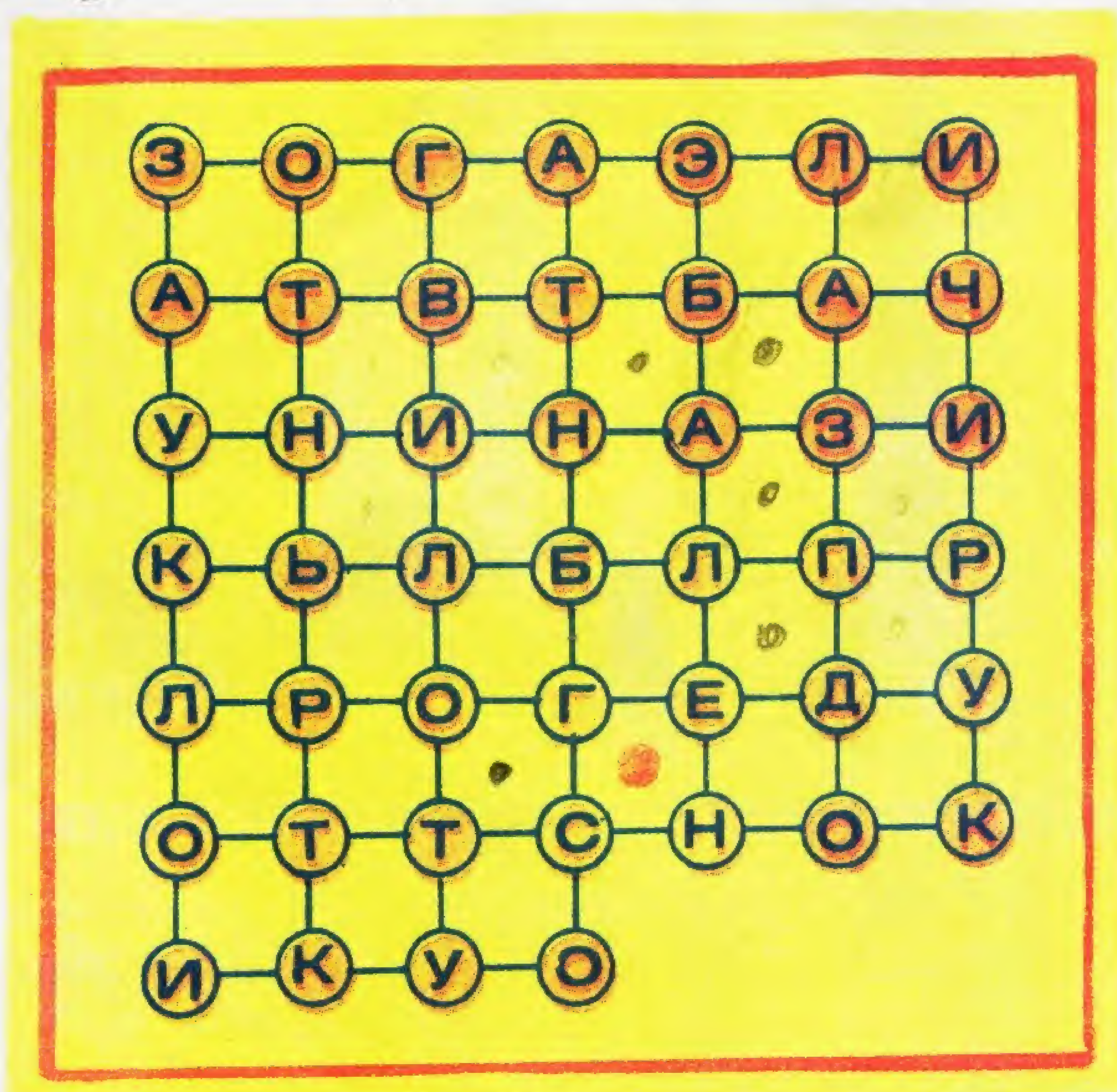
ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Не торопись! Возьми разбег!
Начни игру от слова «снег».
Успешно заверши свой путь.
К победе! (Правил не забудь!)

Правила: шагая по словиринту, переходите из квадрата в квадрат. Можно переходить только в те квадраты, которые граничат сторонами. Кроме того, переход разрешается в том случае, если из угловых букв квадрата, в который вы переходите, можно образовать какое-нибудь четырехбуквенное слово. Слова могут читаться в разных направлениях: и по часовой стрелке и против нее.

На каком слове вы сможете выйти из словиринта? Жду ваших писем.

Дед Буквоед

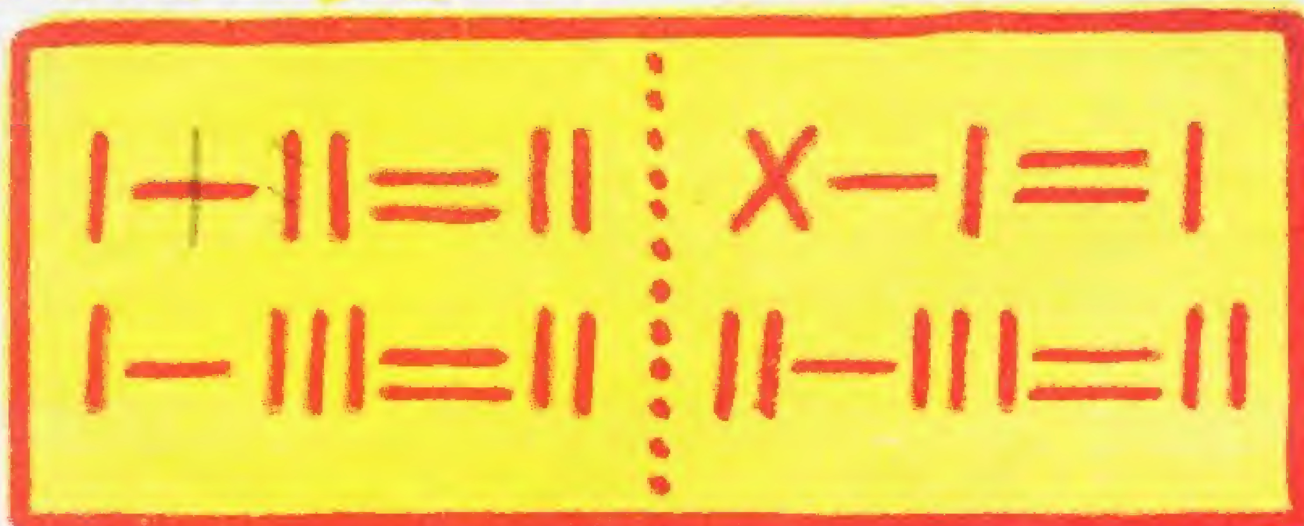

А сегодня — случай редкий! —
Мы займемся стариной.
Все ли эти статуэтки
В форме отлиты одной?

Вот вопрос. Сообразите.
(Труден только первый шаг!)
Статуэтки повертите
Так и этак, так и сяк!

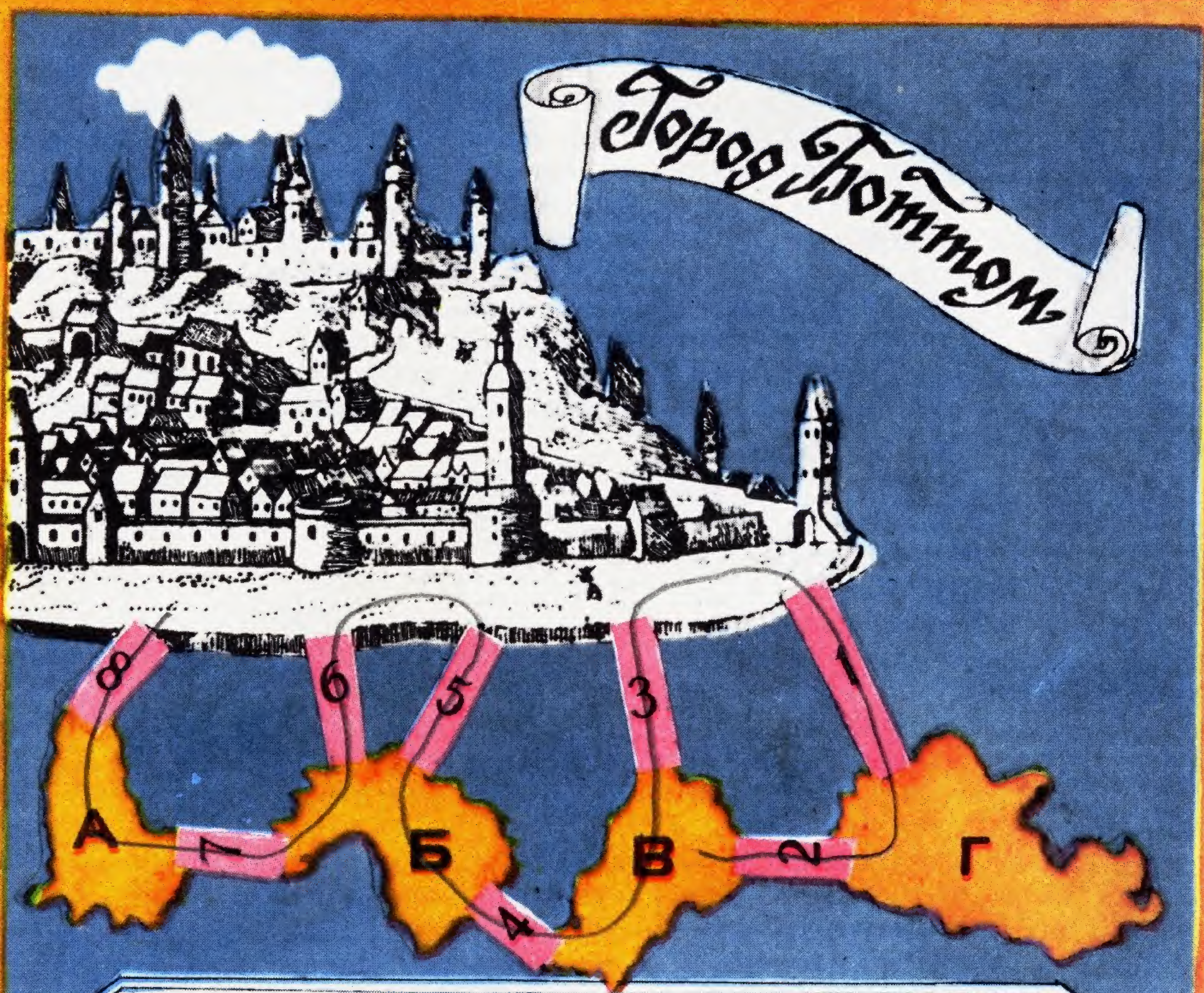
ПРИМЕРЫ-БАРЬЕРЫ

Вот счетные палочки! Вам предстоит,
Подумав, решить непростые примеры!
У этих примеров таинственный вид.
Примеры-загадки! Примеры-барьеры!

Живживка

Примечание. В каждом примере переложите одну (любую) палочку с таким расчетом, чтобы у вас получилось математически правильное равенство.

Капитан Перо ищет помощника

Расположен город Боттом
На излучине реки,
Горожане по субботам
Посещают островки.

Ряд мостов для этой цели
Существует с давних пор,
И веками неизменен
Молчаливый уговор:

С тростью вы или без трости,
В ранний час иль в поздний час
Проходите каждый мостик,
И при этом только раз!

Вам дается пять минут —
Изучите весь маршрут,
И прошу вас указать,
Где придется лодку брать,
Чтоб на острове последнем
Не остаться ночевать!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ НОМЕРА 1

Три жетона. Один жетон в третьем ряду, два — в четвертом.

Капитан Перо ищет помощника

Шайбы любят счет. Можно забросить 16 шайб.

Игры Лупы и Пинцета

Иран—7846, Кения—15692.

КРИБЛЕ, КРАБЛЕ, БУМС...

«Крибле, крабле, бумс»,— один мудрый сказочник начинал свои сказки этими волшебными словами. Поэтому, когда ты увидишь их на страницах нашего журнала, знай — речь пойдет о сказках. Конечно, обо всех не расскажешь — их так много! Мы хотим поговорить с тобой о сказках современных, сочиненных не когда-то, в стародавние времена, а недавно — в двадцатом веке, в котором ты живешь.

Что это за сказки, о ком они? Ну-ка, вспомни... Малыш, Кристофер Робин, братья Львиное Сердце, Матиуш, Маленький принц... Неужели ты еще не догадался, что это все — о тебе?

О тебе, живущем в такое время, когда наука доказала: чуда нет и не может быть! Но ведь ты все равно веришь: оно есть! Скучно жить в мире без чудес!

И вот что интересно: так думали не только дети, но и некоторые взрослые. Те взрослые, которых называют детскими писателями.

...И Маленький принц приручил Лиса

Что было бы с Маленьким принцем, если бы не Лис? Наверное, он так ничего бы и не понял. Ведь он прилетел с маленькой планеты — чуть больше его самого. А Земля огромна, и на ней очень много людей. Маленький принц обрадовался — ему так не хватало друга, но люди куда-то торопились. Они так спешили, что ничего вокруг не замечали. Им некогда было разговаривать с Маленьким принцем.

Эти странные люди, которым было некогда (некогда смотреть на звезды, некогда дружить, некогда улыбаться), назывались взрослыми. Они даже не заметили Маленького принца. Так и бродил он по земле в одиночестве...

Однажды он увидел цветущий сад... О, это было огромное горе! Ведь Маленький принц покинул свою планету потому, что поссорился со своим Цветком. Где бы он ни странствовал, он помнил о нем. Он думал, что его роза — единственная в целом свете, и вдруг увидел сто тысяч точно таких же роз! Маленькому принцу от этого открытия стало так обидно, что он лег в траву и заплакал...

Вот тут-то и появился Лис! Самый обыкновенный — рыжий и пушистый. Маленькому принцу было очень грустно, и он попросил: «Поиграй со мной». А Лис сердито ему отвечал, что играть с ним не может, потому что он не приручен. «А как это — приручить?» — спросил Маленький принц, он был на Земле пришельцем и еще многого не понимал.

Маленький принц оставался для Лиса пока всего только маленьким мальчиком, точно таким же, как сто тысяч других мальчиков, которые Лису безразличны. И Лис для Маленького принца всего лишь зверь, точно такой же, как сто тысяч других лисиц. «Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу,— сказал Лис.— Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...» И Маленький принц понял — если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи его.

Эту мудрую сказку написал французский летчик и писатель **Антуан де Сент-Экзюпери.** Он написал ее для детей. Называется она **«Маленький принц».**

В каждой хорошей книге есть тайна — «любимая мысль», ради которой писатель писал: не спал по ночам, думал, перечеркивал написанное, снова писал — в надежде, что его поймут. Почему грустную сказку о взрослых Экзюпери рассказывает детям? Ведь дети за взрослых не отвечают. Ну-ка, подумай... «Все взрослые сначала были детьми,— напоминает писатель,— только мало кто из них об этом помнит». А когда человек забыл все самое главное, разговаривать с ним бесполезно, верно? Потому-то книжка адресована не взрослым, а тебе. В ней надежда, что когда ты вырастешь (а ведь это случится уже скоро), то сумеешь сохранить в своей душе все самое главное из детства: интерес к миру, в котором ты живешь, верность друзьям, отвагу и жажду справедливости. И ничего не забудешь.

Н. СОЛОМКО

Рисунок А. ДУГИНА.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Кривые дороги

На масленицу бабушка Анна и дедушка Терентий пригласили Валерку на блины. А тут нежданно-негаданно объявился гость из Москвы — двоюродный брат Генка.

Ездил Валеркин отец, шофер колхоза, за новыми частями для тракторов и прихватил с собой на пару дней Генку.

Было воскресенье.

После вчерашней оттепели с дождем ночью появился морозец. И снег зачерствел. Корочка наста отливала льдистой синевой, будто по ней прошлась скалка.

Пока бежали до дедушкиного дома, несколько раз падали. А Валеркин портфель с учебниками катался по насту колобком.

Бабушка Анна встретила ребят старинной припевкой:

Широкая масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!

Не успели еще гостечки раздеться, а бабушка весь стол уже заставила всевозможными яствами: тут тебе и махонькие соленые опята, и густущая сметана изжелта-маслянистой белизны, и сваренные всмятку яички — одно крупнее другого. Первые яички в эту зиму.

— Присаживайтесь, шустряки! — пригласил к столу дедушка Терентий. Погладил Генку по курчавой, лохматой голове большой жесткой ладонью, добавил: — Вырос-то как! На улице не узнал бы!

Генка заалел от похвалы до самой макушки.

— С пылу, с жару, пятачок за пару! — пропела бабушка, ставя посредине стола большое глиняное блюдо. Стопа огнедышащих блинов с поджаристыми хрустящими краями высилась чуть ли не до потолка!

— Ой-ей-ей! — обомлел удивленно Генка.— Отродясь столько блинов не видел!

— То-то же! — хмыкнул в бороду дедушка.— Вы там в Москве пообвыкли ко всему покупному. А у нас свое. Уминайте на здоровьичко!

Во время веселого этого пира и повалил за окнами снег. При полном безветрии пушистые хлопья падали сплошной стеной.

— На сутки, а то и на двое завьюжит,— заметил дед Терентий.— На изломе зима, чует — конец ей скоро, вот и решила похрабриться! Да нам не страшны ее причуды. В сумерках вчера закончили подвозку сена из лугов. Теперь с кормами и вьюга нипочем!

— Дедушка, ты нам покажешь теляток? — встрепенулся Валерка.

— Пока еще не срок. Пусть окрепнут.

После завтрака дед ушел на ферму, а Валерка с Генкой прилипли к окну.

Крупные, с ладошку, снежинки, обгоняя друг друга, летели и летели с низкого белесого неба, опускаясь лебяжьим пухом и на скамейку у завалинки, и на куст сирени под окном.

— Непременно напишу в свой календарь,— проговорил негромко, для себя, Валерка.

— В какой календарь? — спросил с усмешкой Генка.— Календарей и без тебя много всяких выпускают.

— А ты не смейся! Я свой составляю... о разных природных случаях. Мне дедушка Терентий присоветовал.

— Ну-у?

— Вот тебе и «ну»! Я и про тебя могу записать.

— А про меня чего?

— У Генки Чашкина, напишу, веснушки на лице в феврале обозначились. К ранней весне, пожалуй!

Почесал за ухом Генка.

— Тогда еще напиши. На этих днях я девчонку в метро видел. У нее глаза совсем разные: один синий, а другой черный. Наверное, тоже к весне?

Выпорхнули ребята во двор, а сугробы чуть ли не с них ростом.

Покосившись на брата, Валерка вздохнул:

— И когда все-таки ты отвыкнешь врать?

— Честно! Спроси хоть мать. Девчонка напротив нас сидела.

— Ладно уж! — опять вздохнул Валерка.— Твоя девчонка мне совсем не нужна для календаря.

Под вечер бабушка попросила мальчишек отнести курам ведерко с кормом.

Распахнули ребята сенную дверь и оторопели. Пуржило. Пуржило так, что нельзя было понять, где небо, где земля. Тягучие белесые вихри крутились по двору, точно на карусели. Злой ветер сорвал с Генки шапку, и ее еле нашли.

Вернулись в избу с головы до пят в снегу.

— Бабушка! Света вольного не видно! — солидно, подражая деду, сказал Валерка.— Вышли из курятника, а следов наших нет. Занесло. Мы и синицам и воробьям в кормушку крошек насыпали.

И принялся вытирать ладонью багровое, исколотое ледяными иголками лицо.

— Умники-разумники мои! — похвалила бабушка.— «Вьюги да метели под февраль улетели», — говаривали бывалые люди. С хлебом будем, коли снегу нанесет вволю. Февраль — кривые дороги.

— Почему — кривые? — У Генки взметнулись на лоб широкие брови.

— Перестанет вьюжить, пойдете погулять, сами с глазами, заметите.

У запасливого книгочея Валерки в портфеле были не одни учебники. Когда он сделал уроки, принялся просвещать первоклассника Генку — читать вслух рассказы о космонавтах... Сутки куролесила, улюлюкая, снежная заваруха. А стихла метель, пришло в гости к людям красно солнышко.

Засидевшись в избе, мальчишки наперегонки бросились к вешалке. Выпорхнули во двор, а сверкающие парчой сугробы чуть ли не с них ростом.

— И нам лопаты давай, дедушка! — закричал Валерка.— Мы тропинки поможем тебе расчищать.

— Спасибо, помощники! — обрадовался дед Терентий. И принес ребятам из сарая легкие деревянные лопаты.— К воротам пробивайте тропу.

Мальчишки старались усердно. Прямую, точно по линейке, прокопали тропу в сыпучем, голубеющем мягко снегу.

Отворили калитку и шапки на затылок сдвинули. Вся улица испещрена была кривыми засиненными дорогами. Один человек спешил к соседу на противоположную сторону и колесил по глубокому снегу то влево, то вправо, огибая крутые бугры. Другой брел вдоль улицы, и тоже не прямо, а зигзагами, обходя островерхие горы, взметнувшиеся выше заборов.

Захотелось Генке поваляться на снежной перине, бросился плашмя в сугроб, а из него заяц пулей выскочил.

— Ой! — вскрикнул Генка.— Откуда тут кролику взяться?

— Матерый беляк это, а не кролик! — хохотнул добродушно дед Терентий.— Нежился косой, что тебе на печке. Лес-то у нас под боком. Ну, и прискакал подкормиться.

Саженными прыжками улепетывал к ельнику длинноухий. Его провожала напутствием синица: «Скинь кафтан! Скинь кафтан!»

— А теперь побежали ко мне домой, — посерьезнев, сказал Валерка брату.— Мне в школу... нынче занятия во вторую смену.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.12.82.
Подписано к печати 17.12.82. А 07581. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 55. Заказ № 3592.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ЗАГАДКИ МАКРАМЕ

Увлечение мое родилось из любви к обычной нитке. Любовь эту подарила мне моя бабушка. Я закрываю глаза и вижу...

«Яровая живушка, отдай мою силушку на долгую зимушку». Тяжелой старославянской вязью нашито по гарусному опояску. Скатерти, полотенца, подзоры для кровати, узорчатые кофты и косоворотки. И все это сделала моя бабушка.

Я вижу ее руки в столбе солнечного света, падающего из двери амбара, ее сухие полупрозрачные пальцы, словно испускающие тонкие, колеблющиеся лучики льняных нитей. Ниток на рамке — целый лес, они серые, блестящие...

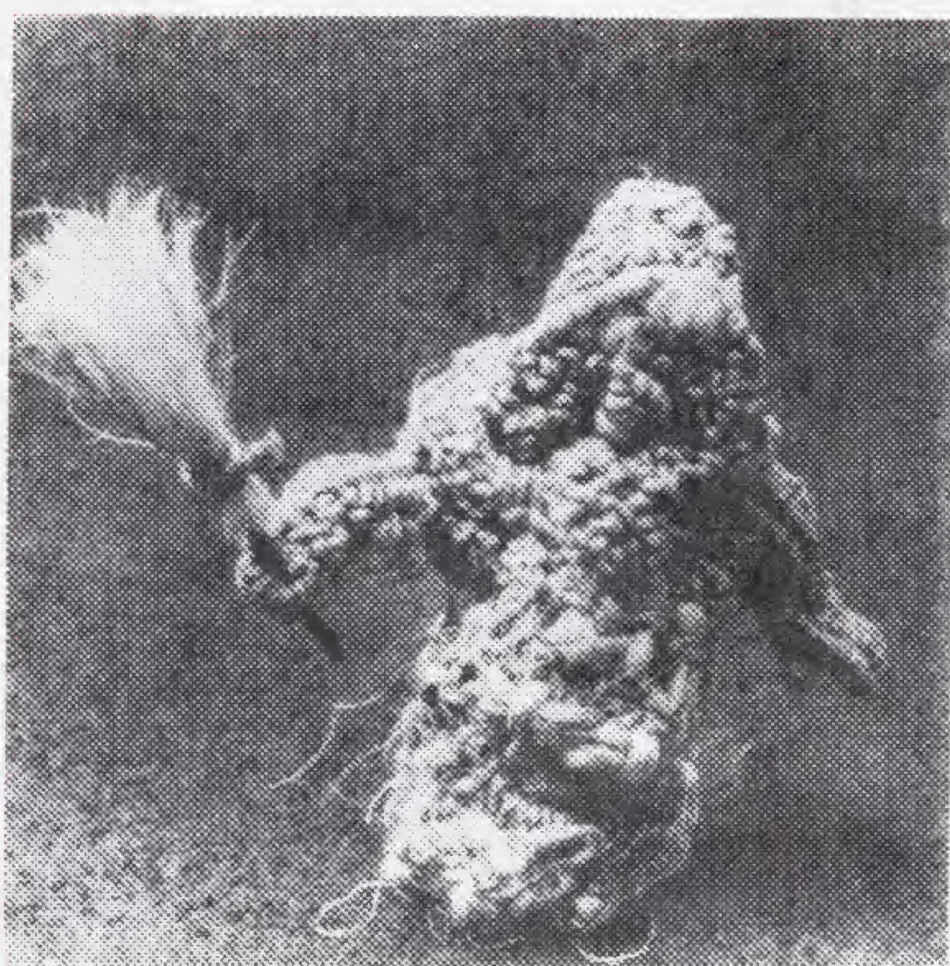
Бабушка умела создавать из ниток целый мир. У нее был станок, прялка, веретено. Я тоже захотела оживить нитки. Но как? Бабушкиных инструментов у меня в городе не было. И тогда я услышала загадочное слово «макраме». Его произнесла одна моя знакомая, художница по тканям. Она сказала, что макраме уходит своими корнями в седую древность.

— Знаешь, каким узлом Геракл завязывал на шее шкуру Немейского льва?

Я не знала.

— Узел так и называется — «гераклов». Или иначе «прямой». Обе его половинки одинаковы... Макраме почти не требует приспособлений. Ты берешь две палки и с их помощью крепишь на край стола спицу или веревку. И твой станок готов. Мелкие вещи можно плести на фанерке, обтянутой поролоном. А главный секрет в узлах. Много-много узлов — это и есть макраме.

И я начала учиться. Первые четыре узла давались с огромным трудом. Опыты кончались плачевно: я разучилась завязывать обыкновенный узел, узлы снились мне, я разыскивала их повсюду. В книге «Народные русские сказки» под редакцией Афанасьева я увидела заглавные буквы, выполненные по старинным образцам. И я начала плести буквы! Однажды мне попалась книжка «Морские такелажные работы». И количество узлов в ней меня просто ошеломило. Мне показалось, что моряки только тем и занимались, что вязали узлы. Из этого я сделала вывод: как человеческий каприз

обратил волка в крошечную болонку, так в процессе декоративных работ из чисто мужского дела возникло изящное рукоделие макраме.

Макраме увлекло меня. Скоро моя комната стала напоминать пещеру со сталактитами и паутиной. С потолка свешивались многоярусные абажуры, на стенах красовались плотно сплетенные композиции, напоминающие резьбу по дереву, занавеси на окнах и двери из тонких льняных нитей создавали таинственный полумрак.

Макраме принесло мне большое удовольствие, и я советую вам, ребята, тоже заняться макраме. Но подходите к этому делу не спеша. Начинать с больших вещей не стоит. Начинайте с вещей, полезных в домашнем хозяйстве: подставки под кастрюли и чайник, сетки для вашего мяча или для картошки. К дню рождения мамы сплетите абажур на лампу. Для папы оплетите дорожный термос.

А теперь: с чего начать?

Учиться вязать узлы начинайте на бельевой хлопчатобумажной веревке (на искусственной узлы держатся хуже). На первое занятие хватит четырех метров.

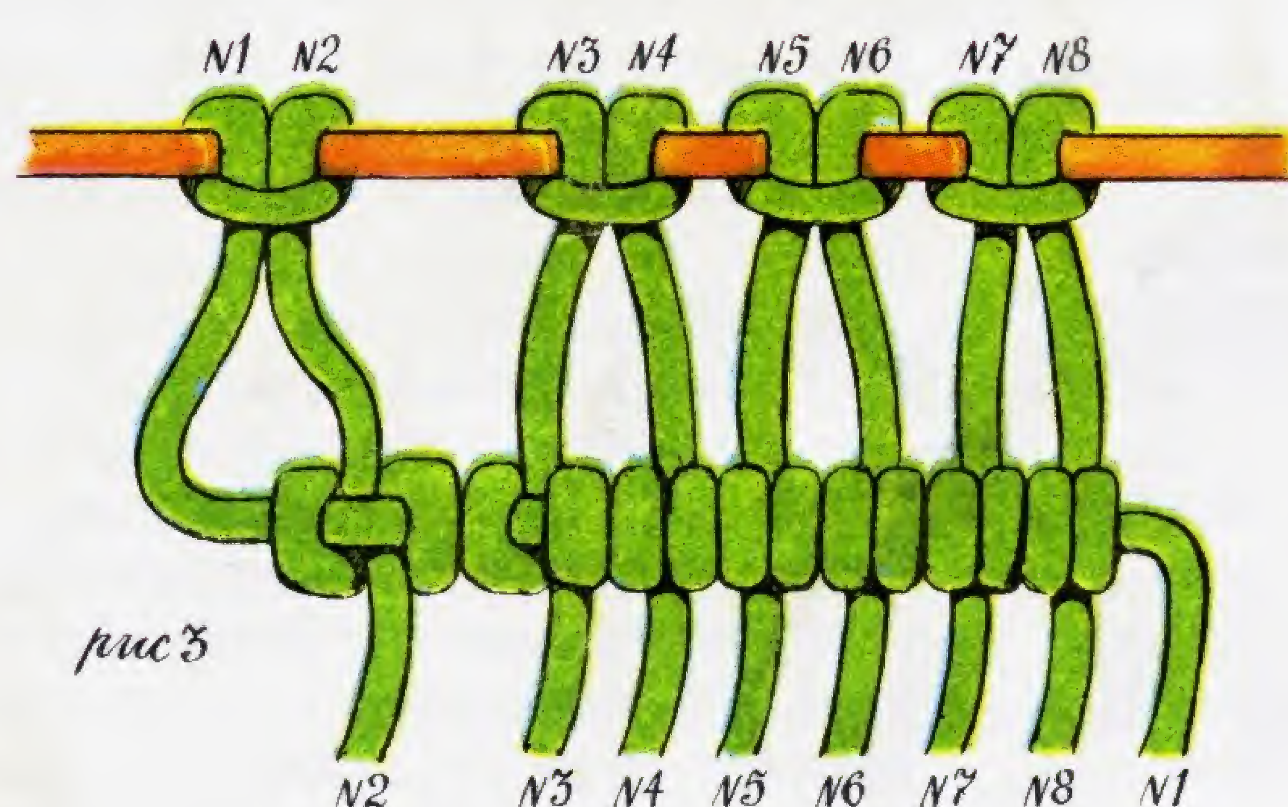
Разрежьте веревку на четыре части. Каждый отрезок сложите пополам и перекиньте через палку или несущую веревку (рис. 1) и в образовавшуюся петлю проденьте два рабочих конца этой веревки. Навесив четыре двойные веревки, мы получили восемь рабочих веревок. Чтобы петли держались вместе, их нужно укрепить. Делаем это с помощью одного из главных узлов макраме. Этот двойной узел называется бридовым, а из ряда этих узлов получается брида (рис.3). Так как этот узел завязывается вокруг неподвижной веревки, поучимся завязывать его на палочке. Возьмите тонкую палочку или карандаш и положите на восемь ваших веревок. Правой рукой держите карандаш, а левой возьмите первую веревку и обвейте карандаш этой веревкой, как показано на рисунке 2а. Затем обвейте еще раз (рис. 2б) и затяните (рис. 2в). Бридовый узел готов. Освоив этот узел на карандаше, можно вязать его уже на веревку. Веревка, заменяющая карандаш, будет называться нерабочей. На нее мы навяжем все оставшиеся веревки. Итак, навязываем бриду.

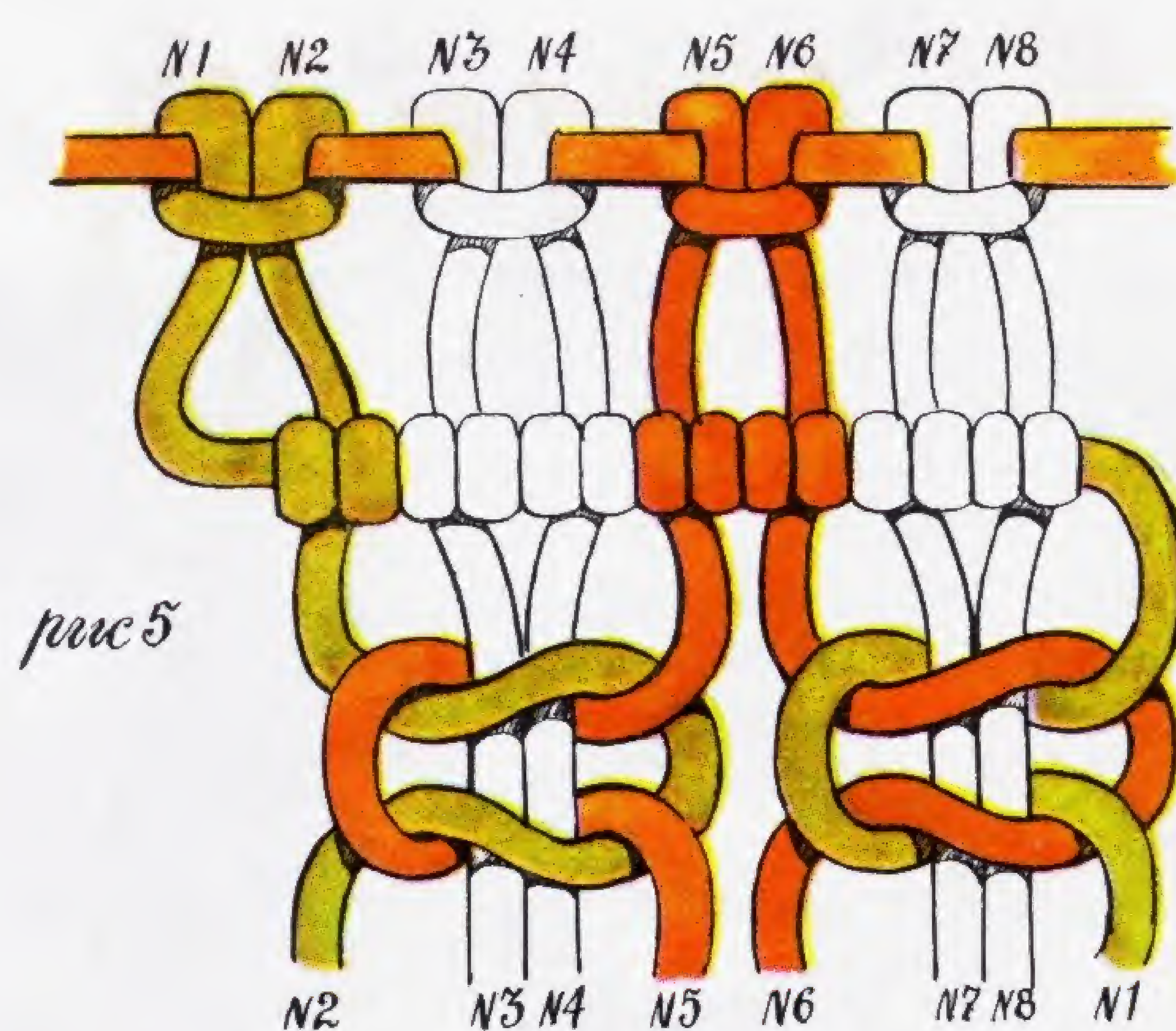
Правой рукой возьмите веревку 1 и положите ее на оставшиеся семь веревок параллельно палке (рис. 3). Левой рукой завяжите бридовый узел веревкой 2. Подтяните узел влево. Если узел не двигается, значит, он завязан неверно. Левой же рукой возьмите веревку 3 и тоже завяжите бридовым узлом и сдвиньте к первому узелку. Таким образом завяжите все остальные узлы. Нерабочая веревка 1 выйдет справа. Помните: узлы должны лежать близко друг к другу, чтобы нерабочая веревка не просматривалась.

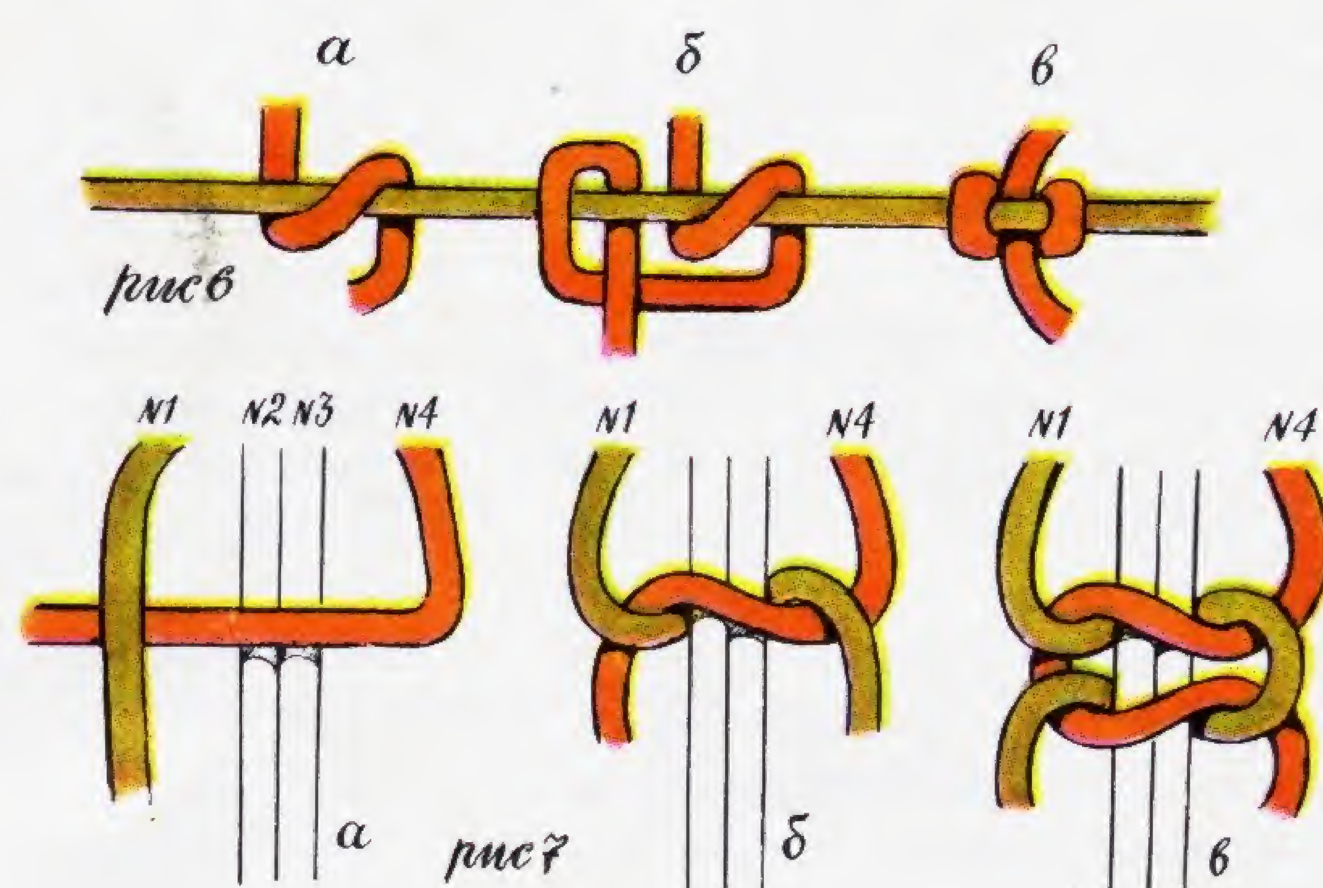
Укрепив бридой наши веревки, можно попробовать связать второй основной узел. Называется он плоский двойной узел. Слегка отступив от бриды вниз, возьмите любые четыре веревки. Первая и четвертая могут быть разного цвета: они рабочие (рис. 4). Положите веревку 1 поперек веревок 2 и 3, а веревку 4 — на веревку 1 (рис. 4а). Потом подведите веревку 4 под веревки 2 и 3 и вытащите ее на веревку 1 (рис. 4б). Это первая половина двойного плоского узла. Далее кладем веревку 1 опять на две средние веревки, но под веревку 4, а затем вытаскиваем веревку 4 в образовавшуюся петлю (рис. 4г). Затягиваем узел за обе рабочие веревки. Веревка 1 по-прежнему слева, веревка 4 — справа. Освоив этот узел, можно связать сетку из двойных плоских узлов на восьми наших веревках (рис. 5 и 8). Расстояние между узлами должно быть одинаково, узлы вяжутся в шахматном порядке (рис. 8). Рабочие и нерабочие веревки чередуются.

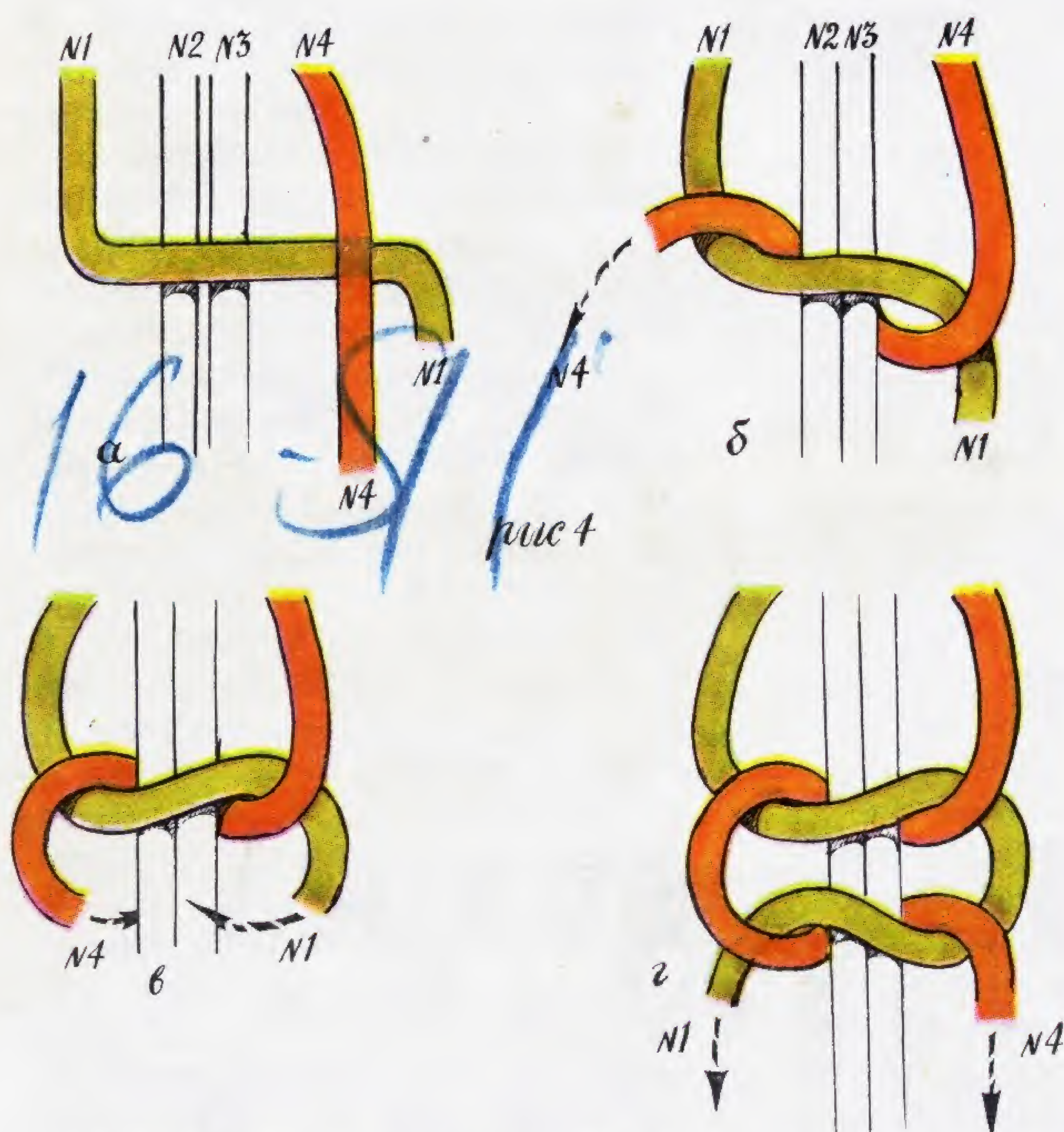

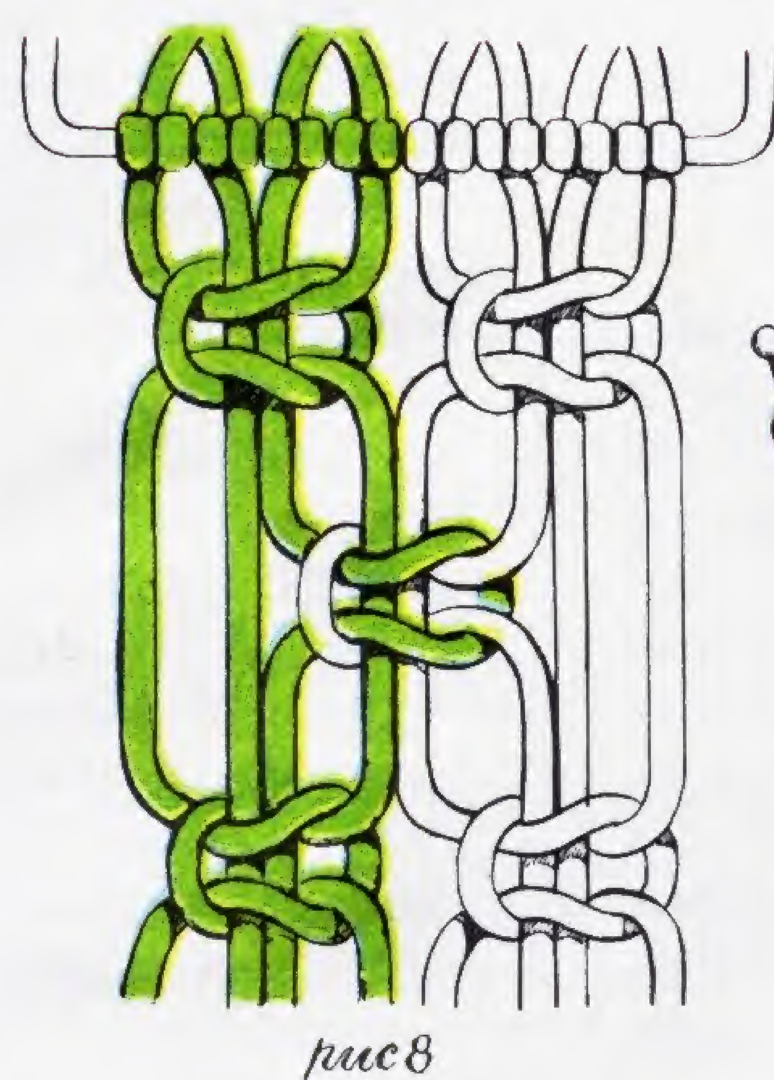

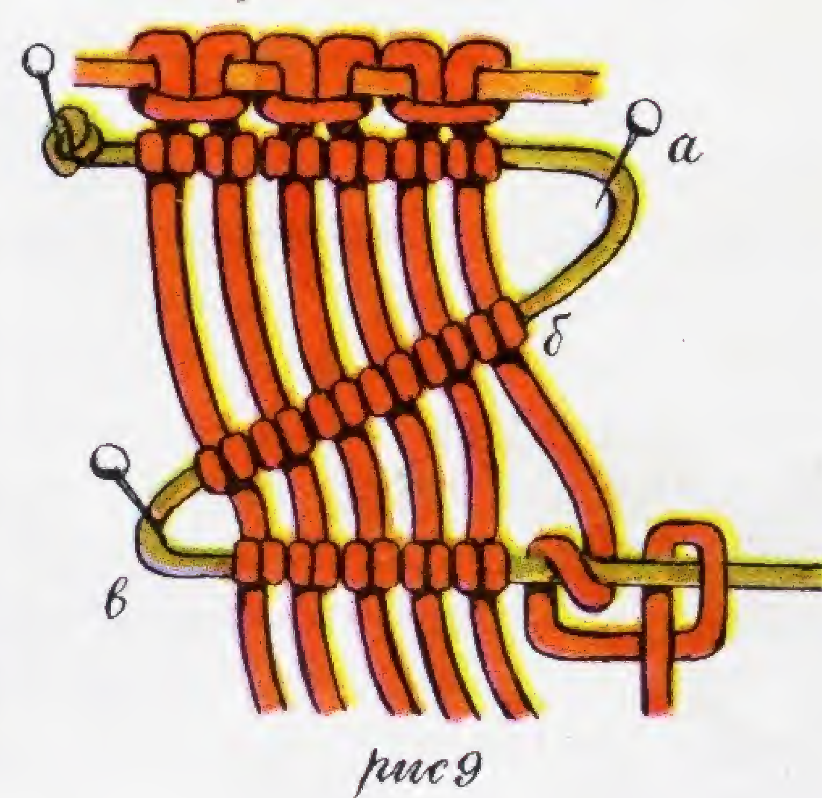

Эти двойные плоские узлы напоминают жука, голова которого смотрит влево,— это левый двойной плоский узел. Но можем связать и правый (рис. 7). Он вяжется как зеркальное отражение левого узла. Веревку 4 кладем поперек веревок 2 и 3 под веревку 1 (рис. 7а). Веревку 1 подводим под веревки 2 и 3 и вытягиваем на веревку 4 (рис. 7б). Веревку 4 кладем поперек на веревки 2 и 3, а веревку 1 под веревки 2 и 3 и вытягиваем в петлю слева: «жук» смотрит вправо (рис. 7б).

Бридовый узел тоже можно вязать в другую сторону. Если брида идет вправо, как на рисунках 3 и 5, то узлы завязываем левой рукой, а правая держит нерабочую веревку. Но если брида идет влево (рис. 9б), то завязывать узлы нужно правой рукой, а левой держать нерабочую веревку. В этом случае сначала набрасываем веревку с правой стороны (рис. 6).

В качестве нерабочих для бриды можно брать другие веревки, как на рисунках 8 и 9. Это делается для того, чтобы не перепутать веревки, если они будут цветными (рис. 8).

А теперь внимательно посмотрите на Бабу Ягу. Она сделана из бридовых узлов. Они плотные и хорошо держат форму без каркаса. Юбка — из двойных плоских узлов. Попробуйте связать сами Бабу Ягу. Желаю успеха!

Н. ШАБАЛИНА.

Рисунки автора.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.